

НА РА Ю. СЕНКЕВИЧ
ЧЕРЕЗ АТЛАНТИКУ

НА **РА** Ю. СЕНКЕВИЧ ЧЕРЕЗ АТЛАНТИКУ

ГИДРОМЕТЕОИЗДАТ. ЛЕНИНГРАД. 1973

В основу книги, адресованной самому широкому кругу читателей, легли дневниковые записи Юрия Сенкевича, судового врача на борту «Ра-1», а затем «Ра-2».

«На «Ра» через Атлантику» — прежде всего подробная летопись экспедиции, организованной неутомимым путешественником Туром Хейердалом. Целью экспедиции было доказать возможность трансатлантических путешествий в древние времена. Однако Юрий Сенкевич не просто живо и увлекательно описывает события — он размышляет над ними, идет от фактов к обобщениям, особенно его интересуют психологические проблемы, нормы поведения и взаимоотношения внутри небольшого интернационального коллектива, в сложных условиях выполняющего общую задачу. Наблюдения Сенкевича ценны и потому, что, возможно, уже не за горами полеты межпланетных кораблей с интернациональными экипажами. В этом смысле значение опыта «Ра» трудно переоценить.

«То, что объединяет человечество, является естественным и должно поощряться», — этими словами Хейердала открывается книга. И вся она, с первой до последней страницы, — о людях, о сотрудничестве их во имя мира.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

— Почему бы вам не взять с собой в следующую экспедицию русского? С таким вопросом обратился ко мне президент Академии наук СССР М. В. Келдыш, когда я приехал в Советский Союз по приглашению одного из академических институтов после моей археологической экспедиции на остров Пасхи в Тихом океане.

Я не забыл этого предложения, и через несколько лет академик Келдыш получил письмо, которое его, должно быть, немало удивило. Я готовил плавание через Атлантический океан из Африки в Америку на папирусной лодке, и мне хотелось взять с собой экспедиционным врачом русского. Условия: он должен владеть иностранным языком и обладать чувством юмора!

О медицинской квалификации я ничего не писал, так как и без того не сомневался, что Академия наук подберет первоклассного специалиста. Не говорил я и о том, что нужен человек крепкий, здоровый и смелый, — все эти качества тоже сами собой подразумевались. Вот почему я ограничился просьбой подобрать человека, обладающего чувством юмора и говорящего на иностранном языке. Не все отдают себе отчет в том, что добрая шутка и смех — лучшее лекарство для души, лучший предохранительный клапан для людей, которым предстоит неделями вариться в одном котле, работая в трудных, подчас даже опасных условиях.

Президент Келдыш передал мое письмо в Министерство здравоохранения, там выбрали молодого исследователя, медика Юрия Александровича Сенкевича, и он тотчас согласился.

А через несколько недель мы с Юрием впервые встретились на аэродроме в Каире, незадолго до того, как папирусную лодку «Ра» увезли с площадки у пирамид туда, где должно было начаться экспериментальное плавание через океан. Мы никогда раньше не видели друг друга. Нам предстояло вместе плыть на нескольких связках папируса, вместе жить на них день и ночь, неделями, быть может, месяцами. Трудно сказать, кто больше волновался перед первой встречей — Юрий или я. После Юрий рассказал мне, что он выпил стопочку в самолете, чтобы быть поостроумнее!

Мы с первой минуты стали друзьями. Академия наук и Министерство здравоохранения правильно поняли, какой экспедиционный врач нужен нам на нашей маленькой папирусной лодке. Выбор пал на одаренного молодого ученого, сильного и здорового, как русский медведь, смелого и верного, веселого и дружелюбного.

Двадцать пятого мая 1969 года семь человек из семи стран ступили на борт папирусной лодки в порту Сафи, в Марокко. Русский врач, американский штурман, египетский аквалангист, мексиканский антрополог, плотник из Республики Чад в Центральной Африке, итальянский альпинист и я сам, норвежец, руководитель эксперимента. Когда мы спустя два месяца уже

в американских водах покинули пропитанные водой связки папируса, то чувствовали себя не просто друзьями, а почти братьями. У нас позади были общие радости и невзгоды, общая работа на нашем кораблике, где жизнь и благо каждого зависели от товарищей.

Чтобы не рисковать понапрасну жизнью людей в научном эксперименте, я как руководитель прервал плавание незадолго перед тем, как мы достигли Вест-Индских островов. Мы убедились, что папирус — вполне пригодный материал для строительства лодок, при условии что лодку строят и управляют ею люди, знающие в этом толк. Следовательно, представители древних культур Средиземноморья вполне могли пересечь океан и доставить ростки цивилизации в далекие края. И мы доказали, что люди из разных стран могут сотрудничать для общего блага, даже в предельной тесноте и в самых тяжелых условиях, невзирая на цвет кожи и политические и религиозные убеждения. Достаточно уразуметь, что можно большего достичь, помогая друг другу, чем сталкивая друг друга за борт.

О прочности нашей дружбы лучше всего говорит то, что вся семерка собралась вновь в порту Сафи через десять месяцев, с тем чтобы спустить на воду папирусную лодку «Ра-2» и сделать новую попытку пересечь Атлантику на более совершенном суденышке, вооруженными практическим опытом первого плавания.

В последнюю минуту семейные обстоятельства вынудили нашего друга из Чада остаться, но его место занял другой африканец, бербер из Марокко. Кроме того, к нам присоединился японский кинооператор. И восемь человек с востока и запада, с севера и юга пересекли Атлантический океан и благополучно сошли на берег Америки. Юрий Александрович Сенкевич участвовал в обоих плаваниях, и в этой книге он рассказывает о наших приключениях так, как он их воспринимал.

Тур Хейердал

Колла Микери, 17 апреля 1971 года

В обоих плаваниях «Ра» я вел подробные дневники; после возвращения мне пришлось часто выступать с лекциями, некоторые из них записывались на пленку, так что накопилась изрядная фонотека. Выдержки из медицинских отчетов и иных документов тоже, казалось, могли пригодиться. Собственно, книга уже была, в набросках, в разрозненных строчках и перебеленных страницах, — книга была — и все же ее не было, потому что как сгруппировать, распределить и связать весь этот материал, я не знал.

Тем временем моими дневниками заинтересовался пионерский журнал «Костер». Я стал бывать в его редакции — и познакомился там с милым и обаятельным Феликсом Нафтулевым. Мы очень быстро подружились, благо оба любили морские путешествия и детей. Вскоре я уговорил его заняться вместе этой книгой.

Работали мы долго и трудно, и что из этого вышло, судить не нам. Однако в любом случае я должен поблагодарить журналиста Ф. Нафтулева за большую помощь, которую он мне оказал.

Мне хочется также выразить чувство искренней благодарности и признательности всем тем, кто прямо или косвенно участвовал в подготовке этих двух экспедиций.

То, что объединяет человечество, является естественным и должно поощряться, и, наоборот, то, что разъединяет людей, является искусственным и должно быть преодолено.

Тур Хейердал

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Как кончалось прошлогоднее плавание. — На борту «Шенандоа». — Что нам делать с корабликом! — «Там полно акул!» — Печальное расставанье. — Тур трижды говорит «да». — И все-таки... — Приватный обед в Каире. — Храним тайну. — Опять Сафи. — Хвала Ивон. — Тур хватается за голову. — «А плавать ты умеешь!» — Нас провожают. — Сорвало парус! — Операция «Грот». — Как трудно его поднимать. — Штурм. — Зачем, зачем!..

Мы забрались на крышу хижины, Жорж — ближе к носу, я — к корме, и обозревали горизонт. Норман крутил шарманку рации. Карло роздал колбасу и сгущенное молоко — последний наш завтрак на «Ра».

Все вокруг было в диком хаосе, в хижине плескалась вода, плавали доски, медикаменты, пахло аскорбиновой кислотой, только два ящика еще чудом держались, тот, на котором спал Тур, и тот, на котором — Абдулла; газовые баллоны смыло, и в абсолютно чехомодном настроении мы ждали, когда подойдет яхта и подойдет ли.

Вдруг Норман закричал:

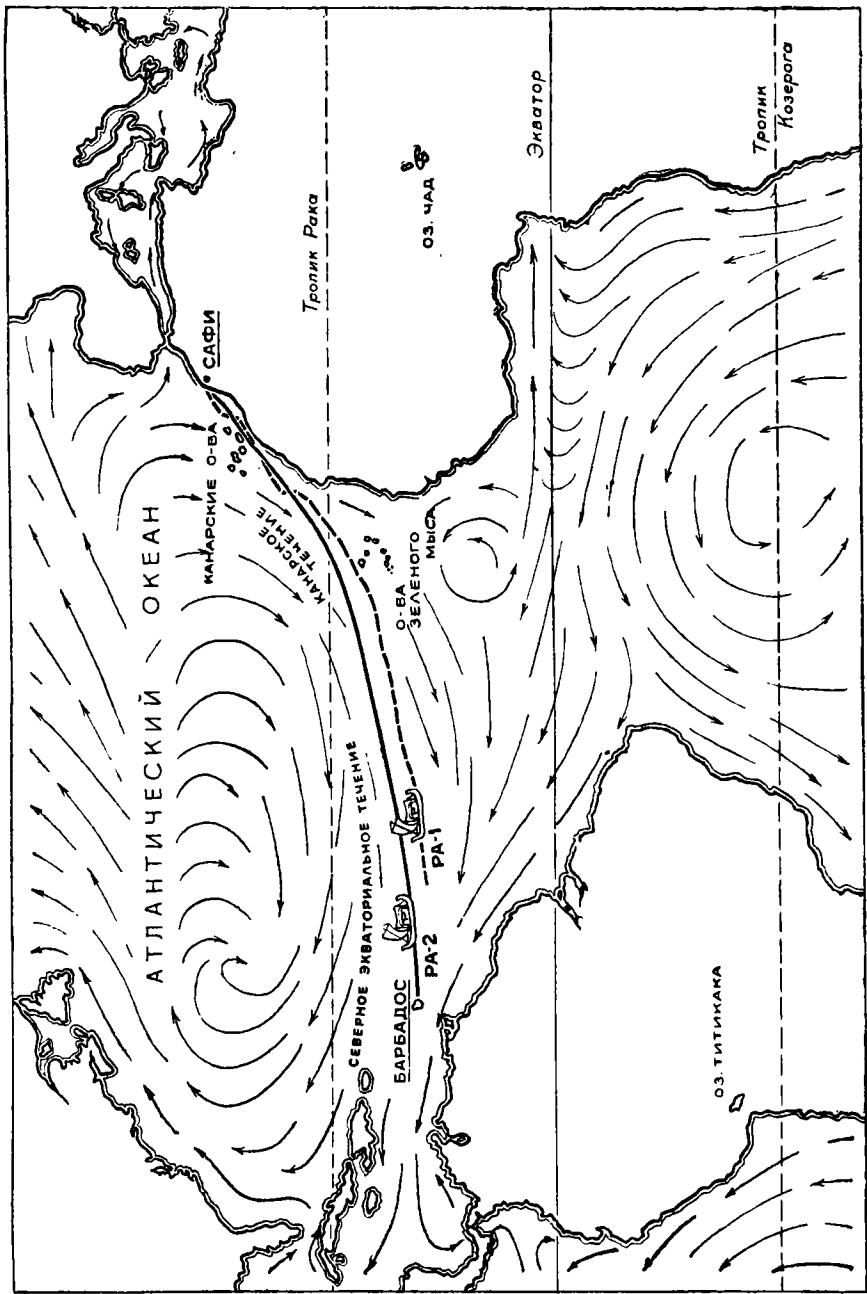
— Я их вижу! Куда вы смотрите, там, наверту?!

В моем кормовом секторе ничего не наблюдалось, я обернулся к Жоржу — тот клевал носом. А вдали виднелась белая точка.

Она приближалась понемногу и становилась роскошной красавицей яхтой, качало ее немилосердно, на борту стояли парни, ярко одетые, с фото- и киноаппаратами, они снимали нас, мы тут же оживились, проснулись, заматали, полезли на мачту, закричали, чтобы прежде всего прислали нам покурить. Подошла резиновая лодочка, и матрос бросил с нее блок сигарет, мы на него накинулись, распотрошили и закурили блаженно.

Теперь хорошо бы вымыться пресной водой — едва очутившись на «Шенандоа», я шепнул об этом Туру, он кивнул: «Беги!» — и я ринулся внутрь, обнаружил ванну, чье-то мыло и бритву — а когда вернулся, пресс-конференция уже шла полным ходом, Тур отвечал на вопросы, на сотню, если не на тысячу, затем мы поели, выпили пива, ледяного, из холодильника, и чувствовали себя превосходно, а многострадальный наш корабль мирно покачивался совсем рядом и тоже отдыхал, —

Так завершилось наше первое путешествие, 16 июля 1969 года, десять месяцев назад, а сегодня будто их не было, этих месяцев. Снова снасти скрипят, рубашка просолена, сейчас выскочит Норман и крикнет: «Дерржи вправо!» — нет, ничто

не кончилось, только экипаж немножко другой, да корабль не тот, хоть и называется так же.

Тогда, после встречи с «Шенандоа», сразу возникла проблема, куда девать «Ра». Бросать его нам не хотелось. Жорж заявил, что покидать папирусное судно вообще не собирается. Он, мол, договорился с Абдуллой, и они продрейфуют до Барбадоса, потихоньку, без вахта, будут заниматься ремонтом, а мы с яхты возьмем их под контроль и в случае чего окажем помощь.

Уговорились, что утром все обсудим как следует, и Жорж, полный энтузиазма, отправился на «Ра» засветить сигнальный фонарь. Фонаря он не зажег, поскольку керосин выгорел, а пока возился — стемнело, развелось волнение, и мы испугались, что декларации Жоржа осуществляются слишком буквально: яхтенный прожектор, как на грех, не действовал, и за ночь, в кромешной тьме, «Ра» и «Шенандоа» рисковали разойтись навсегда.

Делать нечего. Норман сел в резиновую лодочку, ему подсвечивали кто чем — кинософитами, карманными фонариками. Кое-как, почти уже ощупью, он подшвартовался к «Ра» и вернул энтузиаста пресному душу и свежим простыням.

А наутро мы с Жоржем — я в качестве гребца-перевозчика, он с аквалангом — поплыли выяснять, что можно на «Ра» сделать и как продлить его век.

Мы почти догребали, когда я вдруг ощутил, что кто-то шевелится подо мной, внизу. Я сказал об этом Жоржу, он сунул голову в маску под воду и сообщил:

— Там полно акул!

Я тоже посмотрел и увидел — ходят рыбины, двух-трехметровые, если не больше.

Все же Жорж решил нырнуть, хотя я твердил, чтобы он не смел этого делать. Нырнул, вынырнул, уселся на борт «Ра» и принялся рассуждать о том, что, видимо, работать не удастся, но попробовать стоит: «А ты бери ружье и карауль».

Как бы я его укараулил, не знаю, он — под водой, акулы — тоже под водой, но я взял ружье и дежурил минут пять, это были не самые спокойные в моей жизни минуты, — потом надел маску и поинтересовался, где он там, — Жорж плавал, и акулы плавали, понемногу собираясь в кружок. Жорж не стал дожидаться, пока они сговорятся окончательно, и выбрался на воздух. Я сказал ему: «Хватит, не безобразничай, поехали обратно». Однако он попросил переправить на «Ра» Тура, пусть на месте принимает решение.

Я перевез сперва Тура, затем Нормана, затем еще и Сантьяго. Они долго и азартно жестикулировали, но ни к каким утешительным выводам не пришли.

Повторяю, бросать «Ра» нам до слез не хотелось.

Снова отложили приговор до утра — может быть, твари разбредутся. Уже глубокой ночью направили в океан кинолампы, он акулами кишмя кишел, черные тени сновали во всех направлениях. Матросы учинили рыбалку, весьма впечатляющую: за борт выбрасывался канат с огромным крючком, с пластиковой бутылкой-поплавком, канат крепился к поручням и эмг начинал ходить ходуном, его тянули в десять-двенадцать рук — суп из акулых плавников вкусен, — но судьба папирусного суденышка была решена.

Мы ободрали «Ра» как липку, сняли и перевезли на яхту все, что можно: мачту, капитанский мостик, любую мелочь, годную для музея «Кон-Тики», а что не годилось, то полетело в воду. Потом Норман и Сантьяго соорудили из двух маленьких весел подобие мачты, привязали к нему кусок брезента вместо паруса, и несчастный, надломленный наш кораблик растаял наконец в зыбком мареве, а «Шенандоа» взяла курс на Барбадос, до которого оставалось всего 900 километров.

Но перед этим нас еще долго фотографировали, на палубе, на фоне покидаемого «Ра»; снимков требовалась масса, затворы щелкали наперебой, и это злило, злил рулевой, который вновь и вновь дарил репортерам выигрышный ракурс. Мы уходили, разворачивались и опять спешили, словно дразнились, туда, где крошечный брезентовый «парус» сиротливо силится сдвинуть нам вдогонку израненное, отяжелевшее тело, где корабль прощался и не просил оправданий, а пел, как и прежде, свою заунывную скрипучую песню, песню о пятидесяти трех днях борьбы и дружбы, радостей и разочарований, торжества и страха, а может быть, и о древних мореплавателях, которые были отважнее нас и шли до конца.

Что до «Шенандоа», то она приветливо распахнула для нас двери ваннх комнат и пивные утробы холодильников, но мы не могли с ней дружить. Между нами стояла тень «Ра», и от этого яхта злилась, шлепала по волнам сталью корпуса, была нас углами столов и диванов. «Ра» был другой, он был нежен, певуч, податлив, согревал нас ночью и давал тень в полуденный зной, доверчиво нес нас к победе...

Неделей раньше, восьмого июля, в день, когда волны уже заливали нас напроць, когда под мостином плескалось море, когда принялись выбрасывать даже деревянные кусочки и обрезки, которыми так дорожил Тур, и съестные припасы тоже, — в тот день Тур говорил:

— Предвижу, о чем нас будут спрашивать, и готов ответить.

Он будто репетировал беседу с вероятным оппонентом, и глаза его блестели:

— «Ра» — океанское судно?

— Да, оно прошло в открытом океане две тысячи семьсот миль.

— Могли ли древние идти таким маршрутом?

— Да, и успешнее: их папирусные суда были построены лучше нашего, а потом, в отличие от нас, они ходили всегда по ветру. Это дольше, но проще и сохраняет корабль.

— Удалось ли сотрудничество семи наций на борту «Ра»?

— Да, интернациональный экипаж вполне доказал свою жизнеспособность.

Три вопроса, и на все три ответ начинается с «да». Экспедиция задачу выполнила. «Шенандоа» не в счет, как бы ни были мы ей по-человечески благодарны.

Кстати, уже с Барбадоса самолеты несколько раз летали в район, где остался «Ра», пытались найти его, но безрезультатно. Там в те дни прошел ураган, так что, возможно, кораблик был просто развеян по стебельку, — нет, вовремя мы оставили «Ра»! Мы поступили правильно, благоразумно, не в чем нам себя упрекнуть, нас поздравляли и чествовали, и все-таки, —

И все-таки сегодня, спустя год, мы опять в океане. И опять в контракте, подписанном каждым из нас, сказано: «...рисковую и сознаю, что иду на риск».

А получилось так. В Египте, куда мы прибыли по официальному приглашению (это была целая череда визитов — экипаж «Ра» посетил ОАР, гостил в Советском Союзе, ездил в Норвегию, в Италию), — в Каире, после очередного торжественного обеда, Тур вдруг заявил, что хотел бы отобедать еще раз.

Мы собрались в отеле, сугубо своей компанией, и Тур завел речь издалека.

Он сетовал, что фильм, снятый на «Ра», не совсем удачен, не хватает кадров с океаном и кораблем, — а как было снимать такие кадры, если на «Ра» отсутствовала надувная лодка? И еще кое-чего на нем не имелось, а то, что имелось, действовало не всегда безотказно, рулевые весла, к примеру, — только теперь вполне ясно, как их делать и из чего. Что ж, путешествие было как бы черповое, мы испытывали судно и самих себя, и, разумеется, испытания прошли прекрасно, но ведь это лишь испытания, —

— А что если я буду строить второй «Ра»?

Выпалил и взглянул на нас в упор, на каждого, и мы поняли, что он уже все для себя решил, и сколько бы он, продолжая, ни подчеркивал, что разговор теоретический, что как там будет, еще неизвестно, — мы слушали и понимали: суть не в рулях и фильме. С момента, когда мы ступили на палубу «Шенандоа», — пусть до финиша оставались считанные мили, неважно, — с той минуты мы автоматически обрели себя на новую попытку, по-

тому что эксперимент должен быть чистым, потому что Тур не из тех, кто решает проблемы «в общем и целом».

Норман согласился, и Карло согласился, и Жорж, и Абдулла, и Сантьяго, и я, и сразу условились, что беседа наша до поры секретная, подвляли рюмки и забыли о ней, жили как прежде, — но семена были брошены. Мы снова становились матросами «Ра».

«...Однажды зимой, в солнечный день, между двумя взрывами смеха Сантьяго мне сказал: «Что ты скажешь, если узнаешь, что есть «Ра-2»? Я не сразу смогла ответить, а когда ответила, то примерно так: «Я скажу, что «Ра-2» возможен в твоей жизни, но не в моей». Вечером я спросила: «Ты действительно опять уедешь?» — «Да». — «А другие?» — «Да, все решились». — «Тогда сделайте судно надежнее, я не могу каждый год помирать от страха».

Это из записок жены Сантьяго, Андрэ. Кстати сказать, именно Сантьяго и пришлось «делать судно надежнее», он разыскал и нанял индейцев-строителей, перевез их с озера Титикака в Марокко, — но об этом позже.

Всю зиму мы готовились к плаванию, утрясали служебные и личные дела, уговаривали близких и начальство — и стремились сохранить тайну, об этом просил Тур. Он хотел обойтись без рекламы и преждевременных сенсаций.

В январе я выступал в Московском телевизионном театре, и неожиданно ведущий на весь зал объявил:

— Друзья, это путешествие для Юрия Сенкевича не последнее, уже строится другой «Ра»!

Я оторопел, едва дождался, пока окажемся за кулисами, бросился к нему: «Что ж ты делаешь?!» А он говорит: «Это напечатано в сегодняшнем номере «Московского комсомольца».

Да, шила в мешке не утаишь. И все-таки мы тайли его, как могли, пока не наступила весна. Секреты кончились в мае. Опять Сафи, марокканский порт, и опять кипит работа. Корабль почти готов — что значит «почти», лучше не объяснять, это значит разрывайся пополам, затыкай двадцать дыр и беги за сотней зайцев, а ведь кроме корабля есть и багаж, вода, продовольствие, которое надо собрать, упаковать, погрузить.

У нас был сарайчик на берегу, он по площади примерно соответствовал «Ра-2», и вот в нем мы трудились в поте лица, раскладывали груз в пакеты, пересыпали рисом, чтобы адсорбировалась влага, прикидывали, где и что разместится.

Провианта набиралось несусветное количество, и способствовала этому главным образом жена Тура, Ивон.

Она приносила в сарай самые невероятные морсы, сиропы, соки. Мы ужасались: «Зачем это?» — «Ничего, мальчики, берите!»

Вы же будете совсем одни, удовольствий, радостей никаких, а как приятно посидеть в холодке и пососать лимонную конфетку!»

Здесь настает пора сказать хотя бы несколько слов об Ивон, и я это делаю с радостью и глубокой признательностью.

Первым тостом, который мы провозгласили на Барбадосе после прошлогоднего плаванья, был тост за «Леди «Ра». И это вовсе не было формальным актом вежливости: пусть простит меня Тур, я очень его люблю, но временами мне — и не только мне — казалось, что жену его мы любим больше.

Она сама обшивала матрацы, на которых мы спали. Помнила, что Сантьяго предпочитает жесткие зубные щетки, а я — мягкие, что Жорж обожает спать на высокой подушке, а Карло — вообще без подушки. Учитывала наши пристрастия и уважала слабости. Съестное, снаряжение, бухгалтерия — все это лежало на ней, она за всем следила и все успевала.

Наряду с прочим, она еще перестукивала на машинке книгу, которую Тур за зиму не успел закончить и сейчас срочно дописывал, прячась в развалюшке рядом со стапелем.

В день, когда «Ра-2» предстояло крестить и спускать на воду, — опять цитирую записи Андрэ — женщина женщину застала врасплох:

— Ивон, вы ли это? Вы плакали?

— Да.

— Почему?!

Выяснилось, что Ивон только что перепечатала главу, где говорилось о затопленной корме, о сломанных веслах, о ветре и волнах, против которых мы были беззащитны.

Нам было легче, мы только плыли, а волновалась за нас она. И вновь ей выпадал черед волноваться.

Радио сообщило, что церемония спуска — ровно в одиннадцать. Официальные лица прибывали в черных автомобилях, с шоферами в ливреях. Ритуальные брызги козьего молока, шорох и хруст соломы — и судно в голубом море.

Тут же мы его чуть не лишились.

Ветер был свежий, кораблик легкий, с буксирного катера вовремя не кинули конец — и нашу новенькую ладью потащило, как осенний листок, потащило и бросило — прямо на бетонный пирс.

Тур схватился за голову.

«Ра-2» ударило о стенку со страшной силой, благо что носом, загнутый нос спружинил, и судно отскочило от пирса, как мячик. Его подхватили, зацепили и оттащили туда, где ему полагалось намокать.

Это было десятого мая, мы тогда еще не знали, что отплывем только через полторы недели, надеялись, что управимся раньше, —

лихорадочно грузились, ставили мачту и мостик. Здесь была допущена ошибка, оснастку лучше не монтировать на нлаву: во-первых, как ни осторожничай, все равно рвешь папирус, треплешь его, топчешь, а поправить уже невозможно; во-вторых, корабль впитывает воду сверх нормы, ресурс непотопляемости расходуется ни на что — следовательно, только поспевай, пошевеливайся, набирай темпы.

Последнее утро вижу как сквозь сон: шесть часов, холодно, круглый гостиничный стол. Подробности стерлись из памяти, мне потом их пересказывали, будто постороннему. Оказывается, я был страшно весел и разговорчив, приставал к новичку Мадани, чтобы тот быстрее расправлялся с яичницей: «Ешь, еще неизвестно, когда мы снова будем есть». Мадани ответил: «Я боюсь, у меня случалась морская болезнь». Я расхохотался и не мог остановиться, крикнул второму нашему новичку, Кею: «А ты? У тебя нет морской болезни? А плавать ты умеешь?» — «Извини, не умею». — «Тур, Тур, ты слышишь?!» Тур отозвался спокойно:

— Будем следить, чтоб не свалился за борт. А что касается Мадани — пусть и у врача на «Ра» окажется занятие.

Холл отеля наполнился людьми, были друзья, журналисты, фотографы, любопытные. На пирс вышел наша Сафи, Тайеб Амара, и сказал прощальную речь. Тур тоже произнес речь. Прибыли послы, наш, американский, норвежский, множество дипломатов, народу собралось толпы, пароходы в порту гудели, Ивон («Уж возьмите, мальчики!») подвесила к потолку хижины ветчину и колбасу, — а мы все что-то доделывали, догружали, распахивали и в суматохе даже не почувствовали торжественного мига, не заметили, как буксирчик потащил нас к выходу из гавани, — и вдруг, осознав, расслабились, вздохнули облегченно: слава богу, кончилось! Именно не началось, а кончилось, теперь держи курс, считай мили — нормальная мужская работа.

Погода была великолепная, ветер северо-восточный, то, что нам надо. Сафи едва виднелся в дымке. Пора было поднимать парус. Уточнили, как будем это делать, и стали по местам.

Мы с Сантьяго стояли на шкотах, он — справа, я — слева. Я помнил, что это не такое уж сложное дело, и не слишком напрягался, обмотал шкот вокруг бруса и глазел по сторонам. Но я упустил из виду, что веревка свежая, сухая и скользит, и, когда парус пошел вверх, внезапно хлопнуло, рвануло, обожгло ладони, и шкот змеей взлетел в воздух, а левый нижний угол паруса завернулся и бешено заполоскал. Сантьяго растерялся и выпустил свою сторону тоже.

Надо сразу сказать о парусе.

В прошлом году нам с ним сразу крепко не повезло. В первый же день сломался рей, и это повергло нас, неопытных, в ужас, —

казалось, нет никакой возможности что-либо исправить. Но и от-даться полностью на волю течения тоже было нельзя, прежде всего потому, что тогда путешествие растянулось бы минимум на все лето. И мы решили попробовать соорудить хотя бы маленький парус, чтобы хоть немножко тянул.

Это был небольшой треугольничек, нижними углами его пред-стояло крепить к палубе, верхним — к топу мачты. Разумеется, для этого нужно было на нее лезть, я просился, но Норман за-претил, сказав, что мачта качается, удержаться на ней трудно, а я недостаточно еще тренирован, и на мачту вскарабкался Жорж, я же в порядке тренировки добрался до середины и подавал Жоржу парусину.

Скорость сразу увеличилась, курс стал постабильней, особен-но после того как с четвертой попытки, под руководством того же Нормана, мы привели корабль к ветру.

Однако вскоре Тур заметил вдалеке слева горы, очень боль-шие и едва различимые, это был берег Африки, нам совсем не хо-телось с ним встречаться, и, расхрабрившись, мы поставили второй треугольный парус, уже не спереди мачты, а сзади нее.

Тут дело пошло гораздо быстрее, мы понемногу становились записными матросами.

С двумя парусами «Ра» имел вовсе неплохой ход, но штур-мана и эта скорость не устраивала, аппетит приходит во время еды.

— Сто миль за два с половиной дня! — ворчал Норман. — Разве это паруса? Парусята!

И вот, обмирая от собственного нахальства, экипаж «Ра» при-ступил к операции «Грот».

Тур долго совещался с Абдуллой, чем заменить сломанный рей. Разворошили весь запас дерева, нашли подходящую палку, привязали к ней дополнительный усиливающий брус.

На следующий день укрепили шпор мачты слева, еще через день — справа.

Никто не хотел торопиться, все понимали, что любую случай-ность следует исключить заранее.

С рассвета до темноты возились, прикрепляя парус к рею, и оснащали рей.

Еще раз проверили узлы и крепления брасов — канатов, иду-щих от ноков рея к обоим бортам.

Начали подъем. Мы с Норманом тянули с бортов, Карло и Жорж — посередине, Тур наблюдал за компасом и удерживал «Ра» на курсе, Абдулла и Сантьяго следили за брасами.

Не боги горшки обжигают — наш большой парус наполнился ветром, крен резко уменьшился, корабль побежал весело и Нор-ман заулыбался:

— Для моряка самое неприятное — штиль и дрейф.

После плавания «Ра-1», слушая мои рассказы, дотошные собеседники иногда спрашивали, почему мы редко работали с парусом, почему на ходу не брали рифы.

Дело в том, что его просто очень трудно, физически тяжело ворочать, поднимать и опускать.

Он огромный, восемь метров в высоту и около того в поперечнике, из натурального хлопка, причем прочности необычайной, в прошлом году за два месяца — ни одного разрыва, и это при колоссальной нагрузке, особенно когда нас разворачивало, — он метался так, что казалось — разлетится в клочья!

А весил он верных полсотни килограммов, сухой, а мокрый — воображаете, сколько? Ставили мы его не меньше сорока минут, а убирали иногда и полтора часа — смотря какая погода и какое время суток. Ночью, да еще в бурю, парус кружил над нами, как чудовище, мы боролись с ним отчаянно, по трое и четверо повисая на канатах. Однажды Сантьяго, пытаясь взять парус не мыгьем, так катаньем, уцепился за нижнюю шкаторину, она предательски провисла, но ударил порыв ветра и Сантьяго взмыл, как Икар. К счастью, его опустило туда же, откуда подняло. А если бы за борт?!

У Сантьяго с парусом вообще были натянутые отношения. Как-то грот заполоскала, а Сантьяго в это время шел на нос. Парус сбил его с ног, Сантьяго вскочил и вновь был сбит, и тут он принял стойку и начал боксировать с парусом. И вышел победителем, поскольку «Ра-1» в ту же минуту лег на курс.

Итак, первый подъем паруса на «Ра-2» был неудачен, но бодрого настроения мы не теряли, убрали парус, закрепили шкоты намертво и снова подняли, он надулся и расцвел над нами, гигантский, с оранжевым диском в центре, похожий на диковинный праздничный флаг.

Как это всегда бывает, праздник длился недолго.

Сразу по выходе из бухты нас качнуло, для пробы, баллов под пять, это было как бы дружеское приветствие нашим новичкам, и они отреагировали моментально: Кей укрылся в хижине, а Мадани прилег на корме с полиэтиленовым мешочком. А затем уже океан принялся и за ветеранов, всерьез, явко желая побыстрее вернуть им форму.

Мы попали в штормовую зону. Нас бешено несло и бешено швыряло. Вновь навалилась усталость, не та, бестолковая, сухопутная, — о ней впору было вспомнить со смехом, — там по крайней мере руки слушались, а здесь давишь на рукоять рулевого весла и не чувствуешь собственных пальцев, ни согнуть их, ни разогнуть.

Сантьяго попробовал сменить меня у кормила, постоял чуть-чуть, я сказал: «Брось, ладно», — он и без того валился с ног. Минул еще час вахты, четвертый, и мое место занял Жорж, а я спустился с мостика. Тур сидел у входа в хижину, усталый и осунувшийся.

— Спасибо, Юрий.

— Не за что.

— Я доволен, что ты вновь со мной. Сегодня я лишь наполовину человек, думать могу, а работать не получается.

— Ты бы поспал.

— Сейчас никак, сам понимаешь — первый день.

— Ладно, тогда распределим ночную вахту на четверых. Карло, Норман, Жорж и я, а остальные пусть отдыхают.

— О'кей, потом отдохнете вы.

Я вздремнул и был разбужен Карло в два ночи. Ярко светила луна, океан бурлил и пенился, ветер срывал гребешки волн и плескал ими в лицо.

Мы шли неподалеку от берега, временами виднелись огни маяков, держать следовало примерно $225-230^\circ$, между западом и юго-западом, как раз на луну — огромная, рыжая, она горела точно по курсу, и я старался подпереть ее носом лодки, однако скоро тучи сомкнулись и нас окутал полнейший мрак.

Когда не видишь волн, вначале встречать их боязно, но быстро привыкаешь, чувствуешь их приближение всем телом и ноги сами начинают подгибаться и выпрямляться, следуя движением палубы.

Я совершенно замерз, еле-еле отстоял свое, разбудил Нормана и завалился спать, даже не потрудившись раздеться и снять тапочки.

Зачем, зачем мы опять ввязались в это дело? Ну, Тур — понятно, у него гипотеза, а мы-то, остальные, зачем?..

Написал это и подумал: нет, не так. На борту «Ра» нет деления на вдохновителей и исполнителей. Взять хоть меня самого: что мне, казалось бы, до древних мореходов? А вот вспомню о них — и радуюсь, и горжусь, что повторяю их маршрут...

РАССУЖДЕНИЕ ПЕРВОЕ

о диффузионизме и изоляционизме и проблемах древних трансокеанских связей

Плывем из Северной Африки в Южную Америку, без мотора, без гирокомпаса, без локатора, на небольшом судне, сделанном из эфиопского папируса. Плавание не совсем обычное и, естественно, вызывает к себе интерес.

Вопросы, вопросы... Вероятно, из одного их перечня можно было бы составить отдельную книгу: умные, коварные, заботливые, снисходительные, жалостливые, высокомерные, восторженные, — их задавали корреспонденты, родственники, знакомые, друзья, — в первые дни путешествия мы забавлялись тем, что вспоминали свои интервью перед стартом, и хохотали, выяснив, что каждого из нас хоть по разу да спросили:

— А вы когда-нибудь участвовали в подобной экспедиции?

Жорж так отвечал на это:

— Да, конечно, — примерно пять тысяч лет назад.

В этом шутовском ответе гораздо больше смысла, чем кажется.

Я не антрополог, не археолог, не этнограф, и проблемы, которых собираюсь касаться, лежат вне области моих профессиональных знаний. Поэтому пусть всюду, где только можно, мне приходит на помощь Тур Хейердал.

Вот что он пишет в одной из своих последних статей:

«Споры, касающиеся контактов между Старым Светом и Новым, имевших место до походов Колумба, не прекращаются до сих пор. Со временем в науке сложились два противоположных направления: изоляционизм и диффузионизм.

Изоляционисты считают, что два основных океана, омывающие Северную и Южную Америку, абсолютно изолировали Новый Свет от контактов со Старым до 1492 года. Эта школа допускает, что первобытные охотники проникли из азиатской тундры на Аляску в зоне арктического севера — и только.

Диффузионисты, напротив, считают, что существовала единая общая колыбель всех цивилизаций. Они допускают различные варианты плаваний в древнюю Америку из Азии, Европы или Африки в доколумбову эпоху».

Такова суть полемики, возникшей еще в прошлом веке и разгоравшейся все жарче по мере того, как между древними

культурами по ту и эту сторону океанов обнаруживались новые и новые черты сходства.

Сходство оказывалось несомненным и необычайным.

«...Пирамидальные постройки, поклонение Солнцу, браки между братьями и сестрами в царских семьях, накладные бороды у первосвященников, трепанация черепа, письменность, система календаря, употребление нуля, ирригация и террасное земледелие, возделывание хлопчатника, прядение и ткачество, гончарное дело, кладка из подгоняемых друг к другу огромных блоков, праща, птицеголовые божества, музыкальные духовые инструменты, камышовые лодки, рыболовные крючки, гробницы, настенная роспись и барельефы», —

Прерываю перечисление, чтобы не утомить вас. В статье Хейердала оно занимает еще чуть не десяток строк. Здесь мумии и там мумии, здесь бумага и там бумага, здесь игрушки на колесах и там игрушки на колесах, — а посередине пучина. Пучина, которую в этих широтах никто не пересекал до Колумба.

Или, может, пересекал?

Изоляционисты — устами самых ярых своих представителей — отвечают безапелляционно и однозначно: «Нет, нет, никогда. Параллели и совпадения случайны. Цивилизации развивались независимо».

Столь же безапелляционны ярые диффузионисты: «Да, да, сколько угодно и кто угодно! Океаны — не помеха! У всех цивилизаций — общая колыбель!»

Стороны неистовствуют, упрекают друг друга в беспочвенности позиций, в отсутствии прямых доказательств, — однако полярность их взглядов лишь кажущаяся. Отправная точка у спорщиков одина, и это подмечено Туром Хейердалом весьма точно:

«И те, и другие рассматривают океаны как мертвые, неподвижные бассейны. Только экстремисты-изоляционисты считают, что эти мертвые водные пространства являются барьерами для перемещения людей в любом направлении, а экстремисты-диффузионисты рассматривают океаны как открытые глади, по которым мореходы-aborигены могли путешествовать в любом удобном им направлении».

Сам Хейердал относится к океанам иначе. Всей своей творческой жизнью, всеми гипотезами и теориями своими он, возможно, обязан тому, что однажды, в молодости, взглянул на Океан иными глазами, чем остальные:

«В тот памятный вечер мы, как обычно, сидели в лунном свете на берегу... Завороженные сказочным зрелищем, мы чутко воспринимали все, что происходило вокруг. Наши ноздри вдыхали аромат тропических цветов и соленого моря, слух улавливал шорох ветра, перебиравшего листья деревьев и пальмовые

кроны. Через правильные промежутки времени все звуки тонули в гуле прибоя, — мощные океанские валы несли свои пенящиеся гребни вверх по отмели, чтобы разбить их вдребезги о прибрежную гальку. Воздух наполнялся стуком, звоном и шуршанием миллионов блестящих камешков, затем волна отступала, и все стихало, пока океан пабирал силы для нового натиска на упорный берег.

— Странно, — заметила Лив, — на той стороне острова никогда не бывает такого прибоя.

— Верно, — ответил я. — Здесь — наветренная сторона, поэтому волнение никогда не прекращается.

Дело происходило в 1938 году, в Полинезии.

В том давнем январе к берегам острова Таити причалил корабль. На его борту среди других пассажиров был двадцатичетырехлетний студент-зоолог Тур Хейердал с женой. Пассажиры громко пели старинный таитянский гимн: «Э мауруру а вау!» — «Я счастлив».

На Таити Хейердалы сделали пересадку, и парусная шхуна «Тереора» перевезла их на Фату-Хиву, уединенный скалистый островок Маркизского архипелага. Здесь им предстояло испытать счастье во всей его полноте.

Тур хотел сделать прыжок на тысячи лет назад. Последовать на практике призыву «Вернись в дебри», довольно модному в те годы у какой-то части европейской интеллигенции, и посмотреть, что из этого получится. Редко посещаемый, начисто лишенный цивилизации, остров Фату-Хива весьма подходил для такого эксперимента.

Обратим внимание: Хейердал уже тогда был верен себе — отвлеченные рассуждения «на тему о...» его не устраивали. Облюбовав тезис, он тут же стремился взвесить его на руке, опробовать на вкус, запах и цвет.

Хейердалы прожили на острове год. Тех, кто хочет знать подробности, отсылаю к книге «В поисках рая», увлекательной, пронизанной юмором и чуть-чуть печальной. Рай не был найден, и полного счастья не вышло. Бананы не заменили бифштексов, а экзотические «младшие братья» оказались полунищими и полуголодными людьми, которым, увы, не в новинку и религиозные распри, и ложь, и воровство.

И все же Тур нашел на Фату-Хиве гораздо большее, чем то, что искал:

«...Мы продолжали любоваться валами, которые, казалось, упорно твердили, что идут с самого востока, все время с востока. Извечный восточный ветер, пассат, — вот кто теребил поверхность воды, вспахивал ее и гнал борозды впереди себя, через линию горизонта вон там на востоке и прямо на эти острова, где

неугомонный бег волны, наконец, разбивался о рифы и скалы. А ветер легко взмывал ввысь через лес и горы и продолжал беспрепятственно свой полет от острова к острову, вдогонку заходящему солнцу. И так с незапамятных времен... Волны и легкие тучки с неуклонным постоянством переваливали через далекую линию горизонта на востоке. Это было отлично известно первым людям, достигшим этих островов. Об этом знали здешние птицы и насекомые; наконец, этот факт определял здесь все развитие растительного мира. А там, далеко-далеко за горизонтом, к востоку, лежал берег Южной Америки. Восемь тысяч километров отсюда, и все время вода, вода...

Мы смотрели на летящие облака и волнующийся в лунном свете океан и прислушивались к рассказу старого полуголого человека, который присел на корточки перед затухающим костром, глядя на тлеющие угольки.

— Тики, — произнес старик задумчиво. — Он был и бог, и вождь. Это он привел моих предков на острова, где мы живем теперь. Раньше мы жили в большой стране далеко за морем.

Он сгрел угли прутиком, чтобы не дать им окончательно погаснуть. Старый человек, весь погруженный в свои мысли, он жил теперь в прошлом, только в прошлом. Его предки и их подвиги с самых древних времен, когда на земле жили боги, были озарены в его глазах божественным ореолом. Теперь он готовился к встрече с ними. Старый Теи Тетуа был последним оставшимся в живых представителем вымерших племен, которые когда-то населяли восточное побережье Фату-Хивы. Он и сам не знал, сколько ему лет, но его морщинистая коричневая кожа выглядела так, словно ветер и солнце сушили ее вот уже сто лет. Он был одним из тех немногих среди жителей архипелага, кто еще помнил предания отцов и дедов о великом полинезийском вожде и божестве Тики, сыне солнца, — помнил и верил им.

Когда мы в ту ночь легли спать в нашей маленькой клетушке, мои мысли все еще были заняты рассказом старого Теи Тетуа о Тики и о далекой заморской родине островитян. Приглушенный гул прибоя аккомпанировал моим размышлениям, как будто голос самой седой старины хотел поведать что-то ночному мраку. Я не мог уснуть. Казалось, время перестало существовать и Тики во главе своей морской дружины именно в эту минуту впервые высаживается на сотрясаемый прибоем берег. И вдруг меня словно осенило:

— Лив, тебе не кажется, что огромные каменные изваяния Тики, стоящие здесь в джунглях, очень напоминают таких же гигантов, которые остались стоять до наших дней в местах распространения древних культур Южной Америки?

Мне отчетливо слышались одобрительные нотки в гуле при-
боя. Затем он постепенно затих, — я уснул».

Вернувшись в Норвегию, Тур Хейердал сдал в университет-
ский зоологический музей коллекцию жуков и рыб с Фагу-Хивы
и заявил, что зоология его больше не привлекает и что отныне он
решил посвятить себя исследованию жизни древних народов.

Пройдет два с половиной десятка лет, и на заседании Коро-
левского географического общества он поднимет бокал за «сочета-
ние одобрения и противодействия» и назовет это сочетание
«главным двигателем научного прогресса»:

«Противодействие, возражения, а иногда и поражение необхо-
димы, чтобы идти к научной истине, расширять пределы челове-
ческого познания. Конечно, не так-то легко воздать должное этому,
особенно когда в лицо дует свирепый штормовой ветер. Но
когда ветер попутный, как сегодня, мы вполне можем это при-
знать...»

Таким образом, он великодушно позволит недоброжелателям
быть причастными к его славе. Но сперва не будет ни славы, ни
почестей, ни побед, — одни шквалы, безжалостные, многолетние
шквалы в лицо.

Догадка Хейердала о том, что Полинезия заселялась, возможно,
не только с запада, со стороны Азии, но и с востока, с амери-
канских берегов, вызвала у специалистов сильнейшее неодобре-
ние. Ученые мужи смеялись и издевались над недоучившимся
студентом, над мальчишкой без степеней и званий, пожелавшим
критически оценить общепринятые взгляды.

Его обзывали авантюристом, выскочкой, фальсификатором.
Что он там болтает о легендарном вожде Кон-Тики, о бальсовых
плотах, о маршруте Перу — Таити? Еще со времен капитана
Кука признано, что предки полинезийцев явились из Малайской
области, это не подлежит сомнению, об этом говорят многочис-
ленные факты: в языке островитян-полинезийцев и малайских
племен есть общие слова и корни, там и здесь разводят кур, сви-
ней, выращивают хлебное дерево, сахарный тростник, — все это
бесспорные элементы азиатской культуры, неизвестные в древней
Америке. А если полинезийцы резко отличаются от малайцев ро-
стом, телосложением, формой черепа и т. д., так это особый во-
прос, им надо заниматься отдельно, во всяком случае не призывая
на выручку мифические флотилии Кон-Тики.

Почти никто из оппонентов не замечал, что Тур Хейердал
ведь и не оспаривает вероятности миграции из Азии. Напротив,
он даже определил возможный путь этой миграции — через север-
ную часть Тихого океана; он лишь предположил, что заселение
Полинезии проходило в два этапа, что раньше малайцев на остро-
ва явились перуанцы, а потом те и другие смешались, — и исхо-

дл при этом именно из Океана, реального, конкретного, живого Океана с ветрами и течениями, словно нарочно созданными для того, чтобы любую щепку, брошенную в воду у подножия Анд, донесло через сотню дней прямехонько до архипелага Туамоту.

Ему снисходительно объясняли: южноамериканские суда не пригодны для мореходства. Его рукопись «Полинезия и Америка; проблема взаимосвязи» никто не соглашался даже перелистать.

Обескураженный и удрученный, но не разуверившийся, он отправился к основному своему оппоненту и спросил:

— Что бы вы сделали на моем месте?

— Сам бы сплавал на плоту, — ответил маститый профессор, видимо, радуясь про себя столь удачной шутке. Но Хейердалу в тот момент было не до шуток, он тут же ухватился за эту безумную, казалось, идею, собрал друзей, построил плот и пошел.

Американское военно-морское ведомство снабдило его запасом армейских рационов, калорийность которых требовалось экспериментально уточнить, и снаряжением, которое требовалось экспериментально же проверить. Среди подлежащих испытанию изделий имелся порошок, якобы отпугивающий акул. Тур поинтересовался, эффективен порошок или нет. Ему объяснили, что как раз это тоже предстоит ему выяснить.

В середине 1947 года плот, построенный из бальсовых бревен и нареченный «Кон-Тики», с пятью норвежцами и одним шведом на борту проплыл за сто один день от Перу до Туамоту. Подтвердилась серьезность научных воззрений Хейердала; об отважном ученом и путешественнике узнал и заговорил мир.

Пришли слава, средства, независимость. Фильм об экспедиции получил премию «Оскар». Книга о «Кон-Тики» была переведена на восемьдесят языков.

Помню, как впервые держал эту книгу в руках: на обложке — огромная волна в виде перевернутой запятой и маленький кораблик.

Думал ли я в те дни, что паши с Хейердалом дороги пересекутся?

Нет, конечно, ни тогда, ни много позже, — я знал только, что есть на свете такой замечательный, неутомимый исследователь и писатель Тур Хейердал, что он выдвигает смелые гипотезы и отстаивает их не рассуждениями, а делом: вот, отвечая на возражения скептиков — перуанские лодки могли-де плавать лишь вдоль побережья, иначе Галапагосский архипелаг был бы открыт и освоен инками задолго до испанцев, — он организует экспедицию на Галапагосы, ведет археологические раскопки и неопровержимо доказывает: да, древние индейцы бывали на архипелаге неоднократно! Вот у берегов Эквадора строят и спускают на воду плот, оснащенный системой выдвижных килей-гуар, и его испытаниями

подтверждает: да, плоты древних перуанцев были маневренны, они могли идти к ветру под более острым углом, чем старинные европейские парусники, и достигать любой точки в океане! Вот отправляется на остров Пасхи, лежащий как раз посредине между Южной Америкой и Полинезией, и устанавливает, что первые поселенцы достигли этого острова по меньшей мере на тысячу лет раньше, чем считала наука, и что являлись они опять же выходцами из Перу!

Все это существовало как нечто чрезвычайно интересное и чрезвычайно далекое — и «Кон-Тики», и «Аку-Аку» были для меня просто увлекательным чтением и не более того.

А между тем в Аргентине состоялся очередной международный симпозиум, специально посвященный проблемам доколумбовых трансокеанских связей. Диффузионисты и изоляционисты вновь скрестили мечи:

— А лодки, коллега?! Папирусные лодки африканцев и камышовые с озера Титикака?! Они похожи как две капли воды — чем вы это объясните, если не проникновением африканской культуры в Америку?!

— Совершенно справедливо, коллега! Лодки почти одинаковые, а к высокогорному озеру Титикака нет никаких морских путей, в центре Американского континента из Нила не приплывешь, — значит, это довод не в вашу пользу, а в нашу, африканская и американская цивилизации развивались параллельно!

— Хорошо, оставим лодки, — а пирамиды?

— А религия?

— А календарь?..

Они опять ни о чем окончательно не договорились. Хейердал, которого пригласили руководить симпозиумом, закрыл его с чувством неудовлетворенности и огорчения.

Он не примыкал ни к той, ни к другой школе. Все более он укреплялся в мысли о том, что историю человечества не втиснешь в формальные рамки, что нельзя абсолютизировать ни миграций, ни параллельного развития культур, — нужно подходить к проблеме конкретно и экспериментировать, а не перебрасываться доказательствами, которые можно толковать и так и сяк.

Кроме того, он заметил некоторые неточности в умозаключениях досточтимых коллег — ошибки, если учесть накал полемики, вполне извинительные. Лодки, подобные титикакским и египетским, строились и в других местах. На них плавали — судя по историческим документам — и вдоль тихоокеанского побережья Америки, между Калифорнией и Чили, и по некоторым озерам Мексики, и — в Старом Свете — по водоемам Эфиопии, Месопотамии, по Чаду и Нигеру, а также у берегов Марокко. А Марокко и Мексика связаны постоянным океанским течением!

Снова, как когда-то, в тот далекий волшебный вечер на восточном берегу Фату-Хивы, роль инициатора и катализатора размышлений брал на себя Океан:

«Давайте беспристрастно взглянем на этот непреодолимый барьер, который возвели изоляционисты вокруг Америки доколумбовых времен...

Когда речь идет о дальних трансокеанских плаваниях, надо всегда помнить два важных обстоятельства. Первое: расстояние между двумя противоположными точками земного шара ничуть не короче пути по дуге большой окружности в северном или южном полушарии. Мы зрительно привыкли к изображению экватора на карте как прямой линии и забываем порой, что в действительности это окружность. Второе: путевое расстояние, которое предстоит пройти судну по поверхности океана из одной географической точки в другую, «не равно» измеренному по карте, и даже путь «туда» не равен пути «обратно». Все зависит от того, как соотносится скорость судна со скоростью течения. Возьмем, например, расстояние от Перу до островов Туамоту. Оно составляет приблизительно 4000 миль, однако плот «Кон-Тики», выйдя из Перу, достиг Туамоту, пройдя по поверхности океана всего около 1000 миль, поскольку в то же время поверхность эта сама по себе смещалась с востока на запад благодаря течению. Зато если бы мы могли отправиться назад, следуя точно по прежнему маршруту с прежней скоростью, нам пришлось бы покрыть уже около 7000 миль. Этот казус хорошо иллюстрируется сравнением с эскалатором: попробуйте подняться, а затем спуститься по тому же эскалатору, движущемуся наверх».

Далее Хейердал рассматривает естественные океанские маршруты к Новому Свету (их три) и от Нового Света (их тоже три). Маршрут Лейва Эйрикссона из Норвегии к Гренландии и Ньюфаундленду и маршрут Колумба, который длиннее, но предлагает мягкие климатические условия, чрезвычайно благоприятные течения и попутные ветры, и маршрут Урданетты, единственный маршрут из Азии в Америку, с «петлей» (которая на самом деле не длиннее прямой!) к северу от Гавайев — им, видимо, и плыли в Полинезию азиатские переселенцы — и встречный маршрут, названный именем Менданди, — его можно также назвать маршрутом Инков, по нему проплыл «Кон-Тики», а впоследствии — еще семь (!) экспедиционных плотов...

Обо всем этом обстоятельно рассказывается в статьях Тура Хейердала «Возможные океанские пути в Америку и из Америки до Колумба», «Заселение Полинезии», «Трансокеанские плавания: изоляционизм, диффузионизм или нечто среднее?», «Изоляционист или диффузионист», — которые я постоянно на этих страницах пересказываю или цитирую. Однако цитаты не заме-

нят первоисточника в целом, и если вам захочется разобраться в затронутых проблемах основательней, возьмите книгу Хейердала «Приключения одной теории» и прочтите ее. Здесь же нам важен окончательный вывод, к которому приходит Хейердал:

«...Океаны не барьер для мореплавателей, напротив, они как бы пересечены гигантскими ленточными транспортерами, способными доставить из одного района в другой все, что может держаться на плаву».

Это очень важный вывод. Благодаря ему становится очевидной несостоятельность позиции изоляционистов, утверждающих, что все черты сходства древних культур Старого и Нового Света свидетельствуют в пользу независимого их развития, ибо как, мол, их иначе объяснишь? Слишком-де велико расстояние между древней зоной Анд и древним Средиземноморьем, и потому любые доколумбовы связи исключены.

«А почему, собственно, исключены? — спрашивает Хейердал. — Что, разве океан до Колумба был иным? Не было еще Канарского течения и восточных пассатов? Или перед народами Средиземноморья стояли какие-нибудь психологические преграды, от которых испанцы и португальцы были свободны?»

И абзацем ниже:

«Мы, истинные европейцы, конечно же, не настолько ослеплены собственной историей, чтобы считать себя породой суперменов... Египтяне и их соседи в Месопотамии и Финикии лучше знали астрономию — основу навигации, — чем любой европеец, современник Колумба, Кортеса и Писарро. Финикийцы вместе с египтянами плавали вокруг Африки еще при фараоне Нехо, за двадцать столетий до того, как Колумб отправился в океан, который, по убеждению европейцев, кишел драконами и обрывался пропастью у горизонта. Мы восхищаемся способностями и мастерством древних, воплощенными в их гигантских пирамидах, совершенном календаре, богатой литературе и глубокой философии... — правильно ли одновременно отказывать им в возможностях сделать то, что сделал Писарро с горсткой своих людей в эпоху, отмеченную суевериями и невежеством?»

Речь идет, разумеется, о плаваниях Писарро и его соотечественников через океан, а никак не о том, что случилось дальше. Как известно, солдаты Писарро и Кортеса, продвигаясь по Америке, вступали в большие города с колоннадами, пирамидами и акведуками, дивились искусству ювелиров, кузнецов, ткачей. Затем, во имя злата и Иисуса, они прошли по всему этому огнем и мечом. И постарались отменно — так, что позднее ученым пришлось буквально заново открывать, по крохам реконструировать

древние цивилизации коренных обитателей Средней Америки, цивилизации, увы, погибшие не в результате стихийного катаклизма, не смытые наводнением и не погребенные землетрясением, а сознательно и варварски стертые с лица планеты.

Не все, однако, исчезло бесследно. А кое-что и не исчезло вовсе, до сих пор существует, шумит листвою, цветет, плодоносит, не ведая, что стало живым памятником давно ушедших эпох.

Недаром в статьях Хейердала столько внимания уделяется фактам, почерпнутым из этноботаники.

Вот один из самых наглядных примеров. Среди растений, культивируемых человеком, в Америке широко распространен плэнтин, или банан. «Диких родственников» у него в Новом Свете нет, и потому, следуя взглядам изоляционистов, нужно было бы предположить, что банан появился на Американском континенте только с приходом туда европейцев. Действительно, старинные хроники повествуют о епископе Панамском Томасе де Берланга, который в 1516 году посадил несколько корней банановых деревьев на острове Испаньола, откуда якобы банан распространился и на материк.

Если это так, то получается, что распространялся он со скоростью, невероятной даже для неприхотливой сорной травы, потому что уже через четверть века бананы росли как культурное растение вдоль всей Амазонки.

Можно ли представить себе, что, воздав хвалу епископу Панамскому, аборигенные земледельцы моментально вырыли часть посаженных им корней, перевезли их морем с Испаньолы к устью Амазонки, затем прошли на веслах самую длинную в мире реку, пробившись сквозь джунгли с тяжелым грузом — и все лишь для того, чтобы вновь закопать незнакомые клубни, не зная даже толком, что из них вырастет?

«Нет, — говорит Хейердал, — все же естественней верить инкским документальным свидетельствам, утверждающим, что банан — исконная, древняя культура Перу. И помнить, что еще в 1879 году археологи сообщали о находке банановых листьев и плодов в гробнице доколумбова кладбища в Анконе».

Подчеркиваем: диких родичей у американского плэнтина нет, он не был, следовательно, «приручен» в Новом Свете и, значит, появился там уже в «домашнем» облике, — а случиться так могло лишь, если существовали древние трансокеанские контакты.

Другой ботанический пример. Тыква.

Тыква широко культивировалась в древней Африке. Ее использовали не столько в пищу, сколько для изготовления буты-

лей, в которых хранили воду во время морских плаваний. Точно тем же целям служила тыква и в Мексике, и в Перу.

Считалось, что бутылочную тыкву — и ее семена — завезли в Новый Свет испанцы. Однако археологи обнаружили тыкву в доколумбовых культурных областях.

Тогда была выдвинута новая гипотеза:

«...Тыквы с семенами могли приплыть через Атлантический океан из Африки, быть вынесенными на берег тропической Америки и там прорасти. Индейцы должны были заметить, что кожура, высушенная над огнем, представляет собой отличный сосуд, и таким образом открытие африканцев было сделано индейцами вторично».

Тур Хейердал комментирует этот довод так:

«...Всякий, кто дрейфовал через океан, хорошо знает, что небольшие съедобные предметы, такие, как тыква, выброшенные за борт, сразу же станут добычей акул и «сверлящих» организмов. За четыре месяца, которые понадобились бы африканской тыкве, чтобы пересечь Атлантику, она тысячу раз могла быть проглочена океанскими мусорщиками — акулами или изъедена вездесущим корабельным червем... Парадоксально утверждение, будто из двух элементов африканской культуры — сухопутной тыквы и морской лодки — именно тыква, а не лодка может успешно доплыть до Америки!..»

Происхождение американских бобов и американского хлопка тоже перестает быть загадочным, только если допустить возможность древних трансокеанских связей.

Затем настает очередь этнозоологии — и оказывается, что мумии домашних собак, найденные в ранних доинковских захоронениях, поразительно похожи на такие же мумии в захоронениях древнего Египта: бальзамированы собаки определенно одной породы! Затем приходит черед техники, проблемы существования у древних индейцев колеса...

На какое-то время начинает казаться, что Хейердал — полностью на стороне диффузионистов: так настойчиво и увлеченно, и в лоб, и с флангов атакует он изоляционистские концепции. Но Тур Хейердал — отнюдь не догматик; он далек и от того, чтобы решительно все сходства цивилизаций древности объяснять взаимными проникновениями и влияниями. У каждого народа — свой путь, эти пути могут пересекаться и, не пересекаясь, совпадать, и дважды, а то и трижды и четырежды сделанное «изобретение велосипеда» вполне возможно.

Не считая взаимопроникновение цивилизаций единственной пружиной их развития, Хейердал стремится доказать, что древние могли общаться и общались через океан. И есть в этом его

стремлении упрямая, гордая вера в беспредельные возможности человека.

...Нет, это не были заурядные моряки, высадившиеся с разбитых бурей или сбившихся с курса судов:

«Передача таких понятий, как иероглифическое письмо, число ноль, техника бальзамирования или трепанация черепа, требует от учителя большего, чем просто знание об их существовании или даже поверхностное владение их секретами. Отряд мореплавателей, способный основать такую культуру, как ольмекская, должен был быть достаточно многочисленным, чтобы включать в себя представителей интеллектуальной элиты своего отечества: вероятно, речь шла о тщательно подготовленной экспедиции колонистов, которая сбилась с курса».

Куда они плыли? Как попали в Америку? Была ли их высадка на американском побережье запланированной или вынужденной?

• «Археологическая и летописная история свидетельствуют, что большие организованные группы колонистов в свое время выходили из Средиземного моря, чтобы основать поселения и торговые посты вдоль побережья западной Африки.

Стела в Карфагене повествует о том, как финикийский царь Ханно около 450 г. до н. э. вышел в море с шестьюдесятью судами, полными мужчин и женщин, для того, чтобы создать колонии на атлантическом побережье Марокко. Но и Ханно не был пионером. Задолго до него другие экспедиции, приплывшие из внутренних районов Средиземноморья, основали далеко к югу от Гибралтара, как раз там, где проходит океанское течение прямо к Мексиканскому заливу, огромный мегалитический город Ликсус.

Римляне называли Ликсус «вечным городом» и говорили, что там похоронен Геркулес. Город был построен неизвестными солнцепоклонниками, и самое древнее из известных его названий — «Город Солнца». Кто бы ни построил Ликсус — ясно, что среди создателей его были астрономы, каменщики, писцы и превосходные гончары».

Проникая все дальше в глубь Атлантики, посланцы Ликсуса могли достичь мест, где ветры и течения подхватили их суда и повлекли на запад — туда, где в небольшой области, окаймляющей Мексиканский залив, вдруг расцвела загадочная культура ольмеков.

Остается последний вопрос: что это были за суда? Какое «плавающее средство» оказалось способным доставить в Мексику тыкву, семена хлопка, колесо, бананы, ткацкий станок и т. д. и т. п.?

Изоляционисты говорят:

«Мореходы, знавшие, как строить пирамиды, едва ли могли бы забыть, как строятся морские суда, на которых они сами приплыли. А между тем у индейцев до Колумба единственно известным типом водного средства передвижения были плоты, каное и каяки из бересты и кож, или долбленки, или, наконец, особый вид плотов в форме лодки, искусно связанной из снопов камыша. На чем же явились в Америку африканцы? Неужели же на камыше! Или, может, на папирусе?!»

Ирония их как будто даже и основательна, поскольку «...лабораторные исследования, проводимые со связками папируса, показали, что этот материал пропитывается насквозь водой и теряет плавучесть менее чем в две недели. Эксперименты в резервуаре со стоячей морской водой и папирусом показали также, что сердцевина папируса быстро начинает гнить. Поэтому антропологи, специалисты по папирусу и морские эксперты — все согласились с тем, что древние папирусные суда-плоты использовались лишь на реках и озерах, причем их периодически вытаскивали на берег для просушки. Единогласно был вынесен приговор: на таких судах пересечь гладь океана от Африки до Америки невозможно».

Здесь в интонациях Тура Хейердала начинает явственно слышаться сталь:

«Судить о качествах папирусного судна, подвергая испытаниям связку папируса, так же нелепо, как утопить в корыте гвоздь и заключить из этого, что «Куин Мэри» не способна плавать.

Между экспериментами с материалом и экспериментами с законченным судном существует огромная разница.

Мои собственные испытания судов из камыша на острове Пасхи, в Перу и Мексике по одну сторону Атлантического океана и из папируса на озере Чад и у истоков Нила — по другую произвели на меня чрезвычайное впечатление.

Ни одно другое судно не сравнится надежностью, устойчивостью и грузоподъемностью с такой лодкой».

Последние камышовые лодки употреблялись индейцами племени серис на Калифорнийском заливе еще в шестидесятых годах нашего века; до сих пор они широко распространены на озере Титикака и встречаются кое-где на северном побережье Перу.

В Африке такие же лодки, но из папируса, с двуногой мачтой, с загнутыми носом и кормой, строились на атлантическом побережье Марокко почти вплоть до начала второй мировой войны.

И там, и здесь это были маленькие лодки, на которых плавали полунищие рыбаки. Но старинные рельефы и росписи говорили о лодках подобного типа, однако гигантских, вместительных,

двухпалубных — не о лодках уже, а о кораблях, военным строем идущих по океану.

Именно на таких судах древние мореплаватели могли пересечь с востока на запад Атлантику.

Сформулировав для себя эту мысль, капитан «Кон-Тики» уже не знал покоя. Он жаждал эксперимента, жаждал опутить на губах его соленый вкус, — отправился на Титикаку, затем — в Африку, на озеро Чад, разыскал там мастеров-строителей, которые согласились изготовить корабль по древнеафриканскому образцу, —

Обо всем этом гораздо подробнее пишет сам Хейердал в книге «Экспедиция «Ра». А мне надлежит рассказывать о другом.

Планы экспедиции вынашивались, определялся маршрут, проектировался корабль, в каюте которого предусматривалось и для меня место, — а я обо всем этом и не подозревал.

Я занимался своими делами, жил своей жизнью, — а в Советский Союз, в Академию наук шло письмо. В нем Хейердал извещал, что готовится проверять мореходные качества папирусного судна, что формирует интернациональный экипаж и есть в этом экипаже вакансия судового врача. И просил подыскать такового — чтоб знал английский язык, не жаловался на здоровье, обладал экспедиционным опытом и — обязательно! — чувством юмора, потому что предполагаются обстоятельства, в которых оно может оказаться крайне полезным.

Письмо переслали в Министерство здравоохранения, оттуда — в главк. Профессор Николай Николаевич Гуровский просмотрел утреннюю почту и сидел в некоторой задумчивости. И пожаловался случайно заглянувшему в кабинет моему другу и начальнику:

— Вот не было хлопот, Хейердал просит прислать врача, где его взять — с английским и с юмором?

— А что его искать, — сказал начальник. — Он есть. Пошлите Сенкевича. Только что прилетел из Антарктиды, здоровый, не укачивается.

Что он прибавил насчет моего чувства юмора, до сих пор не знаю. Между прочим, когда он в тот же день передал мне содержание разговора, я сперва принял это именно за шутку, за розыгрыш. Но положение оказалось серьезным, меня включили в список кандидатов, конкурс был не маленький, видимо, не один мой шеф заходил к Гуровскому в кабинет, — и то, что в конце концов повезло мне, а не кому-то другому, разумеется, во многом случайность. Вскоре меня вызвал заместитель министра Аветик Игнатьевич Бурназян:

— Не трусишь?

— Вроде бы нет.

— Почему вроде бы?

— Но ведь я не знаю, чего бояться!

Увы, через три месяца, сидя в самолете, я четко знал, чего боюсь. В который раз листал русско-английский словарь, снова и снова мысленно повторял приветственную речь, ужасался ее высокопарности и банальности, без конца менял варианты, совсем в них запутался и мечтал лишь о том, чтобы самолет — он и без того опаздывал — летел до Каира как можно дольше.

Я боялся встречи с Туром! Боялся показаться неловким, косноязычным, предстать в невыгодном свете, — первое-то впечатление самое сильное, станет он разбираться! Попросту отошлет обратно, что ему — замены не найти?!

Уже в салон пахло прохладным ночным воздухом, пассажиры двигались к выходам, а я будто прилип к креслу. Наконец стюардесса громко спросила: «Есть в самолете русский врач? Его ждут у трапа!» — и я решил, сосчитав в уме до пяти.

У меня в руках была канистра со спиртом, ее не разрешили провозить в багажном отделении, и весь полет пришлось ее баюкать. Прижимая канистру к груди, я медленно спускался по трапу, не сводя глаз со стоявшего внизу молодого, подтянутого мужчины со значком, изображавшим бородатого Кон-Тики, на пиджаке.

Первое, о чем он осведомился, было:

— Что это у вас?

— Спирт, — ответил я.

— Очень рад, — он прищурился понимающе и довольно ехидно, глядя на внушительную канистру, а я глядел на него, и волнения мои с каждой секундой рассеивались. Мне уже казалось, что мы знакомы давным-давно.

Заготовленная приветственная речь не пригодилась. Тур деликатно отложил расспросы и разговоры на утро, отвез меня в отель и пожелал спокойной ночи.

Однако я почти не спал в ту ночь.

Слишком многое сразу навалилось — перелет, Каир, перемена климата, незнакомые запахи, легендарный Хейердал где-то близко, за стенкой, — короче говоря, я чуть свет был на ногах, и первое, что я увидел, взглянув в окно, была пирамида Хеопса.

Позже я узнал, что номер с видом на пирамиды, так заботливо выбранный для меня Туром, влетел ему в копеечку.

Может быть, об этом надо рассказывать как-нибудь иначе, с восклицательными знаками, лирическими излияниями и краткими сведениями о фараоне Хуфу, но я не умею этого. Вышел из гостиницы, мимо загона, в котором просыпались ослы и верблюды, отправился к пирамиде, стоял у ее подножия, трогал камень рукой и думал о том, что, конечно же, люди, соорудившие

такое чудо, Могли и переплыть океан, и о том, что связь времен неразрывна, и как это прекрасно и непостижимо, что мне с товарищами предстоит пройти дорогой древних и повторить их маршрут.

А вокруг, несмотря на рассветный час, шумела толпа гидов, они дергали меня за рукава и предлагали сфотографироваться верхом на дромадере, и я позорно удрал от них обратно в отель.

Тур ждал меня и удивился, что я уже успел погулять; кажется, его порадовало, что я — такая ранняя пташка. Легкий завтрак — джем, тосты, масло, кофе, — и мы сели в джип, который повез нас к месту строительства «Ра».

Волновались мы оба необычайно: я — потому, что не терпелось увидеть корабль, Тур — потому, что ждал, как мне понравится «Ра», и страстно желал, чтобы он мне понравился.

Мы беспокойно ерзали на сиденьях, улыбались и переглядывались, и Тур стремился рассказать сразу обо всем: и о том, что скентики пророчат — больше двух недель корабль на плаву не продержится, но это враки, он только впитает влагу и все, вода в воде не тонет; и о некоем экспериментаторе, который у себя дома в ванне замочил стебли папируса, выдержал их там некоторое время и обнаружил, что гниют, и торжествуя написал об этом Туру, —

— А я ему ответил, что нужно менять в ванне воду!

Мы обогнули пирамиды и спустились в лощину, в овражек, там стояло несколько белых палаток, но их я заметил уже потом, — сперва я увидел Ес.

В лучах солнца, начинавшего припекать, желтым золотом сверкала, и блестела, и пахла свежим сеном странная и прекрасная ладья с загнутыми носом и кормой.

Она была словно из сказки.

Она ужасно мне понравилась.

Я обежал ее вокруг, потом обошел медленно, потом, едва дождавшись приглашения, а может быть, даже и не дождавшись, скинул туфли и босиком ступил на ее упругую палубу, она пружинила и напоминала о детстве, о сенокосе в деревне, — как сладко и страшноато было тогда стоять на верхушке свежего стога, острый медовый запах увядающей травы бил в ноздри, над головой плыли белые облака, и если запрокинуть голову, казалось, что это не облака, что это ты сам плывешь...

Хотелось немедленно заглянуть во все закоулки, потрогать все веревочки и канаты и скорей-скорей закончить сборы, достроить, довязать и дозакрепить все, что нужно, бросить в каюту вещички и отплыть, отплыть наконец!

Тур видел, как я счастлив, и сам был счастлив от этого, и делал вид, что ничего особенного, корабль как корабль, вокруг и

кроме него немало интересного. Он потянул меня туда, где в чане намокали папирусные кипы. Взял стебель и опустил его вертикально в бочку, нажал и отпустил резко, и стебель вылетел, как пробка, — вот какая плавучесть! — а Тур сиял.

У него и еще было что мне показать: он подошел к чану и прыгнул, как был, в светлом костюме, на связку папируса, забалансировал, вот-вот упадет, — я испугался, а Тур смеялся и объяснял, что на эту же связку, будь свободное место, могли бы стать еще трое.

Он еще что-то показывал и объяснял, кого-то подзывал, кому-то меня представлял, знакомил меня с будущими моими спутниками, — и уже незаметно я превращался из экскурсанта в полноправного участника работ, что-то уже тащил, привязывал, даже высказывал суждения, даже спорил, — но чем бы я в тот день ни занимался, с кем бы ни разговаривал, куда бы ни глядел, — перед моими глазами стояла сверкающая золотом ладья, ладья Аладдина и Синдбада-морехода, ладья из волшебной сказки о море и солнце — наш чудесный корабль, наш «Ра», на котором предстояло нам плыть.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Шторм третьи сутки. — Ветераны бодрятся. — Познакомимся, наконец! — «Не слишком ли быстро мы идем!» — Пошли медленнее. — Утро на «Ра-2». — От носа до мачты. — Папирус и примус. — Кстати о фараоновом действе. — От мачты до хижины. — Как на «Ра-1» все извивалось и скрипело. — Не только смена цифры. — От хижины до кормы. — Кто полезет в воду! — Нельсон под лодкой. — Юби и Синдбад. — Кто чем занят в эту минуту.

Итак, шторм продолжается, шторм длится третьи сутки, мы несемся по волнам с угрожающей быстротой, да к тому же нас переваливает с борта на борт. Чувствуешь себя штопором, который ввинчивают и ввинчивают во что-то упругое, не имеющее начала и конца. Состояние не из приятных.

Полнее всех, пожалуй, это ощущает Мадани.

В день отплытия он был горд собой и счастлив, на голове его красовалась повязка с надписью «Ра-2», вышитой разноцветными нитками, — а теперь в его глазах растерянность, страдание, он удивленно взирает на нас, «старых морских волков»: как мы отважились на такое, да еще во второй раз?!

Бедный Мадани, он не знает, что и нас тоже преследуют подобные мысли.

Когда видишь непрерывно движущийся калейдоскоп волн, когда испытываешь на себе их мощь, то кажется, что весь мир сейчас залит ими, пытается противиться им, по тщетно. Даже удивительно, насколько могучи вода и ветер! Мягкую ткань паруса они превращают в стальную пружину, а бесхребетная веревка — только зазевайся! — бьет наотмашь, как шпипрутен.

Океан пугает. Это верно. Но он дает и силу. Глядя на наших новичков, мы — ветераны — становимся дружнее и сплоченнее. Мы знаем, что защитить их можем только мы.

Давно ли мы познакомились, давно ли узнали друг друга? Шагнул к самолетному трапу загорелый человек со значком Кон-Тики, и у стапеля, возле пирамид, лихо затормозила машина с синими фарами, с ее подножки соскочил черноглазый гигант с ослепительной улыбкой — «Хэлло, я Жорж». — когда это было? Тринадцать месяцев назад? А кажется, прошли годы.

Я должен представить своих товарищей, перечислить по порядку тех, чьи имена назывались уже мною не раз.

Не ждите подробных характеристик, мне ведь предстоит возвращаться к этой теме снова и снова, все, что я пишу и еще на-

пишу, — это фактически о них и только о них — а пока лишь перечень, список.

У каждого из нас в судовой роли свой номер. Он определит очередность перечисления.

№ 1. Тур Хейердал. Норвежец. 56 лет. Почетный член нескольких научных обществ, в том числе нашего Географического, член Норвежской, Американской, Мексиканской, Чилийской академий наук, герой «Кон-Тики», автор «Аку-Аку», капитан «Ра-1» и «Ра-2». Женат, пятеро детей — два сына, уже взрослых, и три дочери.

№ 2. Карло Маури. Тридцатвосьмилетний итальянец, один из лучших на свете журналистов-фотографов и альпинистов, эта экспедиция — уже двадцать пятая в его жизни. Отец пятерых детей.

№ 4. Сантьяго Хеновес, 46 лет, по рождению испанец, эмигрировал из Франкфуртской Испании. В юности — профессиональный футболист, учился в Кембридже, ныне — профессор Мексиканского университета, антрополог.

№ 5. Юрий Сенкевич, русский, 32 года, врач-физиолог, участник 12-й Советской антарктической экспедиции.

№ 6. Жорж Сориал. Египтянин, 29 лет, инженер-химик по образованию, феноменальный ныряльщик и аквалангист, чемпион Африки по дзю-до. Свободно говорит на шести языках.

№ 8. Норман Бейкер, 42 года, американец, в прошлом — летчик, затем — довольно долго — моряк, затем — владелец строительной конторы. Здесь, на «Ра», — штурман и радист. И — первый помощник Тура.

Два номера я намеренно пропустил. Они принадлежат новичкам — японцу-кинооператору тридцатидевятилетнему Кею Охара (№ 3) и тридцатилетнему марокканцу Мадани Аит Охани (№ 7). Оба славные люди, и оба пока что существуют несколько на отшибе: это прискорбно, но естественно, должно пройти некоторое время, прежде чем сгладится разница между ними и нами.

И наконец, есть человек, который не плывет на «Ра», но постоянно здесь присутствует — в наших воспоминаниях, разговорах и шутках — Абдулла Джибрин с озера Чад — он участвовал в строительстве «Ра-1» и путешествовал на нем вместе с нами, был добросовестным матросом и хорошим товарищем, но личные его обстоятельства сложились так, что во второй свой поход мы ушли без него. Однако, повторяю, это ровно ничего не значит, он по-прежнему с нами, и на страницах моего повествования вы еще не однажды встретитесь с ним. А сейчас я вынужден отвлечься, ибо Норман взывает: «Аврал!»

Брас не выдержал, лопнул, как струнка.

Теперь в любую секунду жди, что полетит и второй и тогда неминуемо сломается рей. Быстро-быстро! Мне приказано сменить Нормана у кормила, остальные потеют и кричат, и вот парус пополз вниз и улеся на носу.

Лодка не легла в дрейф; парусила хижина и прочие надстройки, и мы продолжали бежать по ветру, то есть «Ра» шел, как говорят моряки, под одним такелажем. Любопытно, что за несколько мгновений до происшествия мы с Карло разговаривали:

— Хороший ход!

— Хороший, да не слишком ли?

И вот теперь, как по заказу, мы пошли медленнее, и управлять кораблем стало гораздо легче.

Остаток дня не принес событий, кроме холода и качки нас больше ничто не беспокоило. Ночью, на вахте, трясясь от стужи, я думал о счастливой случайности — не вмешайся судьба, не лопни брас, неизвестно, чем бы завершился наш безумный бег по волнам: слишком уж велика была нагрузка, которую испытывал наш корабль, еще не проверенный как следует.

Еще я думал о том, как это важно — быть удачливым. Тур, например, отчаянно удачлив, ему фантастически везет, — но это, наверное, потому, что к любому своему предприятию он тщательно готовится. Он хозяин своего везенья, а значит, и нашего тоже, раз мы плывем с ним вместе, и это несколько успокаивает.

Утро пришло тихое-тихое, солнечное-солнечное.

Океан почти не волнуется, берега исчезли, настал миг перевести дух и оглядеться, и вновь нас посетило пленительное чувство: что было, то минуло, а путешествие теперь только и начинается.

Мы умылись, хорошенько, впервые за три дня; неспешно позавтракали; лениво и без особого труда привели в порядок и вернули на место парус...

Это блаженное, замедленное, как в трюковом кино, существование не будет длиться вечно, оно шатко, как палуба под ногами, в каждую следующую минуту может вернуться штормовой сумасшедший ритм, и я хочу воспользоваться передышкой, чтобы помочь вам представить, что же все-таки такое наш корабль.

Встанем на носу «Ра», на самом носу, лицом к корме — то есть не встанем, а сядем, — стоять не позволит толстенный канат, он привязан одним концом к лебедино изогнутому форштевню, а другим — поднимите голову — к топу мачты, она прямо перед нами, десятиметровая, двуногая, похожая на заглавную букву А, но со многими перекладинами.

Такие мачты ставились на ладьях фараонов, об этом свидетельствуют фрески и рельефы на стенах древних гробниц и модели,

из тех же гробниц извлеченные. Строя судно, Хейердал стремился к возможно большей точности реконструкции.

Мачту полузакрывает парус, он тугой, чуть лиловый, из ткани, выделанной по древнему способу, и эмблема на нем тоже древняя, оранжевый диск, олицетворение Ра — божества Солнца.

Под нижней шкаториной паруса, в полутора метрах от нас, поперек дощатого настила, почти от борта до борта, — ящичеклетка, в которой кудахчут куры, наш живой провиант, — весьма вероятно, что и на древних судах стояли такие ящики.

А вон того ящика, поменьше, там наверняка не имелось. В нем — бензиновый моторчик для генератора рации.

Рация и «Ра» — совместимо ли?!

Да, мы не во всем последовательны. Мы храним воду в допотопных амфорах, но и в канистрах тоже, мы плывем на папирусе, но у нас есть радиостанция, кинокамеры и антибиотики.

Тур знал, чем рискует, нарушая каноны абсолютной стилизации, он предвидел наскоки тех, для кого наш поход — нечто вроде костюмированного действия, и неоднократно говаривал полусуто, полугрустно:

— Погодите, нам еще скажут, как говорили после «Контрики»: «Ваше плаванье удалось потому, что на борту был примус!»

И все-таки он взял примус, как и многое другое, не существовавшее в эпоху фараонов, взял, игнорируя снобов и злопыхателей, — не до декораций нам, ни к чему, идя через океан на папирусной лодке, еще и тренироваться в добыче огня трением.

Вообще реконструировать исчезнувшую цивилизацию — дело тонкое, противоречивое, тут есть неожиданные оттенки. Например, те же канистры — с одной стороны, взяв их, мы допускаем явный анахронизм, а с другой — они точно так же естественны для нас, как для древних — бурдюки. Нас раздражает привкус воды из бурдюка, но нашего древнего предшественника не меньше раздражал бы запах полихлорвинила; всякой эпохе — свое, и если мы хотим воссоздать психологический статус древних мореплавателей, мы как раз не должны избегать пользования предметами, для нас обычными. Разумеется, в должных пределах, не ставя себя в заведомо выгодное положение, — вот тогда опыт потерял бы смысл.

Кое-какую дань декорациям мы все же отдали. Помнится, когда еще тот, первый «Ра» был готов, Тур устроил «фараоново действо». В лощину за пирамидами, к стапелю, приехали пятьсот студентов-спортсменов. Студенты впряглись в канаты, и после многочисленных переговоров, споров и перестроений ударил барабан, в такт его громовым ударам канаты натянулись — и «Ра» пополз по каткам, подложенным под платформу, а катки

двигались по рельсам из деревянных балок; так передвигали тяжести при Хеопсе.

Надо сказать, что все это происходило не столь стройно и гладко, как изображено на фараонских рельефах. Неразбериха была жуткая, и я тогда впервые увидел Тура злым. Организовать спортсменов оказалось чрезвычайно сложно, каждый тянул в свою сторону — словно ожила крыловская басня о лебеде, раке и щуке. За три-четыре часа лодка сдвинулась метров на пять; съёмочные камеры упоенно жужжали, а именитые гости под тентом аплодировали. Потом студентов распрягли, посадили в автобусы и отправили с благодарностью обратно в Каир, а к лодке подошли два тягача, до того скромно дремавшие в сторонке. Тягачи без шума, моментально вытащили «Ра» на шоссе и втащили на площадку автоприцепа.

Нет, мы не перевоплощаемся в древних, мы испытываем мореходность и живучесть их судов — и только, и когда Карло, готовясь к киносъёмкам, раскладывает нам на тарелки зелень и фрукты, мы понимающе гмыкаем: «Экзотический кадр!» — и знаем, что минутой позже, отложив аппарат, тот же Карло досыта накормит нас вполне современными фабричными макаронами.

Кстати, примусы, которыми недруги попрекали Тура, не выдерживают критики, они маломощны, непрочны, ручки регулировки пламени уже отвалились, горелок крайне мало, — чтобы вскипятить воду для супа, нужен час, вряд ли и древним приходилось ждать дольше.

Но продолжим экскурсию. Итак, мы сидим на самом носу, над нами — канат, идущий к мачте, и — чуть дальше — громада паруса, а под ней, перегораживая палубу, — ящики с курами и бензомотором.

Еще дальше, ближе к мачте, — опять ящик, длинный, как лавка, — в нем хранится расходная провизия на ближайшие дни. И снова ларь, повыше, оцинкованный внутри, с кухонной утварью и с пресловутыми примусами, — он расположен по отношению к провизионному примерно как крышка школьной парты к ее сиденью, здесь удобно писать дневник, эти строки именно здесь и пишутся.

Такова схема носовой части «Ра». Вылезайте из-под каната, идем к корме. К ней можно идти двумя путями, и оба — обходные, потому что прямо перед нами возвышается каюта. Или хижина — мы ее называли и так и этак.

Она сделана из бамбука и похожа на плетеную корзину, опрокинутую вверх дном. Высота ее — два с лишним метра, длина — четыре, ширина — три. Таким образом, с обеих ее сторон остается по метру до борта — хотя нет, побольше, если

учесть дополнительные бамбуковые же платформочки, они, как крылышки, нависают над водой, по ним, собственно, мы и ходим, ибо к стенкам хижины много чего пристроено, привязано, положено и прислонено.

Как мы обойдем хижину — слева или справа, по правому борту (учтите, мы стоим лицом к корме!) или по левому?

Предлагаю — по левому (который сейчас от нас вправо). Иначе мы ничего, кроме шеренги амфор с пресной водой, укрепленных вдоль стены, не увидим, тут — амфоры, там — край настила и океан, и все, а здесь можно будет по дороге заглянуть внутрь хижины, в оранжевый ее полумрак.

Вдоль плетеной стены тянется завалинка, скамейка-рундук. В прошлом году, на «Ра-1», она возникла стихийно; складывали к стенке разные деревяшки, обломки весел, запасные канаты — и вдруг обнаружили, что на всем этом весьма удобно, приятно и уютно сидеть. Поскольку, оборудуя новый корабль, мы надеялись, что на нем весла будут ломаться значительно реже и обломков может на завалинку не хватить, решено было соорудить ее заранее, на манер нижней полки в вагоне, с ящиками под сиденьем. Там хранятся еда и питье.

А хлеб мы держим в особом месте, очень подходящем и укромном. Над крышей хижины сделана деревянная площадка, на ней мы загораем, бывает, что и спим, на ней же сложены кое-какие вещи, надувная лодка например, — так вот, между площадкой и крышей есть пространство, широкая щель, там всегда тень и всегда сухо, туда и положен хлеб в мешках из грубой серой ткани.

Вот, пожалуйста, — парадный вход в наш дом.

Входя, слегка пригнитесь: от пола до потолка чуть больше полутора метров. Однако на самом деле пол гораздо ниже, просто его не видно, он скрыт ящиками, придвинутыми тесно один к другому.

Окон нет, но не так уж темно, бамбуковые стенки просвечивают, и брезент, даже двойной, — им укрыта хижина сверху, сзади и с левого борта, — тоже пропускает свет солнца, и в мягкой цветной полутьме легко различить прежде всего восемь наших постелей, четыре и четыре, валетом, ногами к центру, изголовьями к носу и корме.

Вон мое место, в правом переднем углу; остальные места распределены так: головой по ходу, справа налево — Жорж, Мадани, Норман; ногами по ходу, тоже справа налево — Сантьяго, Кей, Карло и Тур.

На стенках развешаны плетенки, сумки, мешки, фотоаппараты, все это раскачивается на деревянных крючках. Специально для меня приспособлен плетеный ларец с медикаментами. И еще

один ящик висит в хижине, он, собственно, не ящик, а домик. Ибо нас в экипаже не восемь, а девять, с нами плывет еще один, обойденный пока что вниманием ветеран.

Обезьянку Сафи подарили нам в прошлом году, перед отплытием; ее имя должно было напоминать о гавани, из которой нам предстояло выйти в путь. Сафи, озорное и предприимчивое существо, проделала с нами весь маршрут, мы с ней крепко подружились и, когда затевалось новое плавание, решили, что стоит возобновить контракт и с ней. Среди наших загорелых лиц не раз мелькнет на этих страницах и ее забавная мордочка.

Да, хижина... В первых записях моего прошлогоднего дневника есть такие строки:

«...В хижине хорошо, но она ходит ходуном со страшной силой, кажется, сейчас рухнет, и потом, в ней не видно, что происходит снаружи».

И еще:

«...Когда лежишь в хижине ночью... ощущаешь сильное движение и изгибание корпуса... С ним ходит вся каюта, и возникает звук, похожий на шуршание сухого сена...»

Смешно вспомнить, но в начале плавания на «Ра-1» я старался под любым предлогом выбираться на палубу: на палубе страшно, а в каюте еще страшней, сразу начинает казаться, что корабль переворачивается.

А потом пришло успокоение и, наоборот, чудилось, что, привалившись в своем спальном мешке к шаткой стенке, ты отгородился от всех бед, словно не плетень из сухих прутьиков отделяет тебя от океана, а по крайней мере дубовая корабельная бортовая доска.

Все же тот, первый наш «Ра» был не очень надежен, теперь-то можно это сказать.

Мы любовались им, когда он возникал на строительной площадке, радовались, ступив на его палубу, а расставшись с ним, глотали искренние слезы. Последнее не мешало нам понимать, что этот уродец-работяга был, конечно, никакой не корабль, а, употребляя любимое выражение Тура, — плавающий стол.

В сущности, он представлял собою плот из снопов папируса, соединенных и уложенных в два слоя, которые, в свою очередь, были притянуты друг к другу веревками и канатами. Каждый сноп плыл как бы сам по себе, поднимался и опускался, как рояльная клавиша, — мы путешествовали словно на целой стае игрушечных корабликов, где у каждого — свой нор, хорошо хоть всем им было с нами по пути.

Тур этим восторгался; он объяснял: главный секрет «Ра» — его эластичность, он и волны взаимно огибает, обтекают друг друга и потому нашему судну не опасен никакой десятый вал.

Действительно, как ни трепало нас, мы не перевернулись, не утонули. И все же «Ра-1» был довольно кустарным сооружением. Кривобокий, несимметричный, хижина не по оси, а набежрень. Корма почти сразу же начала намокать и погружаться, и правый борт оседал на глазах, так что большую часть пути мы проделали полупритопленные, словно накренились однажды для виража, а выпрямиться раздумали.

А уж о рулевых веслах что говорить, о несчастных веслах, ломаных-переломанных, сколоченных и связанных и снова ломаных, —

Однако, несмотря ни на что, «Ра-1» честно исполнил свой долг. Он был первопроходцем, отважным разведчиком, и мы ему искренне благодарны.

Между первым и вторым «Ра» есть существеннейшее различие, отсюда, с палубы, незаметное. Чтобы увидеть его, нужно нырнуть в зеленую воду и проплыть под днищем. И тогда над тобой нависнут громадные тени, словно две китовые акулы плывут в обнимку, — это наш теперешний корпус. Никаких гирлянд и связок — пара веретен из папируса, двухметровой толщины и двенадцатиметровой длины, натуго перевязанных.

В прошлом году у нас была плоскодонка, нынче — катамаран. Как вы знаете, у катамарана два корпуса, соединенные помостом, а уже на помосте размещаются надстройки.

Катамаран для океанских волн очень подходит, мы уже успели в этом убедиться.

Каждый папирусный стебель, из которых сделаны веретена, обработан с обоих концов битумом, так что в теле «Ра-2» — как бы тысячи малюпких изолированных отсеков. Это должно существенно увеличить его плавучесть. А в нижней, подводной части корпуса битум отсутствует, там нет отсеков, и папирусные стебли могут беспрепятственно набухать и тяжелесть, повышая тем самым остойчивость корабля.

Что и как там, однако, набухает и тяжелеет, никто из нас еще не знает, не видел, — сейчас как раз предстоит это выяснить — намечена экскурсия за борт, и меня зовут для консультации: намерена лезть — Норману или Жоржу.

Вообще-то все права на стороне Жоржа, он и по судовой роли аквалангист, но Жорж — об этом никто не подозревает, даже он сам, — слегка мною наказан. Еще в Сафи, до отплытия, Жорж вдруг стал жаловаться на приступы шейного радикулита, и я лечил его, но заметил однажды, что симптомы какие-то странные, болит, по его словам, справа, а шею он кривит, наоборот, влево, — и засомневался: так ли уж болен веселый мальчик Жорж? А не хочет ли он просто высвободить себе чуть-чуть лишнего времени?

Я никому не поведал о своих сомнениях — в конце концов, уловка Жоржа была слишком невинна. Приняв сугубо врачебный вид, я с профессорскими интонациями констатировал, что положение весьма серьезно и чревато последствиями и что я запрещаю пациенту лезть в воду раньше чем через десять дней после того, как приступ кончится.

Метил я коварно, в самую уязвимую точку: вот сейчас выпал случай превосходно выкупаться и понырять, и Жорж, истосковавшийся, глядит на волны с вожделием, но Тур помнит о моем запрете:

— Как считает врач, можно Жоржу под воду?

— К сожалению, десять дней не истекли...

— Хорошо, тогда пойдет Норман.

Жорж в отчаянии, клянется, что будет беречься, что наденет гидрокостюм, — он смотрит на меня огромными молящими глазами, и подмигивает, и делает всяческие знаки: сделай милость, не откажи в любви, поддержи!

А я медлю и колеблюсь.

Если не пустить Жоржа, пойдет Норман. А с Норманом у Жоржа в прошлом году бывали трения на этой же самой почве, Жорж невероятно ревнив, когда речь идет о подводных делах. Ладно уж, будем считать, что урок получен достаточный, —

— Лезь, черт с тобой, медицина не возражает.

Счастливый Жорж плюхается в воду. Я вполне его понимаю, сам бы сплавал с удовольствием.

Помню, как в прошлом году — это был, кажется, двенадцатый день путешествия, — мы с Жоржем, привязанные тонкими манильскими канатами, совершили первое погружение, нырнули, течение сразу подхватило нас и поволокло, пришлось цепляться за обвязку папируса и усиленно работать ластами, мы сделали несколько кругов под кораблем, это была фантастическая картина — «Ра» снизу! — и выяснилось, что днище в превосходном состоянии, ничуть не пострадало от штормов, и с какой радостью мы, вынырнув, доложили об этом Туру!

Ужасно люблю подводное плаванье, но для меня оно все же не более чем забава, а для Жоржа — дело жизни, любовь навсегда, он человеком себя не считает без этого — пусть резвится, он сейчас напоминает ребенка, которому вернули отобранную было игрушку.

Вот он уже вылезает, замерзший отчаянно, окоченевший — теперь ему необходим массаж со спиртом, и я вступаю в свои профессиональные права.

Оханьям и аханьям не было конца. Норман только глаза тарашил, глядя, как я мну Жоржа, не щадя ни своих, ни его

мышц, — кажется, наш штурман был теперь даже доволен, что искупался не он, а Жорж.

Отдышавшись, Жорж сообщил, что под днищем лодки плывет группер, огромный, чуть не полутораметровый, и что он очень дружелюбен. Мы решили его не убивать и нарекли Нельсоном.

Итак, считая Нельсона, нас теперь в экипаже одиннадцать.

Мы восьмеро — это во-первых; обезьянка Сафи — во-вторых; в-третьих, среди кур, взятых для еды, опять, как в прошлый раз, объявилась утка, селезень, и мы снова назвали его Синдбадом, так что теперь у нас «Ра-2» и Синдбад-2.

А в-четвертых, ночью — она была тишайшей, мы едва двигались, и луна ярко светила — какая-то птица ударилась о парус, скользнула по нему, взлетела, сделала круг и опустилась на крышу хижины.

Я позвал Сантьяго, он дал мне сачок, и через минуту гость был в наших руках. Это оказался голубь, почти натуральный сизарь, и не простой, а окольцованный, — как следовало из надписи, в Испании, в 1968 году.

Его посадили в клетку, а утром решили отпустить, насильно покормили напоследок и подбросили в воздух, он покружил и снова уселся на площадку. И мы поняли, что он никуда не собирается от нас улетать, взяли его на довольствие и выбрали для него имя Юби — в честь грозного африканского мыса, мимо которого нам еще предстоит проходить.

Этим не кончилось. Тем же утром к нам залетела птица невероятно пестрой окраски, с длинным клювом, никто не знал, как она называется. Она сидела на мачте и не желала спускаться, Норман отнес ей туда поесть и попить в кружке. К вечеру она забралась между крышей хижины и площадкой и уснула. А на следующее утро появилась еще птичка, малюсенькая, вроде синицы, за ней еще такая же, потом третья, они принялись чистить нашу лодку, выковыривать из папируса мух и жучков.

Заниматься наведением порядка на корабле приходится не только птичкам. Я полез под кормовую бамбуковую палубу и обнаружил, что запасные веревки и деревянные начали плесневеть, мы их вытащили, рассортировали вместе с Туром и выбросили половину. Тур обещал, что остальное выбросим, когда пройдем мыс Юби и сделаем все столярные работы. А пока дерево еще нужно — предстоит укрепить мостик, сколотить гнезда для посуды на обеденном столе и так далее.

Между прочим, отправили за борт и модель папирусной лодки, весьма большую, «действующую» — мы предполагали вести с нее кино съемки, но убедились, что это неудобно: лодка для оператора должна обладать собственным ходом, а идя на

буксире, много ли снимешь? Да и слишком верткой модель оказалась. Так что мы от нее избавились, Тур привязал к ней бутылку с запиской — просил нашедшего сообщить, где и когда найдена, обещал вознаграждение.

Повторяется история прошлого плавания — в нем четко прослеживались два этапа: на первом, до отплытия, мы тащили на корабль, что только могли, а на втором — после старта — принимались дружно и азартно все, что можно, выбрасывать.

Психологически это очень объяснимо; если вдруг обнаруживаешь, что папирус впитывает воду чересчур интенсивно и корабль оседает чуть не на глазах, многие вещи становятся лишними.

Да, похоже, что опять мы путешествуем на кусочке губки, — но об этом потом. Позвольте пока что пригласить вас на мостик.

Мостик пристроен к задней стенке хижины и снабжен трапом по левому борту. Кстати, то, что трап именно слева, не лучший вариант, потому что тут стоит вахтенный и подниматься неудобно.

Весла на этот раз у нас надежные — громадные сосновые бревна со съемными лопастями из кипариса и мощными, кривыми, похожими на ятаганы рукоятями. Правое закреплено намертво, ибо в нем до сих пор нет нужды, левое — постоянно в ходу. Только не нужно думать, что им гребут. Грести такой машиной и физически невозможно, а главное, не требуется. Нас движут ветер и течения, а веслом мы правим — поворачиваем его вокруг оси, фактически оно не весло, а руль, гигантский, с прямоугольным пером и саблевидным румпелем.

Руль опущен в воду наклонно и покоится средней своей частью на массивной балке, положенной поперек палубы между мостиком и кормой.

До кормы уже рукой подать, метра полтора-два. На этих метрах не разгуляешься, тесновато, причем теснота — в трех измерениях: над головой нависают, снижаясь, рули, а навстречу им с загнутого конца ахтерштевня тянется канат, напряженный, как тетива, и уходит под мостик — он сообщает ахтерштевню необходимую жесткость.

Здесь тоже использовано все пространство: мостик обшит бамбуком, и внутрь, между свай, уложена всякая всячина, вроде запасных канатов или мотора к «Зодиаку», надувной лодке, — все то, что мы уже, по своему обыкновению, начали понемногу отсюда убирать и перемещать.

Что еще? Еще за кораблем на длинном канате болтается буй — чтобы упавший в воду имел шанс поймать убегающий «Ра» за хвост.

На этом экскурсия завершается.

Островок размером двенадцать метров на пять, клочок соломы посреди океана, гладкого и недвижимого в эти часы, как озеро, — и на островке восемь мужчин, уже малость небритых (кое-кто принялся отпускать бороду), слегка оглушенных пережитой трехдневной передрыгой и отнюдь не теряющих бодрого расположения духа.

Помню, в прошлом году я с торжеством записал в дневнике: «Сегодня — первый ленивый день на «Ра!» — это случилось уже где-то к середине пути, после изнурительной возни с веслами, а верней, с их обломками, после штормов, после мыса Юби, — пынче передышка настала значительно раньше.

Передышка, впрочем, весьма относительная.

Раньше по наивности представлялось: плыть — значит рулить понемножку, поглядывая вдаль. Оказывается, плыть, во всяком случае на папирусе, — это непрестанно что-то приколачивать, надвизывать, разбирать, сортировать, переносить, словно мы переехали в новую квартиру и никак не можем устроиться.

Нужно, например, попробовать собрать и испытать резиновую лодку «Зодиак». И вот она разложена на площадке хижины и начинается решение головоломки: какая деталь куда вставляется. Инструкция, естественно, куда-то засунута или вообще оставлена в Сафи. Вариантов множество, страсти кипят, собирается консилиум. Норман, как самый сведущий, приглашен персонально, он долго прикидывает так и этак, щурится и наконец пожимает плечами: требуется поразмыслить, вернемся к этому вопросу завтра, со свежими силами.

А пока назрела необходимость разобраться с трапом, ведущим на мостик, — почему бы не перенести его с левого борта на корму?

Не успели покончить с трапом, как зовет встревоженный Норман: он заметил серьезный беспорядок — рей перетирает канаты, которыми стянуты сверху две ноги мачты. Это уж совсем ни к чему! Мачта может распасться, развалиться и рухнуть! Нужно что-то придумать, ломаем головы, потом долго-долго ищем кусок кожи для прокладки. Кожи не находим, решаем заменить ее фанерой. Теперь, когда нет ветра и парус безжизненно висит, рей трется о фанеру с противным скрежетом, но зато снасти останутся целы.

Так и живем. В непрестанных хлопотах, занятые тысячей вроде бы пустяковых дел, а попробуй пренебречь хоть одним — начнется цепная реакция, как в балладе про гвоздь и подкову: лошадь захромала, командир убит, конница разбита, армия бежит, и так далее, чем дальше, тем печальней.

Кое-кто, читая эти строки, будет разочарован.

Он предпочел бы, возможно, чтобы ответ подвижничества падал на любые наши поступки, чтобы сознание высокой научной миссии помогало нам драить кастрюли, чтобы ежеутренне и ежевечерне, собравшись на юте, мы хором провозглашали здравницу проблемам древних трансокеанских связей.

Не было этого!

Клятвы обесцениваются, если их без конца повторяют; что касается нас, то мы поклялись однажды и навсегда, ступив на палубу «Ра», а дальше, не произнося громких слов, просто старались доплыть и выжить, ибо в этом, в конечном счете, и заключалась суть эксперимента. Фритьоф Нансен, зимую на «Фраме», не забывал о благородных целях и задачах своей экспедиции — но на страницах его дневника нет высокопарных излияний. Зато там есть подробные описания обеденного меню...

Сейчас я попробую остановить мгновение, сделать как бы моментальный снимок — кто чем занимается на борту «Ра» в эту минуту. Подчеркиваю: минута совершенно безмятежная и спокойная, никакого аврала нет.

Полдень солнечен и горяч, на голубизну океана лучше не глядеть — глазам больно. По-прежнему штиль, парус повис и рули неподвижны. Их рукояти торчат над мостиком, как рога быка, и, положив на них, больше для порядка, руки, мается Сантьяго — вахта его не очень оправданна, днем в тихую погоду мы вообще стоим на мостике больше для порядка, но тем не менее порядок есть порядок и Сантьяго добросовестно скучает. Сейчас я его развлеку, поднимусь к нему и спрошу о чем-нибудь по-русски, а он ответит по-испански, и мы оба будем гадать, что спрошено и что отвечено: такая у нас игра, учимся понимать друг друга по интонации.

Впрочем, весьма вероятно, что я не доберусь до мостика, меня по дороге может перехватить Карло. Карло возится на камбузе, он занят обедом — так вышло, что Карло еще с прошлого плавания наш почти постоянный кок, никто на него эту обязанность не возлагал, он сам ее выбрал и исполняет с удовольствием, хотя и не без ворчанья, чтобы чувствовали и почаще хвалили.

Коллега Карло по штатной роли, Кей, устроился под мостиком, что-то он там пилит, точит, он вообще целыми днями трудится, как пчелка, и я не знаю, есть ли что-нибудь, чего Кей не умеет. До того как стать телевизионным кинооператором, он сменил двадцать восемь профессий: работал в прачечной, водил такси, был закройщиком, столярничал и т. д., — из всех нас он самый прилежный и старательный, и Тур на него не нарадуется.

Сам Тур сидит у входа в хижину, в руке его ножик — стро-

гает деревянный брусок, интересно, для чего? И с каким же удовольствием он это делает!

Помню, чуть не в первый день нашего путешествия на «Ра-1» я увидел, как Тур разбирает вещи в своей сумке, сматывал нитки, приводил в порядок ножички, сверлышки, стамески, — увидел и усомнился, точно ли передо мной всемирно известный ученый и общественный деятель?!

Вероятно, подсознательно ожидалось, что он в основном будет высидеть на мостике, приложив ладонь козырьком ко лбу, изъясняться же исключительно афоризмами. А вот он, Тур не выдуманный, а настоящий, сидит и блаженствует, мастерит черпак для воды — обрезал ручку у пластмассовой кружки, приделал длинную палочку и любит.

По-иному сосредоточен Норман. Его качают, вдобавок к океанским, еще и радиоволны, он весь там, в наушниках, в шорохах и плесках, возникающих в их глубине.

Связь держать трудно, Норману подолгу приходится сидеть над рацией в полумраке хижины: в прошлом году мы принялись как-то хвастаться друг перед дружкой загаром, и вдруг Норман вздохнул: «Конечно, а кое-кто так и останется белым как молоко!» Он — настоящий парень, отважный моряк, умелый радист, — вот он поймал какого-то радиолюбителя из Флориды, затем еще двоих, и наконец заулыбался: на связи Крис Бокели, норвежец, знакомый нам по прошлому году. Можно передать все, что хотим: координаты, новости, телеграммы родным.

Теперь о моем приятеле Жорже. Куда бы мне его в эту минуту поместить? Проблема гораздо серьезней, чем кажется.

Вообще-то Жорж в данное мгновение кончил умыть и переодеть обезьяну и приводит в порядок посуду на камбузе, он нынче «кухонный мужик». Но фиксировать это я остерегаюсь. Однажды, а если точно, то 27 июня прошлого года, на борту «Ра-1» Тур по обыкновению читал нам свой очередной предназначенный для пересылки по радио репортаж. Прочтя, он спросил: «Ну, как?» — и мы выразили свой восторг, Сантьяго, правда, внес пару стилистических уточнений, но это дела не меняло. И вдруг Жорж заворчал: «А почему я оказался на камбузе, хотя на самом деле был на носу?» Тур стал объяснять, что так наглядней видна работа экипажа. Но Жорж возразил: «Я второй раз оказываюсь на камбузе, я там уже был в прошлом репортаже». Делать нечего, пришлось Туру перекраивать абзац, а товарищи принялись наперебой предлагать Жоржу самые выигрышные места: «Хочешь на мостик?» — «А на мачту хочешь?» — «А за борт на тресе?» — и Жорж в конце концов смущенно при- молк.

Что же предпринять, ведь Жорж сейчас действительно на камбузе, а ну как он опять сочтет этот пост невыигрышным и огорчится?

Вот что, отправлю его на корму, с удочкой, — правда, в этом году он еще ничего не поймал, но зато какое почетное занятие, достойное мужчины и спортсмена!

Итак, значит, Жорж, плечистый, узкобедрый, в ярком саронге, застыл на корме с удилицем. Осталось понаблюдать, чем занят сейчас Мадани.

Мадани занят чем-то странным. Он стоит на борту с сачком в руках и, как только заметит, что в океане плывет некая пакость, цепляет ее и кладет в бутылочку. Когда попадется особенно большой и жирный кусок битума или мазута, Мадани несет его Туру, и Тур проявляет живейшую заинтересованность, разглядывает его, разминает в ладонях. Если грязь замечена, но ее не подцепить, все равно: факт регистрируется в специальном журнале.

Сантьяго иронизирует: «На всех кораблях дерьмо выбрасывают, а мы подбираем».

Дело в том, что этот год объявлен Годом борьбы с загрязнением атмосферы и воды, и Тур придает большое значение вышеописанной охоте.

Тут, пожалуй, мне опять предстоит немного отвлечься. Плыви, «Ра», а мы поговорим о другом.

РАССУЖДЕНИЕ ВТОРОЕ

главным героем которого является **Океан**

Мы плывем из Северной Африки к Южной Америке. Написал эту фразу и тотчас отметил: ошибка, по всем правилам доброго моряцкого жаргона, видимо, надо было сказать не «плывем», а «идем».

В первые дни первого плавания Норман всерьез огорчился, когда Жорж кричал: «тяни за эту веревку», а я в слове «компас» по-сухопутному ударял в первый слог.

Сам Норман оперировал морскими терминами щегольски, каждую веревочку и петельку называл именно так, как она у моряков и только у моряков называется, — ему казалось странным, если мы не всегда сразу соображали, что дергать и за что тянуть.

В конце концов Тур собрал специальное совещание, на котором попросил Нормана преподать нам терминологию и при этом, что возможно, упростить. Мы точно условились, что нам звать шкотом, а что брасом, — это, разумеется, в дальнейшем помогло при авралах, но записными «морскими волками» мы так и не стали: ни Жорж с его подводными приключениями, ни тем более Сантьяго и Карло, ни даже ветеран «Кон-Тики» Тур.

Как-то вечером мы занялись традиционной игрой — стали по очереди угадывать, сколько миль пройдено за день, называли более или менее вероятные цифры, и, как всегда, нас развеселил Жорж, вечно он готовил что-нибудь новенькое и сегодня не подкачал: загибая пальцы, шептал про себя и объявил: «Шестьдесят четыре мили сто два метра тридцать сантиметров с половиной».

— Ровно семьдесят девять миль! — радостно перебил его Норман, который не играл, а делал расчеты всерьез и как раз в эту минуту закончил выкладки.

Это невероятно — семьдесят девять миль, — мы и при свежем ветре столько не проходили, а сегодня ветер был средний и мы шли на хорошей, но нормальной скорости. Тур, как человек воспитанный, не стал подвергать сомнению Норманову математику, однако Норман сам почувствовал, что результат звучит неожиданно, и принялся комментировать и объяснять.

Он прочел целую лекцию о странных, извилистых, синусоидальных течениях, господствующих в этом районе, и о том, что мы, вероятно, попали «в струю».

Мы слушали, открыв рот, понимали меньше половины и радовались, что так здорово идем, и желали, чтобы и назавтра «струя» не пропала.

Однако назавтра при том же ветре скорость наша необъяснимо уменьшилась: всего пятьдесят две мили за целый день! Опять мы изумлялись капризам течений, и опять Норман готов был порассуждать насчет их синусоидальности, но ехидный Сантьяго поманил меня в сторонку и показал бумажный клочок, на котором он только что написал:

$$«79 + 52 = 131; 131 : 2 = 65,5».$$

Конечная цифра была привычной; именно с такой скоростью мы шли все последние дни. И нам стало ясно: вчера штурман ошибся, а сегодня, чтобы скомпенсировать перебор, решил «ошибиться» еще раз, уже нарочно, и недобрал на столько же.

Вспоминая это, я вовсе не хочу Нормана в чем-либо упрекнуть. Норман ошибался не в пример реже, чем все мы. Он много и добросовестно работал. Но уж в слишком необычных условиях мы находились, слишком по-новому видели и небо, и воду.

Мы плыли ничем не защищенные от океана — ни высотой бортов, палуб и мостиков, ни стеклом иллюминаторов, ни, наконец, техникой — параболами локаторов, мощностью котлов и турбин. Волна плескалась у самых наших подошв, и это была не волна вообще, а конкретная, именно атлантическая, мы стали как бы частью Атлантики, мы в ней жили, она экспериментировала на нас едва ли не больше, чем мы на ней.

Однажды во время ужина разразилась буря споров. Мы с Жоржем и Карло заявили, что вчерашней ночью видели Южный Крест, остальные отказывались верить, не может быть, Южный Крест не виден под 25° северной широты. Тур закивал: да, конечно, древние мореплаватели именно по Южному Кресту определяли переход из полушария в полушарие, вы обознались, ребята. Но мы стояли на своем и решили специально дожидаться темноты, в шутку пригрозив, что разбудим экипаж, когда Крест появится. Вскоре мрак сгустился и звезды зажглись, вон он, Крест, я отлично помню его по Антарктиде — но Карло и Жорж уже колебались, давление двух авторитетов сбilo их с толку. Попробовали разбудить Нормана, он сонно отмахнулся — «Посмотрю завтра» — и повернулся на другой бок.

Он сдержал обещание. Назавтра вечером деловито подошел и сообщил, что созвездие, которое мы приняли за Южный Крест, на самом деле он и есть.

Как примирить этот факт с непогрешимой теорией, мы не знали. Возможно, имела место какая-нибудь особая атмосферная рефракция, или со времен древних мореплавателей смести-

лась земная ось, или прежние наблюдения были неточны, или — допускаю, в конце концов, — и наши.

Рассказываю об этом для того, чтобы подчеркнуть: всем нам — и Норману с его штурманским дипломом, и Туру с «Контими» — здесь пришлось начинать с самого начала, с азов, — предыдущий опыт никуда не годился, он приобретался совершенно при других обстоятельствах. Как часто в кромешной тьме, воюя с тяжеленными веслами, я вдруг ощущал: хорошо хоть в одном нам повезло, мы же хоть ведаем, куда идем!

У наших вероятных предшественников было то же, что у нас: мрак, дождь, ветер и волны — плюс полная неизвестность — скоро ли берег, будет ли берег, что там впереди, за косматыми валами, — не край ли земли?

В один из первых дней на «Ра-1» Тур с хитрым видом начал собирать какие-то дощечки.

— Что это?

— Хочу сделать прибор, примерно такой, как у древних. Ведь они имели приборы, с помощью которых могли определяться в море. Вот, смотри, мои расчеты нашего курса.

Я тут же достал собственные записи, сделанные по данным Нормана, — те и другие цифры, в общем, совпадали.

— Видишь! А уж когда сделаю прибор...

Весь вечер Тур мастерил, выстругивал, выпиливал, размечал. А мы сообща придумывали его детищу название: щепкоскоп? фараонид? папирусолябия?

— Носометр, — внес ясность Тур. И показал, как он будет замерять угол между горизонтом и Полярной звездой, приставляя прибор к своему носу, для которого в деревяшке уже была прорезана специальная щель.

Скоро он кончил работу и удовлетворенно опробовал носометр; координаты совпадали с добытыми Норманом, и Сантьяго пошутил: «Теперь нам и штурман не нужен». Норман отозвался: «Пусть Тур заодно соорудит и древнеегипетскую радию».

Норман был прав. Хорошо баловаться самодельными штучками, когда способен в любой момент подстраховаться. Все-таки наше плаванье в сравнении с плаваньями древних было гораздо менее рискованным. Можно запретить себе мотор или гирокомпас, но как запретишь знание? А мы знали, знали заведомо, что вокруг нас Атлантический океан, что омывает он берега всех континентов, кроме Австралии, что площадь его — девяносто три с лишним миллиона квадратных километров, а наибольшая глубина — почти восемь с половиной километров, это возле Южных Сандвичевых островов, но мы там не будем, нас несет на юго-запад холодное Канарское течение, скоро оно перейдет в теплое Северное Экваториальное, романтические пассаты наполнят

парус нашего суденышка и повлекут его к американским берегам.

Мы знали, какие клочки суши могут вдруг возникнуть в туманной дымке слева и справа по борту: Канарские острова, острова Зеленого Мыса. Знали, что нам угрожает больше всего: западная оконечность Африки, мыс Юби, неприютный, скалистый, с вечной непогодой, рифами и двадцатиметровыми валами. Знали, наконец, — пусть ориентировочно, — где мы пристанем, если все обойдется благополучно: Барбадос, Тринидад, Мартиника, возможно, даже и Юкатан...

И всем этим знанием мы были обязаны тем, кто прошел здесь до нас, на клиперах, фрегатах и каравеллах, а еще раньше — вероятно, и на таких же, как наша, папирусных лодочках, изнывая от голода и жажды, не страшась циклопов, сирен, псоглавцев, примитивными «носометрами» нащупывая путь, —

Нет, мы не совершали подвига. Мы только в меру сил повторяли, воссоздавали их давние дела.

А впрочем, что ж, мы тоже порой делали открытия. Маленькие открытия — не для человечества, для себя.

Например, мы постепенно уяснили: вот приближается туча, значит, пойдет дождь, тут уж будь начеку, потому что как только дождь придет — ветер утихнет и затем вдруг совершенно изменит направление, и тогда держись.

Мы научились вовремя предугадывать мгновение, когда корабль перестает слушаться руля, и держать курс под минимальным, критическим углом к ветру.

Оживали, наполнялись реальным смыслом сведения, почерпнутые ранее из книг. Что такое толчея, я умозрительно представлял себе и раньше — это результат сложения волн, оно происходит, когда встречаются различные по свойствам водные массы, а мы шли в Канарском течении, более холодном, чем окружающие воды, — но нутром я это прочувствовал на третий день совершенно безалаберной, несинхронной качки — «Ра» словно очутился внезапно на вибростенде, так его трясло и дергало.

Есть правила с длинным названием — «Правила по предупреждению столкновения судов в море», — они тоже не разрешали о себе забывать...

По мере того как мы продвигались на запад, океан пустел и нам попадалось все меньше кораблей. Иногда они проходили днем, но большей частью мы замечали их ночью. Ночью корабль легче заметить, он хорошо освещен.

Эти встречи вызывали в нас противоречивые чувства.

С одной стороны, приятно сознавать, что еще кто-то плавает рядом; однако, с другой стороны, — лучше бы он не плавал. Потому что, когда видишь, как в непосредственной близости идет

громадный, весь — иллюминация, лайнер, когда даже слышишь музыку с него, тебя охватывает мелочная зависть, завидуешь людям, которые веселятся, пьют вино, и нет для них шторма, и парус у них не сорвет.

Кроме того, мы попросту боялись таких встреч: «Ра» даже по сравнению с траулером букашка, нас трудно разглядеть, особенно если ночь и туман, — налетит, потопит и в чем дело не сообразит.

Примерно месяц мы плыли в полнейшем одиночестве, а потом, уже близ Южной Америки, суда стали появляться вновь.

Однажды нас разбудил Жорж. Он кричал, что на нас движется корабль. Мы выскочили из хижины кто в чем был и залезли на крышу. Действительно, корабль шел прямо на нас, весь в огнях, как новогодняя елка, а у нас на мачте горела только жалкая керосиновая лампа. Мы схватили фонарики и принялись соединять лучи, бить общими усилиями в его рубку. Там нас заметили и, наверное, страшно удивились, зажгли мощный прожектор и долго слепили нас ярким лучом, видимо, сляясь понять, что это перед ними такое.

Затем на корабле решили с нами поговорить.

Мы переговаривались азбукой Морзе, мигая фонариками, — верней, это делал один Тур, он вспомнил свою военную молодость, снова и снова он твердил: «Экспедиция «Ра»! Экспедиция «Ра»!» — а те, на корабле, не понимали и переспрашивали. Ветер был слабый, мы шли зигзагами, корабль тоже лавировал, боясь с нами столкнуться, временами он пропал за нашим парусом и разговор обрывался, — я слез на палубу, на палубе парус не мешал и корабль был виден, — там сигналили напропалую, без перерывов, не заботясь, принимаем или нет, и Тур в азарте кричал мне с мостика:

— Что они сказали: ти-ти-та-та или ти-та-та-ти?

Откуда мне знать, что они сказали, я не могу читать эту штуку. Тур от возбуждения просто забыл, что не все учили азбуку Морзе, он вел себя в точности как любопытный, который переспрашивает, приставив ладонь к уху:

— А, что? Та-ти-та?

Потом, успокоившись, он очень смеялся.

Да, разные бывали случаи. Как-то вдруг показалось, что коллективно сходим с ума: по левому борту, чуть видимый вдалеке, плыл другой такой же «Ра»! Словно мы отразились в зеркале!

— Тур, — вскричали мы, — твой приоритет под угрозой!

Судно подходило ближе, и сходство исчезло: обыкновенное рыболовное суденышко, — ничего общего с нами не имеющее, — океан пошутит.

Почти тотчас с правого уже борта явилось странное сооружение с высоченной башней, опять мы гадали, что за чудеса, и сошлись на том, что это, очевидно, бурильная платформа нефтяников...

Нам часто вспоминалась эта башня как некий символ, увы, довольно зловещий. Цивилизованное человечество и посреди океана давало знать о себе.

Порой противно было утром чистить зубы, столько грязи плавало у кормы. Ну, ладно, пустые бутылки, доски, пластиковые мешки — их как после воскресенья на дачной полянке, — но битум! Но мазут!!!

Куски темно-бурого цвета, величиной в кулак, а иногда крупнее, некоторые обросли ракушками и усеяны моллюсками, другие совершенно свеженькие — и это в центре Атлантики, а она довольно большая!

Едва первые наши отчеты появились в печати, возникли слухи о том, что мы из-за загрязненности воды якобы даже не решались купаться. Это, разумеется, не так. В сплошные поля нефтяной пленки мы все же не попадали, а что до остального — кто мы такие, чтобы привередничать?! Мы сами плоть от плоти тех, кто все исправней, вдохновенней и успешней разоряет свой общий дом; в отечестве Кея полисмены-регулирующие стоят на перекрестках в кислородных респираторах, потому что Токио фактически лишен атмосферы, преувеличения тут почти никакого: недавно в печати сообщалось, что токийцы вдруг забыли тревогу, увидав над собой светящееся небесное тело — летающую тарелочку, а это была не тарелочка, это сквозь случайный разрыв в смоге и выхлопах проглянула Венера — город совсем отвык от звезд!

В США спускают в океан радиоактивные отходы и баллоны с нейропаралитическим газом, планируют подземные ядерные взрывы в тектонически активных районах, не беспокоясь о том, что глобальный спусковой механизм может сработать и планета лопнет, как петарда. В Африке все меньше становится красивых гордых зверей, в Италии тонет неповторимая Венеция, да и у нас в Союзе промелькнет иногда газетная информация: судят главного инженера и директора такого-то завода за то, что сливали в реку побочные продукты Большой химии...

Мы не обличаем свысока, не апеллируем ханжески к минувшим буколическим идиллиям — в тот миг, когда человек срубил первое дерево, он уже вступил с природой в сложные диалектические отношения, и сложность их не затушуешь, не избавишься от нее заклинаниями, и нам, экипажу «Ра», тоже не к лицу заниматься чистоплюйством. За нами тоже, бывало, тянулся хвост из съестных припасов, папирусных обломков — из всего, что мы

вынуждены были выбрасывать за борт. И мы не били себя при этом в грудь и не посыпали головы пеплом, и если печалились, то отнюдь не по планетарным причинам: Норман жалел, что в рации не будет орехов и чернослива, Тур сокрушался вон по той деревяшке, нет, вот по этой, эта наверняка была самая лучшая, как мы теперь без нее обойдемся?!

Но одновременно мы заботились о том, чтобы то, что может утонуть, утонуло, а то, что может быть съедено рыбами, было съедено. Вынимали продукты из мешков, привязывали груз к банкам и коробкам — мы надеемся, что океан не обижен на нас, что наше с ним сотрудничество развивалось на основе разумного компромисса, — и когда Карло и Кей наставляли свою отличающую кинооптику на очередную битумную лепешку в руках Тура, они имели на то бесспорное право.

Позднее я видел на экране эти кадры. Они медленные, длинные, чем-то похожи на спецкриминальные: преступление обнаружилось, вещественное доказательство предъявляется, камера подробно, сантиметр за сантиметром фиксирует одноозный предмет, размер его, форму, фактуру, — смотрите, люди! Вы рубите сук, на котором сидите! Вы лишаете себя завтрашнего источника существования, кладовой ваших завтрашних богатств, сферы завтрашнего обитания, наконец; это ведь уже не совсем фантастика, ведутся опыты по адаптации человека к водной среде, сбываются грезы о человеке-амфибии, — остановитесь, люди, во имя самих себя, завтрашних Ихтиандров!

Материалы, добытые экспедицией «Ра», явились в известном смысле сенсационными: действительно, никто до нас не наблюдал подобного, на современном корабле мореплаватель практически океана не видит, мало кто подозревал, что беда зашла так далеко. Вскоре по возвращении Тур был приглашен в США, на заседание сенатской комиссии, для обстоятельного отчета. Мир ужасался, негодовал, о нас говорили: «Те парни, которые обнаружили, что океан безумно грязен», — как будто это было единственным, чего мы добились в путешествии. Но мы не обижались. В конце концов, проблемы трансатлантической миграции — для знатоков, а вода нужна всем.

После плаваний на «Ра» каждый из нас получил на память пачку цветных диапозитивов. Мы пользуемся ими, рассказывая об экспедиции, и почти на каждом снимке, фоном ли, крупно ли, присутствует океан.

Иногда кажется, что это не один, а много океанов: и коричневый, вздыбленный штормом, и пепельный в туманном мареве, и синий-синий, солнечный, и уныло свинцовый — полно, да Атлантика ли это, не перепутал ли я коробки?

Но мачта «Ра», парус его, лица моих товарищей не дают усомниться. Океан есть океан, он изменчивый, он живой, и опасный, и в то же время нежный.

Его особенно чувствуешь ночью, он тогда весь светится, фосфоресцирует. Это красиво — но не дай бог оказаться в воде! Под конец пути на «Ра-1», когда корабль чуть ли не по хижину погрузился, нам приходилось порой управлять парусом, стоя по пояс в воде, нырять, чтобы развязать шкоты. Волна захлестывала, перед глазами плыли вспышки, огни какие-то, уже от этого становилось неуютно, даже если и забудешь на секунду об акулах.

Конечно, с ним можно, как это говорят, «сражаться», можно бороться с ним, — но меня всегда раздражает, когда о выдающихся мореплавателях говорят, что они, мол, океан победили. Колумб, Магеллан, Нансен, Амундсен, Крузенштерн, Чичестер, Бомбар — ничего они не побеждали, тем они и славны, что умели найти с океаном общий язык, согласовать его и свои усилия.

Мы пробыли в нем в общей сложности более ста дней, но можем ли поклясться, что теперь знаем о нем все-все?

...Ночью на горизонте возник непонятный оранжевый свет, это было похоже на восход солнца или на зарево, оно занимало значительную часть неба и имело форму полукруга. Мы видели такое дважды и до сих пор не понимаем, над какой тайной, доброй ли, злой ли, океан приподнял завесу.

Что это было? Извержение подводного вулкана? Запуск ракеты с научно-исследовательского судна?

Или, может, учебный залп атомной субмарины?

Минули времена, когда океан был сам по себе, а люди сами по себе. Да и было ли такое когда-нибудь? Афродита вышла из морской пены; океан — колыбель всего живого на Земле. Выросшие дети, мы должны бережно относиться к своей колыбели.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Приручили «Зодиак». — Жорж и Сантьяго пляшут канкан. — Хирургия. — Кого и как я лечил. — Госпиталь «Ра-1». — Плюсы и минусы безветрия. — Год назад мы стартовали. — Ужасный мыс Юби. — Ночной аврал. — Набухаем. — Как по-немногу тонул наш незабвенный «Ра-1». — Не зайти ли на Канары! — Разгружаем трюм. — Что едят на «Ра». — График Уровня Аппетита. — Социалистический сухарь и капиталистический зуб. — Дискуссии. — Как я засыпаю и как просыпаюсь. — Ода ночным вахтам. — Где вода!! — Воспоминание об источнике месье Шанеля. — «А на чем мы будем есть!» — После нас хоть потоп. — Карло или Жорж! — Ночной вопль.

Солнечно, тихо, дрейфуем.

Все-таки мы приручили «Зодиак» — Жорж, Карло и я. Раз десять накачивали и спускали воздух — и укрепили наконец каркас, разобрались во всех деревяшках. Спустили лодку на воду, поставили мотор и покружили вокруг «Ра».

Корабль выглядит со стороны великолепно и очень романтично, с выгоревшим парусом, с изогнутыми носом и кормой... с Сантьяго на макушке мачты, — зачем его туда потянуло?! А, чтоб сфотографироваться!

Он чуть-чуть болен, нечто вроде фарингита. Даю антибиотики, пока они помогают мало, но Сантьяго бодрится. Вчера вечером Тур долго говорил, что близится мыс Юби, до него всего около девяноста миль, и поэтому вахтенному надо быть особенно внимательным, смотреть не только на компас, но и назад, на буи, который, по сути, показывает наш истинный курс, — и вот Сантьяго, вдохновленный речами Тура, проникнувшись важностью момента, отстранил Кея от вахты и встал на мостик сам, назло всем врачам и болезням.

Вахты нынче скучные. Единственное развлечение — если корабль случайно развернет задом наперед. Так случилось сегодня ночью: часам к пяти ветер абсолютно исчез и я, оставив руль, полез снять топовый фонарь — пока лазал, «Ра» и развернуло. Я порядком намучился, возвращая корму на место, греб маленькими веслами от «Зодиака», дергал за брасы. Потом, когда я совершенно обесилел, нахальный корабль вдруг выправился сам.

Да, становится скучновато, и мы развлекаем друг друга, как можем. Позавчера, например, Жорж и Сантьяго устроили для нас концерт самодеятельности, они нели и плясали канкан, оба в тельняшках, рослый и коренастый, как Пат и Паташон, и подбадривали друг друга: «А ну, девочки!» — а мы корчились от смеха.

Вообще музыка на борту «Ра» звучит почти постоянно. Тур,

колдуя над своими чурбачками и колобашечками, мурлычет песенку о летучих рыбках, и взгляд его при этом отрешен и задумчив. Смолкает Тур — вступает Норман, у него губная гармоника и не весьма обильный репертуар, всего две-три ковбойские песенки, мы уже выучили их до последнего такта, — но эти рулады все же гораздо приятней, чем прошлогодний приемник Абдуллы, — он совершенно извел нас тягучими восточными мелодиями.

А вот с магнитофоном Жоржа случилась в прошлом году загадочная история.

Жорж оставил его на корме и пошел помочь мне крепить кабристры с водой, через полчаса вспомнил, взглянул — и увы! Скорей всего, магнитофон свалился в воду сам, но, возможно, конечно, его кто-нибудь, не заметив, задел. Я старался утешить Жоржа, однако он твердил, что теперь путешествие для него испорчено, потому что ему без музыки не уснуть.

Не знаю, как кого, а меня тоже опечалило исчезновение магнитофона, на его пленках было немало приятного, — но что вода берет, обратно не отдает.

К слову, о магнитофонных записях. В первые дни нашего первого плавания Карло записал «Симфонию «Ра». Он просто включил микрофон минут на десять, при довольно тихой погоде, — но когда потом, позднее, на суше, мы крутили эту пленку, меня задним числом брала оторопь: скрипы, визги, скрежет, треск — неужели вокруг нас творилось такое? И как мы это вынесли, как умудрились вернуться живы и невредимы?

Теперь, вспоминая это, краешком сознания — самым краешком — я гадаю: повезет ли нам так же и на этот раз?

Тихо и солнечно, океан — как озеро, и по этому озеру, сказочный, сладко красивый, как на заднике у провинциального фотографа-пушкаря, еле-еле плывет наш «Ра».

Утром 24 мая на борту произошло важное событие, запечатленное на фото-, кино- и магнитной пленке. Состоялась первая операция на «Ра-2»!

Жорж, встав, пожаловался, что плохо спал — болел палец. Я взглянул: панариций — и получил от пациента согласие вскрывать.

К операции готовились обстоятельно.

Сантьяго надел на голову пластиковый чепец, на лицо — марлевую маску. Я опоясался полотенцем, а поверх него — веревкой.

Тур поглядывал на нас, как няня на распалившихся ребят, он в это время отпиливал ножовкой горлышко у глиняной амфоры — готовил сосуд для хранения расходной воды, так как доставать воду из амфор довольно хлопотно, горло очень узкое — мы до сих пор пользовались автомобильным методом, засасывали воду через шланг, а это негигиенично, вот Тур и решил сделать резервуар,

который наполнялся бы не спеша и загодя, а опорожнялся по мере надобности и без труда.

Ножовка плохо пилила, и Тур сердился, но я выдал ему из своих запасов пилу Джигли, предназначенную вообще-то для костей человеческих; Тур воспрянул духом и сделал вид, что не замечает, как добросовестный Кей ловит его в визир.

Итак, Сантьяго, ряженный медицинской сестрой, подает мне спирт и салфетку для дезинфекции рук. Затем прошу у него резиновые перчатки — и он, вместо хирургических, вручает мне здоровенные, электромонтерские. Кинооператор доволен, зрители хохочут, Жорж тоже, он не подозревает, что через секунду ему станет не до смеха.

Для местной анестезии я решил использовать пластмассовый шприц, но не учел, что подкожная клетчатка на пальцах практически отсутствует и такой шприц здесь непригоден, он маломощный, слабенький.

Жму-жму, Жорж морщится, а пользы нет.

Говорю:

— Потерпи, лучше я тебе разрежу без анестезии, это быстрее и проще, чем колоть несколько раз.

Вот тут Жорж заорал неистово!

Я вскрыл ему панариций и выпустил гной, хотел промыть ранку, но он больше не давался и громогласно крыл меня на всех языках, включая и русский.

Киногруппа — Карло и Кей — торжествовала: никакой инсценировки, поймали-таки правду жизни. Жорж уже оправился от потрясения и договаривался с провиантмейстером насчет стопочки. А я собирал инструментарий и думал: пусть эта операция будет единственной на «Ра»!

В прошлом году все, в общем, обошлось. Даже с Абдуллой, хотя уж никак не верилось, что тут обойдется.

Абдулле с первых дней не слишком везло. Морская болезнь как навалилась на него, так и не отпускала, несмотря на все мои старания. Правда, были часы радости, когда Абдулла утром поднимался свежий и восклицал в мой адрес:

— Ты самый лучший доктор на «Ра»!

А Тур добавлял, усмехаясь:

— Бери выше, на всех папирусных лодках мира!

Но проходил день-два, и снова Абдулла ходил грустный или даже не ходил, а лежал в тижине — «у меня болит голова!» — не ел, не пил и молился аллаху.

Я потчевал его драмамином; драмамин — препарат эффективный, но обладает побочным снотворным действием, и поэтому Абдулле вечно хотелось спать. Так что Сантьяго однажды забеспокоился, не станет ли Абдулле совсем плохо от пересыпа.

Я ответил:

— Ты думаешь, лучше, если он будет постоянно блевать?

Сантьяго поразмыслил и согласился, что спать все-таки полезней.

Но это были цветочки.

Вечером 27 июня Тур позвал меня и сказал, что Абдулла жалуетса на боли в животе. Я взял Жоржа переводчиком и стал смотреть: температура 37°, язык слегка обложен, болезненные ощущения в правой нижней части живота — батюшки, не аппендицит ли?

У меня было с собой все необходимое для аппендэктомии — все, кроме гарантии покоя и удобства прооперированному. К тому времени мы уже достаточно погрузились, корма нашего «Ра-1» была под водой, от нее к мостику тянулись сотни веревок и веревочек — здоровый, и то с трудом продирался сквозь эти джунгли. Ни тебе утки, ни подкладного судна, качка, теснота — помню, как, решив подождать с диагнозом до утра, стоя ночную вахту, я вновь и вновь возвращался мыслями к тому же: а ведь оперировать придется!

Может, вызвать помощь по радио? Но это — крах экспедиции, смысл которой больше чем наполовину в том, что нам не должен никто помогать. Нет, нельзя убивать экспедицию. А человека — можно? Если Абдулле станет совсем плохо, если ты, врач, не справишься, —

В общем, не знаю, что бы я в конце концов сделал. Вероятно, все же оперировал бы, полностью взяв на себя ответственность. Но тогда, ночью, на мостике, я постыдно боялся, боялся любого решения, того и другого варианта, — к счастью, жизнь подарила вариант волшебный, третий: утром оказалось, что Абдулла выздоровел, у него было элементарное несварение желудка — и никаких аппендицитов!

Если уж вспоминать о наших желудках — случилось и посмешнее.

Однажды Жорж встал мрачный: «Болит живот, ты вчера обещал слабительное, но не дал». Я извинился, полез в свой ящик, достал пурген. Жорж принял две таблетки сразу.

— Когда подействует?

— Часа через три.

— О'кей.

Прошло три часа, и шесть, и девять...

— Давай сделаем клизму, — предложил я.

— Нет, не могу.

— Почему?!

— Не могу.

— Хорошо, принимай пурген.

— Но он не действует! Это плохое лекарство!

— Это живот у тебя плохой!

Тур и остальные хохочут, мы тоже смеемся, но предпринимать что-то надо, а этот тип не хочет сделать простую, примитивную клизму, и ни черта сейчас его не переубедишь.

На помощь пришел Сантьяго:

— Юрий, я видел у тебя в коробке магнезию, может быть, она поможет?

Идея! Я бросился к своей аптечке, достал магнезию и вручил весь пакет Жоржу.

— На, прими две чайных ложки.

— И все? — сказал он скептически. — Я приму три!

— Нет, две.

— Нет, три.

— Ладно, но не проси потом лекарств для запора.

— О'кей.

Он съел три ложки магнезии и свистал всю ночь и половину следующего дня. Кроме прочего, после ужина его вырвало. Однако он не жаловался — уговор есть уговор.

А клизму я ему-таки поставил, это уже в другой раз, позже, при сходных обстоятельствах, — он оказался сговорчивее, и мы с ним торжественно уединились на корме, а потом весь вечер Жорж подробно, под общий хохот, отчитывался в своих впечатлениях, представляя в лицах себя, меня и, кажется, клизму тоже.

Не хочется оставлять медицинскую тему — вероятно, потому, что никакого прикладного оттенка она сегодня для меня не имеет, больных на борту «Ра» нет, я как специалист бездельничаю, и это мне весьма приятно. Самое время рассказать о том, что это вообще такое — быть врачом на «Ра».

Можно сказать, что свои врачебные обязанности я начал выполнять задолго до того, как впервые увидел своих подопечных. С момента, как А. И. Бурназян, уже упоминавшийся на этих страницах, предложил мне составить план подготовки, я уже как бы плыл на папирусной лодке, диагностировал у членов ее экипажа самые страшные заболевания и блестяще их врачевал.

А между тем с практическим врачеванием я последние годы почти не сталкивался, занимался в основном физиологией — нужно было многое освежить в памяти, и тут мне чрезвычайно помогли мои коллеги, учителя и друзья.

Я пошел в институт кардиологии, к профессору Мухарлямову, в институт тропических заболеваний, к доктору медицины Токареву, без конца консультировался с ними, с руководителем нашего учреждения, много лет работавшим в Арктике, вспомнил свой собственный маленький опыт, добытый за год зимовки в Антарктиде, — все вело к тому, что я должен оснаститься как

следует, и список требуемого рос как на дрожжах и грозил превратиться в объемистый гроссбух, а терапевты, хирурги, реаниматоры продолжали предлагать каждый свое, новое, оригинальное и совершенно необходимое, вроде набора инструментов из титанового сплава — надлежало по возможности проверить, как инструменты поведут себя при повышенной температуре и влажности.

Всего набралось почти триста килограммов; я внимательно следил за выражением лица Хейердала, когда мы с ним стояли у самолета, только что доставившего меня в Каир. Бегущая дорожка транспортера выкидывала нам на руки огромные пластиковые мешки — Тур раскрывал глаза шире и шире и, когда, наконец, явился последний мешок, облегченно хмыкнул. И я понял, что участь моя счастливо решена: человека с таким запасом юмора никто назад не отправит.

Ну, что-то мы оставили в Каире, что-то — позднее, в Сафи, но и в окончателном своем ассортименте бортовая аптечка «Ра» охватывала, в общем, все разделы медицины. Исключены были лишь детские болезни и гинекология.

Второй этап моей деятельности наступил в предотъездные дни, и он касался уже не лекарств, а людей. Всех членов экипажа нужно было тщательно обследовать, мне очень помог в этом доктор Катович из Польши, который работал в то время в марокканском правительственном госпитале. Мы сделали всем электрокардиограммы, определили группу крови на случай, если понадобится переливание. Выяснилось, что у пятерых из нас первая группа, а у двоих — четвертая, так что никаких затруднений при переливании не встретилось бы, это немало порадовало.

Помимо всего остального, пришлось знать всех шестерых — и самому идти — к зубному врачу. Жорж Сорриал и Норман Бейкер оказались на высоте, а мы с Хейердалом попались, и Абдулла, и чуть-чуть Сантьяго.

Наставал день отплытия, встречал я его во всеоружии — не только загрузил медикаментами два ящика, отведенных в хижине на мою долю, но и отобрал один ящик у Сантьяго, и чувствовал себя, как всякий удачливый завоеватель, превосходно, — и вот рано-рано утром мне в номер позвонил Норман и сказал, что ему совсем нехорошо.

Градуcник показал тридцать девять и девять, и это было для меня как ледяной душ. Нам ведь выходить через пару часов!

Если бы обнаружилась пневмония, я не раздумывая наложил бы на старт свою докторскую лапу, поломал бы граффик — и загорать бы нам в Сафи еще невесть сколько. Но пневмонии не было, имелся бронхит, и я поддался на Нормановы уговоры. Чуть не под руки мы довели его до корабля и уложили в каюте, откуда он

хриплым голосом отдавал свои морские распоряжения, словно раненый, но не покинувший поста адмирал.

Абдулла, как упоминалось, знакомился с морем крайне мучительно; у Сантьяго объявился дерматит на интересном месте — бедняга еле-еле ковылял (а назавтра совсем слег); сам я вдруг закашлялся; хорошенькое было начало!

После того как якорь выбран и швартовы отданы, порядочный путешественник достает записную книжку и заносит в нее для памяти что-нибудь вроде: «Итак, я в пути! Солнце светит, волны искрятся, чайки кричат, парус надувается!»

Запись, сделанная мной в тот день, гласила:

«Рондомоцин, анальгин, тетрациклин, делалгин — марганцовка — пипальфен — аспирин — госпиталь «Ра»!!!».

Мы и впрямь были плавучим госпиталем, на котором, к тому же, сразу съмались оба руля и рей, — но об этом позже. А что касается болезней, то понемногу все образовалось. Через трие суток, выйдя впервые на связь, Норман обстоятельно доложил жене и детям, что «стараниями русского врача дело пошло на поправку». Сантьяго тоже полегчало, хотя долго еще я водил его вечерами в свой «медицинский кабинет», на корму, и там, балансируя на щаткой палубе, пользовал его ванночками и примочками. Освоился и Абдулла, жизнь вошла в колею, и я снял свой «белый халат».

Но пока довольноно о «Ра-1», так можно потерять ориентировку и забыть, где мы с вами находимся.

А находимся мы на борту «Ра-2», идет восьмой день пути или, может, девятым, неважно, все они сейчас одинаковы, буй болтается сзади парус обвис, ветра нет.

Пытались утром идти с помощью дополнительного весла, Норман взял его — трехметровое — и около часа греб, как гондольер. Это мало помогло. Тогда Жорж предложил «Зодиак» и себя в качестве буксира, зацепил нас и принялся грести, и корабль слегка пошел! Но, разумеется, Жоржа ненадолго хватило, да и никто — он сам прежде всего — не принимал такой вариант всерьез, мыслимо ли вручную волочить за собой многотонную ладью?

Жорж, обуреваемый идеями, решил запустить на «Зодиаке» мотор — как отнесется «Ра» к механической тяге? Ничего, терпимо отнесся, у носа появился бурунчик, но Тур призвал экономить бензин, он может понадобится, когда подойдем к мысу Юби.

Ах, Юби основная наша проблема! За прошлые сутки мы проделали всего пятнадцать миль, хорошо хоть не к берегу, а нужно выйти еще западнее, между злосчастным мысом и Канарскими островами, — вот тогда любой ветер к нашим услугам, даже северный, а кроме того, там начнется Канарское течение.

Участники экспедиций «Ра-1» и «Ра-2»:
Тур Хейердал,
Карло Маури,
Жорж Сориал,
Абдулла Джибрин,
Норман Бейкер,
Сантьяго Хеновес,
Юрий Сенкевич,
Мадани Аит Охани,
Кей Охара.

В бассейне модель «Ра» ведет себя прекрасно. А что будет в океане?

«Ра-2» перед спуском на воду.

Папирус и канаты — и все устройство...

По крайней мере недостатка в еде мы не будем испытывать.

Готовимся к старту.

Скоро японский кинооператор
Кей Охара познакомится с океаном
всерьез.

Берег Африки остался позади,
вокруг — безбрежная Атлантика.

Первый сеанс радиосвязи.

Из летописи «Ра-1».
Госпиталь «Ра»: из семи путешественников трое не встают с постелей. Особенно плохо Норману Бейкеру — температура 39°, бронхопневмония. *Фото К. Маури.*

Порой, после тихих и безлунных ночей, на палубу падало столько летучих рыбок, что Карло без труда готовил из них завтрак для всего экипажа.

Видимо, эта бутылка провела в океане немало времени. Подобные «подарки» вылавливаем ежедневно *Фото К. Маури.*

«Ра-2» снизу. Грациозные «пампано» и «бонитос» несут свою подводную вахту. *Фото Ж. Со-риала.*

Этот голубь не покинет нас почти до самых берегов Америки. Фото К. Маури.

Починка весла на ходу. Фото К. Маури.

Кажется, показался долгожданный мыс Юби?..

Хороший ветер и спокойный океан — самое большое благо.

Для того чтобы поднять парус,
требуются огромные усилия и
много времени.

Еще одно запасное весло пона-
добилось отвязать...

Наступила желанная «маньяна».
«Тепло, как в Италии», — радуется
Карло.

Очередное перемещение амфор.

Из летописи «Ра-1».
Жорж под водой проверяет состояние дна корабля, его страхуют Тур и Сантьяго. Карло снимает фильм.

Норман заканчивает ремонт сломанного весла.

Чтобы как-то уберечь погружающуюся в океан корму, решено надстроить фальшборт папирусом.

Ветеран «папирусного флота» обезьянка Сафи.

Такелажные работы.

Тур вычитал в лодии, что в здешних местах ветер бывает три с половиной дня в году, и почему-то обрадовался — наверно, тому, что практика сошлась с теорией. Правда, выгоды нам от этого совпадения мало.

Движемся толчками, то дернемся, то стансм и беспомощно качаемся на крохотных волнах. Дабы лучше держать курс, у нас по носу сооружены гуары, выдвижные кили на манер индейских. Их конструкция вызывала уйму опасений, но они с честью выдержали шторм, немного выручают сейчас, а у мыса Юби, возможно, помогут и более основательно.

Мимо прошли два приличных кита — вот бы запрячь! — а у кормы замечена небольшая акула. Жорж загорелся: половим! — и приволок громадный, полуметровый крюк, нацепили на него кусок колбасы и спустили в океан, там он и обретается безо всякого эффекта.

К вечеру Кей нас порадовал, трудился часа два, как всегда, кропотливо и добросовестно, и приготовил японский суп, рис и салат. Ели, хвалили, благодарили — Кей таял от удовольствия.

Подошла в сумерках акула, может быть, та же, знакомая, поглядела в наши фонарики и скрылась.

Ночь минула совершенно спокойно, я был свободен от вахты и спал. А утром продолжилось то же самое. После завтрака я сменил Сантьяго у рулевого весла — он загнал корабль к югу и никак не мог вернуться на курс, — ветер задувал порывами, и парус полоскал. Появился Норман и стал объяснять, в каком положении относительно друг друга должны находиться ветер, парус и весла, я слушал-слушал и вставил словечко о том, что объяснять, собственно, поздновато, надо исправлять.

— А почему бы тебе не попросить Сантьяго поработать веслом и сдвинуть корму? — спросил он.

— А почему бы мне не попросить об этом тебя? — спросил я.

Безветрие нервирует, заставляет злиться по пустякам — оно же и попросту портит корабль: все многочисленные веревки висят ненатянутые, трутся друг о друга и о дерево, а им наверняка предстоит выдерживать еще не один шторм.

Надо сказать, что такелаж на «Ра-2» вообще выполнен не блестяще. Взять хотя бы ванты, слева понадобилось оттянуть их кустарной краспицей — терлись о крышу хижины.

Благоустройство корабля продолжается: сегодня Тур и Карло вплотную занялись санузлом. Он у нас на корме и, конечно, совмещенный: шесть досок перекрещены так, что образуют три клетки. Совершенствовали каждую клетку в отдельности и на свой лад. Заднюю превратили из прямоугольника в овал, в передней подвесили брезентовое ведро для умывания. Среднюю — продолговатую — снабдили веревочной сеткой с деревянными

поперечинами, чем-то вроде гамака, это наша ванна. В ней никто пока что не мылся, очень холодная вода.

Перед сном Тур умудрился расслышать лязгающий звук, причем он говорил, что бьет что-то тяжелое по крыше хижины. Я осмотрел крышу и мостик, проверил все щели и ничего не нашел, но Тур упрямо повторял:

— Я ведь слышу!

Наконец оказалось, что это в изголовье постели Карло гремят бутылки с виски.

Ночь выдалась преотвратительная, сильно качало, спал я плохо, крутился, просыпался, встал с тяжелой головой и был на вахте с пяти утра до шести тридцати. Это мы накануне так условились: опасались, что придется туго, и решили стоять по полтора часа. Но ничего страшного не произошло, рассвет наступил серый и неприветливый, океан тоже серый, волны небольшие и частые, потому нас так и качает. Ветер, увы, умерен весьма, больше болтаемся, чем идем.

Сменившись, я долго, старательно и с удовольствием брился, процедура в наших условиях не из приятных, щеки щиплет и саднит от морской воды, хорошо если Норман на связи и можно подключиться электробритвой к генератору радиостанции — так мы обычно и стараемся делать, но сегодня я не стал ждать Нормана, мне хотелось с раннего утра быть свежим: были на то причины.

Появился заспанный Тур, я спросил его:

— Ты помнишь, что сегодня большой праздник?

Он призадумался; потом лицо его осветилось:

— Мы стартовали?!

— Да.

...Загудели буксиры на рейде Сафи, напутственно вскинула руки славная храбрая Ивон — это было ровно год назад, двадцать пятого мая, в восемь тридцать или, вернее, несколько позже, потому что мы тогда не сразу пошли самостоятельно, боялись, что прибьет к берегу, и медлили расцепляться с выведившей нас в море шлунуой, пока не сообразили, что тащиться через океан на привязи — не совсем наша задача.

Мы тогда, как и нынче, засиделись в Сафи — провозились с погрузкой. «Ра» стоял не у самой стенки, слишком для него высокой, — между кораблем и молом был промежуточный понтон, и вот сперва мы складывали пожитки на понтоне, а потом уже перетаскивали их на борт, и довольно трудно было все скомпоновать и разместить, грузоподъемность великолепная, а места мало.

Работали однажды всю ночь, намереваясь выйти на следующее утро, но около трех часов пополуночи на мол приехал паща Гайеб Амара и сказал, что ветер на завтра по прогнозу ожидается

неудачный, не с материка, а с океана, — мы страшно обрадовались, поехали в гостиницу и спали до обеда следующего дня.

Как представлялось нам в ту пору предстоящее плавание?

О, во всех подробностях.

Мы могли без запинки рассказывать о путешествиях древних мореплавателей, лихо обосновывали принцип действия рулевых весел, брались с точностью до суток вычислить момент перехода из течения в течение, —

Но попробуй нам кто-нибудь напророчить, что весла тут же сломаются, что без них мы пойдем не хуже, что ужасный мыс Юби дастся легче, чем безобидный архипелаг Зеленого Мыса, что выкинем еду и распилим спасательный плот!

И уж, конечно, никак не могли мы себе представить, что ровно год спустя снова окажемся в море, на почти том же корабле и почти в той же компании.

Сегодня особенно отчетливо ощущалось: не было перерыва, не было — так, наверно, спортсмен не различает, где кончилась первая попытка и началась вторая, — разбежался, прыгнул, сбил планку, отбежал на исходную, снова разбегается — снова и снова, пока не перепрыгнет.

А вместе с тем, если припомнить, — сколько всего случилось за этот минувший год.

Взять хотя бы одного из нас, Сантьяго.

В промежутке между плаваниями ему пришлось: а) оставить работу в университете, поскольку по-хорошему его в экспедицию не отпускали, — правда, ежели путешествие завершится удачей, его наверняка примут обратно; б) осповательно поболеть; в) вербовать индейцев-строителей, везти их с озера Титпкака в Сафи, следить за сооружением папирусного судна.

Вон сколько выпало на его долю. Немудрено, что он порой грустноват, надо устроить так, чтобы он поменьше утомлялся, пока не войдет в колею. Об этом мы по секрету условились с Туром, стояли рядом на мостике, тихо беседовали и медлили разойтись, когда разговор исчерпался, — я закурил трубку, он задумчиво щурил голубой глаз, — а день проходил, наш праздничный день, и не было у нас в его честь ни салюта, ни фейерверка.

Помню шумные праздники на «Ра-1», в прошлом году мы увлеклись ими — Первая тысяча миль, Полдороги, и просто Давайте-встряхнемся, и Не-поесть-ли-русской-иморки... Карло готовил особенно вкусный и обильный обед, раскупоривалась бутылка «Кон-Тики» или «Аку-Аку», крепкого, густого, Тур прозвал его «винным супом». Бравурно звучала губная гармоника Нормана, Жорж срывал с меня панаму, швырял ее на ящик и показывал, как мексиканцы пляшут вокруг брошенного наземь сомбреро, —

Нынешнюю дату отметили неожиданно тихо. Видно, особая это годовщина — годовщина начала пути.

А ночью океан преподнес нам подарок, лучший, какой только мог. Мы благополучно миновали мыс Юби, спокойно, как по маслу, даже не заметив, — лишь из утренних выкладок Нормана стало ясно, что событие, к которому напряженно готовились, — позади.

В прошлый раз по поводу Юби тоже было много тревожных предчувствий. В решающую ночь вызвался дежурить Сантьяго, он глядел во все глаза и слушал во все уши, поутру в тусклой дымке увидел приближение чего-то непонятного и разбудил Тура. Непонятное надвигалось неотвратно — и оказалось не мысом и не рифом, а танкером из Гавра. Танкер оглушительно проревел сиреной, описал вокруг нас приветственный круг и удалился, а Юби, как выяснилось, был уже далеко за кормой.

К вечеру разгулялся ветер. С наступлением темноты он стал очень сильным. На вахте был Кей, Тур, уходя спать, спросил его: «Как дела?» — «Нормально».

Через пять минут пушечно хлопнул парус — и началось.

Мы вылетели на палубу, в крошечную черноту. Тур ринулся на нос и кричал оттуда, чтобы выбирали правый шкот. Мы так и делали, но ответов наших он не слышал из-за ветра и кричал все истощнее. Впрочем, не одип он — все кричали и суетились, отвыкли от авралов. Норман пытался развернуть корму веслом, его сменил Жорж — безрезультатно, парус бешено бился, и рей колотил по мачте, и корабль трепетал под ударами волн.

Осознав, что подобными средствами положения не изменить, решили выбросить плавучий якорь, он вроде парашюта, наполняется водой и тормозит, помогает стать по ветру. Норман занялся якорем, я — веслом, оно рвалось из рук и пару раз вздернуло меня над бортом, спасибо страховочному концу, хоть он и чуть не перерезал меня, впившись в живот. Я греб минут пятнадцать, корабль начал разворачиваться, теперь скорей потравить натянутый шкот, вернуть парус на место — но все забыли, что якорь уже не полезен, а вреден, не вытащили его, и «Ра» закрытило вновь.

Начинать сызнова — зла не хватало. Попробовал было грести, но руки одеревятели и не слушались. Налег на весло телом, прижал его к стенке хижины — и почувствовал, что корму повело, повело, — это на носу Норман и Жорж вытащили левую гуару. Раньше бы додуматься — кили ведь тоже как рули, для того мы их и ставили.

Эй, про якорь опять не забудьте!

Конец якорного линя был в руках Мадани. Мадани, как мне показалось, что-то не слишком напрягался, — я подскочил со звер-

ской рожей, кляня его на чем свет, перехватил веревку, дернул — и осекся.

Тянули «парашют» в шесть рук — как в сказке про репку — Мадани, я и подоспевший Сантьяго, подтягивали, гасили купол и за этим занятием чуть не проворонили шкот, едва успели перезакрепить его в последнюю секунду, иначе прибаутка была бы другая, про белого бычка, — мало радости и вообразить такое.

Настала пора перевести дух. Кей, бедняга-вахтенный, места себе не находил от горя: столько доставил хлопот! Мы хором утешали его, убеждали, что он ни при чем, что это ветер переменялся, что на «Ра-1» это случалось с нами едва ли не каждый день.

Постановили, что до утра вахты будут сдвоенные: в одиночку корабль на курсе не удержишь. Ничего, зато отлично идем: семьдесят три мили за сутки, очень даже неплохо. Нам скорость жизненно важна, как самолету, теряющему высоту. Дело в том, что мы тонем.

Нет, это, пожалуй, слишком громко и безответственно сказано; мы всего лишь оседаем, набухаем, пропитываемся — естественный процесс, чуть-чуть более интенсивный, чем ждали.

Жорж со смехом рассказывал, как во время аврала, вытаскивая гуару, они с Норманом внезапно превратились в штангистов: между гуарами и корпусом лодки были проложены тонкие папирусные снопики, чтобы кили не терлись о борт, — так вот, эти снопики оказались словно не из соломы, а из свинца. А между прочим, их, по теории, не должно было смачивать: перед отплытием их специально покрыли вазелином.

— Мне почудилось, что я на «Ра-1», — веселился Жорж.

Я подумал: похоже. Только сейчас у пас десятый день пути, а тогда беспокойство возникло уже на третьем, туманное, смутное, — мы даже перед собой стеснялись его обнаружить:

«...Предыдущую ночь дрейфовали, держа в качестве стабилизатора плавучий якорь, что слегка повредило нам — правая сторона кормы осела больше левой, вообще мы с самого начала (еще в Сафи) перегрузили правую сторону, а кроме того, и волны, и ветер идут все время справа. Корабль слегка косит на правый бок...»

Это из моего прошлогоднего дневника, запись от 27 мая. Дальше — жизнерадостные строки о том, как все великолепно и как неправы специалисты-папирусологи, больше двух недель на плаву нам не сулившие.

А уже 28 мая я записал вот что:

«Нас заваливает на правый бок. Волны идут справа, папирус с этой стороны намокает больше. Если не вмешаться, наша палуба

может стать правым бортом, а левый борт — палубой. Тур считает, что большой парус исправит положение, но и не сбрасывает со счетов перераспределение груза.

...Завтра весь груз будет перемещен с правого борта на левый и ближе к носу...»

С того дня перетасовка багажа стала нашей постоянной и естественной обязанностью. Кувшины с водой и с пищей — мы без конца перетаскивали их с места на место, снова и снова находя для них точку, позволяющую уравновесить качели, один конец которых оседлал океан.

Иногда нам казалось, что весы выровнялись, —

«7 июня. Лодка ведет себя прекрасно», —

Но океан усаживался поудобнее, и —

«8 июня. Кренемся на правый борт, и довольно значительно, вся правая половина кормы пропиталась водой, под ногами хлюпает, будто забрел в болото».

К тому времени мы уже понимали, что беда не только — и не столько — в размещении груза, — виновата сама лодка, качество ее постройки.

«...Я заметил, что вообще правая сторона сделана хуже, чем левая, папирус уложен не так тщательно, местами вылезает из-под веревок, коробится. «Да, — ответил Тур. — Левую сторону делал Муса, а правую — Омар...»

«...Теперь очевидно, что лодка должна быть идеально симметричной (имея в виду вес и объем папируса), иначе неизбежен крен, а при крене сразу возникает порочный круг: чем больше намокает папирус, тем он тяжелее, чем он тяжелее, тем глубже в воде и больше намокает, и так далее».

Золотые слова! И все-таки мы опять споткнулись на той же колдобине. «Ра-2» не вполне симметричен. Правда, его слабое место — уже не корма, а нос. Волны заливают нос и уходят, просачиваясь между «сигарами», папирус успеваешь намочить, а высохнуть не успеваешь, и свинцово-тяжкие снопики, насмешившие Жоржа, ничего веселого не предвещают.

«14 июня 1969 г. После завтрака собрались в хижине и долго дискутировали, обсуждали возможные варианты освобождения кормы. Всем ясно, что затопление ее будет прогрессировать. Тур попросил Нормана показать на карте, где мы находимся, и сказал, что, возможно, придется пристать к одному из островов группы Зеленого Мыса, дабы укрепить корму имеющимся в запасе папирусом».

История повторяется. Сперва как бы в шутку, потом все настойчивее возникают на борту разговоры о промежуточном фи-нише, о том же Зеленом Мысе или даже об Африканском побе-

режье — пришвартоваться, вытащить лодку, просушить на солнышке. Но Тур, в отличие от прошлого года, и слышать об этом не хочет.

Как всегда, он возражает по пунктам.

Во-первых, корабль на берегу будет сохнуть очень медленно и нет гарантии, что не сгниет внутри.

Во-вторых, до островов Зеленого Мыса три недели ходу, а до Барбадоса — шесть, всего вдвое больше.

В-третьих, даже если весь «Ра» уйдет вглубь, мы сможем продолжать плавание, ибо кабина задумана как самостоятельный поплавок, получится что-то вроде подводной лодки в позиционном положении.

Но самое главное, до этого же еще не дошло, и когда еще дойдет, и дойдет ли? «Ра-2» совсем не так плох!

Вот уж что верно, то верно. Пусть до Барбадоса на самом деле не шесть недель, а восемь, пусть плавучесть хижины никто не испытывал, но последний тезис вне всяких сомнений. «Ра-2» держится молодцом, его погружение пока что не доставляет нам конкретных неудобств, эффект его — чисто отвлеченный, абстрактный, да, пожалуй, эмоциональный — мы весьма отчетливо помним последние дни «Ра-1»:

«24 июня. Состояние правого борта и палубы неважное. Папирус местами разъехался, очень сильно наклонена вправо кабина, ходить по палубе невозможно — только по борту».

«29 июня. Не вызывает сомнений, что мы погружаемся больше и больше, хотя и медленно: несомненно также, что мы не сможем затонуть, но что «Ра» будет затоплен по палубу — это точно».

«3 июля. Вода притягивает к себе «Ра». Она свободно переливается через правый борт и стоит на палубе озером».

«9 июля. Справа рвутся веревки, связывающие папирус, весь правый борт ходит ходуном и грозит оторваться от нас...»

А начиналось тоже с малого, едва заметного, — что-то где-то перекошилось, набухло, намокло, — нет, повторения этой истории мы не хотим. Лодка построена не идеально, лодка перестояла в порту, зря расходуя запас непотопляемости, — но поздно теперь об этом жалеть, и бранить, кроме себя, некого — нужно выпутываться, и чем раньше, тем лучше.

Собрался совет: капитан, провиантмейстер, кок, врач. Пролистали книгу, где учтены запасы нашего продовольствия, и приговорили к выбросу добрую треть.

Описание акции опускаю. Меня с детства учили беречь хлеб, ругали, если крошку ронял на пол, — а тут за «Ра» потянулся длиннющий шлейф, плыли норвежские, египетские, русские хлебцы, плыли рис и кофе, макароны и сухофрукты, —

Прости нас, Ивон!

Радовалась одна обезьяна. Мы наполовину завалили провиантом корзину, где она днем сидит, она никогда не видела такого изобилия и лопала все подряд без разбора.

Надо, кстати, рассказать, что едят на «Ра».

Самая краткая информация по этому вопросу выглядит так (высокоученый труд «Медицинские проблемы экспедиции «Ра», автор — Ю. Сенкевич):

«Был определен необходимый перечень продуктов с учетом их калорийности и полноценности. Некоторые трудности возникли в связи с тем, что руководитель не хотел использовать консервы и поэтому рацион был однообразен, что компенсировалось количеством. Никаких других проблем с продовольствием не возникло».

Очевидно, как к любому научному труду, к этим строкам необходим комментарий.

Почему «руководитель не хотел использовать консервы»? По-видимому потому: потому, что в меню древних широт и тушёнки не имелось — и, кроме того, немножко из-за недоверия к консервам вообще, учитывая жаркий климат.

— Мы будем есть овощи, — мечтательно говорил Тур, — будем есть свежую рыбу...

Овощи испортились моментально, так же как и омары, и яйца, и молоко в пакетах, — молоко-то можно было бы и употреблять, хотя бы в виде простокваши, но Тур выплеснул его, не дав как следует скиснуть.

А рыбы что-то до сих пор нет. Раньше мы ее и не ждали — шли между открытым океаном и шельфом, то есть как раз по меже двух рыбных пастбищ. Но теперь ведь мы в океане! Сегодня Жорж вновь повесил фонарь, пытался подстрелить корифену, но ничего не вышло, мелькнули две-три рыбки — и все.

Сантьяго присел на корме с удочкой. Вид у него блаженный.

— Все рыболовы чокнутые, — говорю в пространство.

Сантьяго молчит. Обдумывает отповедь подостойней.

— Рыболовы — лучшие люди на земле, — отзывается он наконец. — Рыболовы и антропологи.

— Держи, лучший человек, — всыпаю ему в ладонь таблетки.

Это — витамины, без них нельзя, пища идет в основном сушеная да крупяная.

Характерный диалог перед завтраком:

— Опять овсяная каша!

— Весь мир ест утром кашу.

— Так скоро лошадьми станем.

— Ничего, зато полезно.

Сейчас-то я к овсянке привык, а помню, в прошлом году од-

нажды опоздал к столу, все уже поели, только Тур доканчивал, и как я посмотрел, что в тарелке, — захотелось, не пробуя, сказать «спасибо». От Тура это, разумеется, не укрывлось.

— У вас едят овсянку?

Со вздохом:

— Едят.

— Тоже на завтрак?

— Угу. Только я ее не люблю.

— Почему?

— Жена закармливала меня этой кашей, с тех пор неприятное воспоминание.

— Воспоминания обычно все со временем становятся приятными.

— За исключением этого, — буркнул я и заработал ложкой...

В общем, бедные мы, бедные — но не слишком нас жалейте. Хоть и побросали кое-что за борт, хоть и кур в этом году не поели вволю из-за плохих примусов — в наших закромах съестного немало и не так уж однообразен наш рацион.

День начинается с посвистыванья — фи-фу-фа-фи-фу — это Карло поднялся раньше всех, погромел на камбузе кастрюлями и сигналит, что кушать подано. Он по доброй воле взял на себя поварские заботы, еще с прошлого плаванья, с начальных его дней. — незабываемо роскошным событием явился тогда первый на «Ра» горячий суп, рисовый, с томатами и курицей. Как мы его поглощали! Как славили Карло! Как, уже наевшись, не имели мужества отвалиться!

Карло — отличный кок, щедрый и изобретательный, и в то же время экономный, у него все идет в дело. Осталось со вчера немного курятины и немного ветчины — призывается присяжный дегустатор-нюхальщик Жорж, он обнюхивает и сортирует — кусок в море, кусок в котел, затем добавляются картошка, свекла, морковь плюс вода, наполовину морская, для экономии, все кипятится — и пожалуйста, готова похлебка, хорошая, наваристая, только картошка впитала запах моря и не совсем свежего мяса.

Есть на «Ра» и другие фирменные блюда. Например, фруктовый суп из концентратов. То есть он суп как суп, иными словами — компот, но вкус у него совершенно особый.

Случилось это, как сейчас помню, девятого июня прошлого года. Мне захотелось пить, я пошел к канистре, отлил из нее в стакан, хлебнул и поперхнулся: вода отдавала кислотой. Заглянул в канистру, а там — мутная желтоватая жидкость, в которой плавает невесть что. Я — к Карло:

— Откуда вода?!

— А из бурдюка. Плесни, кстати, в кастрюлю, пора ужин варить.

— Карло, никак нельзя, эта вода плохая!

— Почему плохая? Тур велел.

Я побежал к Туру и взволнованно стал объяснять. Он слушал и улыбался снисходительно.

— Это не грязь, а смола, ее использовали древние мореплаватели для консервации. А запах — ерунда, для супа вполне сойдет.

И, представьте, — сошло! Вечером мы с аппетитом уплетали фруктово-смоляную болтушку, просили добавить, и потом, много позже, когда где-нибудь в московской столовой мне приносили компот, приготовленный по строгим сухопутным правилам, чем-то он разочаровывал, чего-то важного в нем не хватало.

Карло ревнив; он строго следит, чтобы его кухонные prerogatives соблюдались и уважались, помощников на камбузе терпит лишь для черной работы и в то же время непрочь при случае шваркнуть — фигурально говоря — колпак оземь: «Справляйтесь как хотите, а я удаляюсь от дел!»

Иногда, впрочем он добровольно уступает фартук и поварешку. В прошлом году — четвертого июля, в День независимости США, — честь приготовления ленча была доверена Норману, и тот сотворил такую яичницу, что и сейчас я, бываю, прикидываю, застанет ли нас и нынче четвертое июля в море.

Норман стряпал с огромным удовольствием и старанием — сперва поджарил бекон, затем слил жир, затем слегка бекон подсушил, затем наконец бросил на сковородку яйца и священнодействовал еще минут пять, пока мы не принялись понукать Америку от имени всего остального мира.

Но главные переживания наступают, когда в кудмистерство включается Жорж.

Жорж — человек порыва и вдохновения, и никогда не знаешь, чего от него ждать. Какао, сыр, египетская икра — значит, Жорж был не в ударе, что от завтрака требовать — наелись и ладно. Но зато уж если его разберет — тогда начинаются чудеса. Возникают откуда-то пирожки с медом — это на «Ра»-то, посреди океана, на утлой палубе! — или солонина, пахнущая свежим горошком, с гарниром из горошка, пахнущего солониной, и все это побрызгано лимонным соком, назло канонам, вопреки рецептам, кулинарные мэтры переворачиваются в гробах, — а вкусно!

Типичное произведение Жоржа: рисовая каша с томатным соусом и лимоном, туда накрошено черного хлеба и всыпано невероятное количество перца. Попробуйте — только обязательно заешьте финиками и ломтем арбуза, а в случае чего — зовите, я как врач немедленно приду на помощь.

Или еще можно сделать так: выпить, извините, водки, закутить картошкой, тут же перейти к шоколадному пудингу, а потом

вернуться к картошке. Данным образом мы в прошлом году отметили пройденные тысячу сто миль, а наутро весь экипаж во главе с капитаном коллективно проспал!

...Кончается обед, за столом — Тур, Норман, я. «Все, — говорю. — Хаваит. Достаточно». Тур смеется: «Ну и русский», — и продолжает уплетать курицу. Норман держится еще чуть-чуть и тоже сдается. Тур в одиночестве закрепляет победу, со всех сторон сыплются шутки: «Бедная Ивон, нелегко его прокормить». Тур невозмутим. В Таблице Уровня Аппетита, составленной Жоржем, у него коэффициент 95. У Нормана по той же таблице — 87, у меня — 73 (цифра, как мне кажется, несколько заниженная) — и так далее, по убывающей.

Забыли мы только у Жоржа спросить, чей уровень он принял за 100.

...С носа долетает дразнящий запах, темнеет, притомились мы слегка за день. Карло и Сантьяго долго варили солонину в воде из бурдюка, обжарили ее с чечевицей, получилось довольно неплохо.

— Это пища древних моряков, — растроганно вздыхает Тур. — Все великие географические открытия сделаны на солонине. Недурно бы к ней русских сухариков!

Тур помнит их вкус еще со времен войны, когда ему — младшему офицеру британских вооруженных сил — пришлось быть в Мурманске. Он не знал ни слова по-русски, ему посоветовали: «Вы им просто улыбайтесь!» На следующий день Тур, иззябший, голодный, стоял на палубе советского торпедного катера. Угрюмый сопровождающий поглядывал на иностранца с недоверием, и тогда Тур улыбнулся широко, как мог. Русский в ответ улыбнулся еще шире, взял Тура за руку, потащил в кубрик и угостил сухарем, разломив его пополам.

По специальному заказу Тура я захватил с собой из Москвы 50 (!) килограммов сухарей, они были наряду с медикаментами основным моим багажом.

Итак, появляются сухарики и солонина, начинаем жевать. Мясо слегка напоминает резину. «Да, — соглашается Тур, — его надо варить и варить! Тогда будет суп, а не...»

Раздается подозрительный хруст, и Тур выплевывает на ладонь обломок зуба!

Нет, это не зуб, а пластмассовая полужоронка, отвалилась, не выдержала сухаря.

— Вот, пожалуйста, — социалистический хлеб, — язвит Сантьяго.

— Не хлеб социалистический, а зуб капиталистический!

Тур хохочет. Он запомнит эту реплику, запишет ее в блокнот

и использует в своей будущей книге как пример самой острой политической дискуссии на борту «Ра-1».

А дискуссии, молниеносные и, как правило, шуточные, нет-нет и возникают. Никто вроде бы не старается «обострять», на шпаги надеты каучуковые шарики, но шариком тоже можно ударить чувствительно. Вот Норман рассказывает Абдулле про Америку, Сантьяго толкает меня локтем: «Скажи, скажи ему, что в Америке негров вешают!» Норман краснеет, надувается и пускается в подробнейшие, явно уже не для Абдуллы, а для нас, рассуждения по поводу расовых проблем. Или — в другой раз — тот же Сантьяго начинает шуточки насчет культа личности, а я в ответ стараюсь уколоть его — испанца — по линии Франко.

Все это — в прошлом году, нынче намеков меньше, если уж начинаем говорить на эти темы, то серьезнее.

Жорж (мне): Вы несвободная страна, вы не можете поехать за границу, когда хотите.

Я: А какую страну ты можешь назвать свободной? Марокко?

Он: Да, каждый марокканец может выехать, если захочет.

Я: Вернее, если сможет?

Он: Да, если есть деньги.

— А где он их возьмет?

— Это уж его дело.

— А ты знаешь, что марокканцы даже внутри страны не могут передвигаться без специального разрешения?

— ?!

Жорж смущен. Призывается в арбитры Тур:

— Юрий прав. Однако предлагаю России и Африке мирное сотрудничество. Не заняться ли вам снопиками?

Это ужасно нудная и неблагодарная работа. Снопика из-под гуар, те самые, набухшие, грузные, с трудом вытасканные на борт, требуется развязать и разобрать по стебельку. И счистить с каждого стебелька вазелин, с тем чтобы использовать его повторно. У нас не осталось вазелина, а нужно смазывать пазы, в которых ходят весла; дерево отсырело, весла поворачиваются туго, и после двух часов вахты рук не чувствуешь, сжать кулаки невозможно, ладони в твердых мозолях — «вроде обезьянней задницы», шутит Жорж.

Покончили со снопиками — взялись за кувшины. Переместили половину их с правого борта на левый, привязали накрепко — пока возились, и вечер подошел.

Между прочим, я попробовал провести психологическое обследование нашего сна. Предложил вопросник Туру и Норману, они отнесли к ответам на него с невероятной серьезностью. Особенно много хлопот им доставил вопрос о содержании сновидений,

оба не могли их вспомнить, жаловались, что часто просыпаются, так как стараются не забыть, что снилось.

А спим мы вообще не очень хорошо. Хижина маленькая, тесно, порой душно. И у каждого свои заботы и хлопоты с постелью; меня они так допекли, что я отчаялся, плюнул и оставил все как есть.

Если помните, мое место — в правом переднем углу, между Жоржем и стенкой хижины. Стенка прогнулась, матрац сполз в щель, образовался горб, с которого я сваливаюсь то влево — и тогда Жорж пихает меня обратно, — то вправо, вплотную к стенке, а в нее бьют волны и ощущаешь океан непосредственно спиной.

В прошлом году я спал там же и тоже скатывался, ибо «Ра» имел правый крен, а Санги, спавший рядом, стремился меня догнать. Однажды он предложил лечь иначе, не вдоль кабины, а поперек, но вышло не лучше. Я попробовал подсунуть под матрац обломок весла, возился долго и опять ничего не добился.

Ночь для меня всегда наступает внезапно и застает врасплох, потому что забываю заранее подготовить свою постель — очистить ее от всякого барахла, брошенного за день: рубашка, фотокамера, записная книжка и прочее, все это валяется как попало. Включаю фонарик и рассовываю вещи — частью в плетенку на стене, частью по настенным крючкам. Стряхиваю крошки со спального мешка — из-за жары я сплю не в нем, а на нем, и поэтому он перевернут ничком, чтобы не мешала «молния». Одеяло — здоровенное полотенце — провалилось, разумеется, между ящиком и стенкой, вытаскиваю его. Ложе готово. Теперь надо выглянуть наружу, проверить, надежно ли висят у входа джинсы, рубашка, носки, свитер, кожаная куртка. Я их оставляю вне кабины, потому что одеваться в темноте да еще спросонья очень неудобно.

Теперь — спать. А спать не хочется, сейчас всего десять вечера, а в четыре утра мне на вахту. Снотворное, что ли, принять? Жорж и Сантьяго клянчат его постоянно, я тоже порой к нему прибегаю, но тогда совсем уж трудно подниматься, перетерплю.

Ворочаюсь, кручусь, мысли, явно не подходящие и уж во всяком случае не своевременные, лезут в голову.

Только что, кажется, закрыл глаза — и слышу голос Тура, он зовет с мостика. Значит, пора.

— Да, да, — отвечаю спросонок по-русски, — иду.

Пробираюсь между телами спящих, по диагонали, нацеливаясь на свободное место Тура. Бух! Я на его постели. Теперь можно оглядеться.

Ноги, одни ноги вокруг!

Ноги спящего, на мой взгляд, так же много говорят о характере человека, как лицо и руки. Вот Норман — он несет свои ноги упорядоченно, параллельно одна другой; ноги Сантьяго перепле-

тены и завиты в сложный клубок, так же как и его мысли и чувства. Ноги Жоржа, рубахи-парня, открыты и развернуты. Карло, кажется, и во сне карабкается по горам, опираясь в основном на левую, так как правая у него когда-то была сломана и плохо сгибается в голеностопе.

Да, многое могут сказать ноги спящего, жаль, раньше не обращал на это внимания, ведь и ноги спящей женщины тоже могут о чем-нибудь сказать...

На четвереньках лезу к выходу, освещаю фонариком — ну конечно, одежда свалилась, где носки? Вот носки, теперь рубашка, далее самое трудное, джинсы, они заскорузли, набухли, влезаю в них, как, вероятно, влезали в лосины гусары. Свитер (опять забыл вывернуть его накануне), кожаная куртка, шапочка. Здесь ли трубка и табак? Табак со мной, а трубку — она у нас на двоих — должен был оставить над входом в хижину Карло. Теперь еще эту тетрадь в полиэтиленовом переплете достать с подвесной полочки...

Вроде готов; нет, забыл помазать нос кремом. Нос мой — враг мой, беда моя, всегда облезает.

Лодку швыряет из стороны в сторону, равновесие держать трудно — в одной руке фонарик, в другой — тетрадка, — берегусь всячески и все же наступаю на прощанье на Карло, он, не просыпаясь, что-то бормочет, ругается, вероятно. Забыл страховочный конец, ишу. Это занимает еще минуту, а Тур стоит на мостике, ждет; пока я не поднимусь, он не уйдет оттуда. Страшно неловко. Мне еще надо попить, а также наоборот, иду спотыкаясь сперва на камбуз, отыскиваю свою сумку с посудой, достаю флагу, пью. Затем путешествую на корму. И наконец забираюсь на мостик. Пятнадцать минут просрочил! Но что делать, иначе не могу, я ведь потому и просил будить меня пораньше, с запасом.

Тур не сердится, говорит, как обычно:

— Будь внимателен и осторожен. Страховку не забыл? Старайся держать вест-норд-вест. Заметишь что-нибудь интересное — запиши в блокнот.

— Хорошо, доброй ночи!

Остаюсь в компании с рукоятью рулевого весла и светящейся картушкой компаса — ее выпуклый прозрачный глаз вращается из стороны в сторону и все время старается отвернуться. Начинается наш двухчасовой поединок: я сражаюсь веслом, а в союзниках у компаса — ветер и океан.

Чуть-чуть зевнул, и картушка уже стремительно скользит влево, и я напрягаюсь, поднимаю рукоять, натягиваю веревку, в петле которой она скользит, и замираю в ожидании — пересилил или нет. Глаз по-прежнему косит влево, но вот он пошел обратно, медленно-медленно, а потом все быстрее — тут главное его опере-

дить. Распускаю петли на веревке и толкаю рукоять. Опередил, очень хорошо. Стрелка застывает на цифре «305» и вновь начинает колебаться — туда, сюда, куда? Ага, вправо — еще слегка рукоять вниз, нет, теперь «Ра» пошел влево! Скорее вверх!

Временами компас обманывает, успокаивает, и вот уже в его прозрачном лутре видны какие-то не идущие к делу картинки, кто-то там улыбается, подмигивает, являются мысли о смуглой и бархатистой, пахнущей морем женской коже и мягких губах... Трах! Хлопок-выстрел огромного паруса! Скорее-скорее, пока корабль не пересек мертвую точку, после которой развернуть его возможно только авралом! Рукоять выворачиваю до отказа, хватаюсь за шкот, тяну к себе, а он рвется, хочет сбросить с мостика за борт, упрямый, своенравная тварь! Вот, кажется, натяжение ослабло, гляжу на компас — пополз вправо, слава богу, обошлось, и скоро уже будить Жоржа. Закуриваю, и опять хлопок, и все вышеописанное происходит сначала.

Ночь неприятная, ветер порывистый, сильный, и его направление не совпадает с движением волн, получаются «пожницы», они нас растаскивают, сбивают с курса и с толку.

Иногда уйти с вахты еще сложнее, чем заступить на нее. Помню, в прошлом году была у меня одна такая ночь: она сама по себе далась нелегко, парус полоскал, весло выпадало из крепления, — и вот я отстоял свое и, взмокший, измотанный, отправился было будить Карло, но заметил, что ходовые огни не горят. Пришлось лезть на мачту, отвязывать фонарь — зажечь его наверху невозможно, ветер гасит свичку, — спустился и увидел, что выгорел керосин, значит, нужно заправить. Заправил, полез снова, прикрепил, потом пошел проверять другой, на мостике. Там — та же история. Наконец все сделал, записал показание компаса и растолкал Карло — к его радости, оказалось, что за всеми этими занятиями я простоял лишний час.

Но, пожалуй, самая тяжелая вахта выпала мне на долю в конце плавания на «Ра-1», после аврала, о котором еще расскажу. Не было в ту ночь ни ветра, ни волн, но было безумное желание спать, я засыпал стоя, засыпал сидя, все с себя сбросил, остался в трусах, пошел на нос, благо не требовалось следить за компасом, и там, на холодке, чуть-чуть пришел в себя. Попил воды, поел чернослива, оставшегося от ужина, присел у входа в хижину на бухту каната, специально, чтобы понеудобнее, и так дремал, засыпал и просыпался каждую минуту. Ровно в два ночи разбудил Абдуллу и, не дожидаясь, вопреки порядку, пока он вылезет из хижины, пробрался на свое место и рухнул.

...А вообще я люблю стоять на вахте. Эта работа доставляет мне удовольствие.

Первые минуты чувствуешь себя не очень уверенно, а потом

словно срастаешься с кораблем, мостиком, веслами, оксаном и ветром. Только вот рукоять весла — иногда она движется свободно, как по маслу, но чаще ее приходится толкать или тянуть с усилием, в песколько приемов. Вазелин мало помог.

Здесь, на мостике, головой тоже нужно работать, не только руками. Позавчера мы стояли вдвоем с Сантьяго, я — на правом весле, Сантьяго на левом. Когда стрелка компаса подходила к критическому румбу, я говорил: «Давай!» — и Сантьяго подключался. И вдруг нас осенило: а что если держать левое весло не в нейтральной позиции, а в активной, «на поворот»? Оно будет тогда противостоять рысканью лодки заранее.

Закрепили весло в новом положении — и поняли, что совершили величайшее открытие. Больше мы не имели хлопот. Вахта прошла спокойно.

Сегодня опять не порулишь в одипочку. Погода испортилась еще с вечера, а ночью, проснувшись, я испытал самый настоящий, банальный страх. Даже в хижине чувствовалось, с какой необычайной скоростью мы летим. Океан ревел, корабль бросало, в дверном просвете появлялись и исчезали огромные пенные гребни... Холодок стал карабкаться по позвоночнику. Но тут я услышал голос Сантьяго, он звал меня на вахту, и бояться уже времени не было, надо было работать.

Такого шторма я еще не видывал! Не менее семи баллов. Волны высотой с трехэтажный дом шли бесконечной размеренной чередой, когда мы забирались на их гребень, казалось, что разверзается бездна. Сантьяго на этот раз не дал мне правое весло, видимо, решив самоутвердиться, и я два часа простоял «на стреме», изредка помогая.

Мы неслись как на крыльях; к сожалению, прямой курс держать было невозможно, амплитуда зигзагов достигала сорока градусов, а то, пожалуй, еще две-три такие ночи, и мы пролетели бы половину пути.

К утру ветер немного стих и океан поуспокоился. Я помылся после вахты и, проходя мимо мостика, заглянул под него — там сейчас почти ничего нет, все оттуда выброшено или перемещено, остался только подвесной моторчик, да ящик со столярным инструментом, да четыре канистры с водой. Мне показалось странным, что канистры разбросаны, я проверил одну — пусто! — другую, третью, четвертую — везде пустота!

Вот это уже совсем непредвиденное осложнение.

Начиная с этой страницы, вода все чаще будет упоминаться в моем повествовании. Есть смысл о ней поговорить.

Помню, как нервничал я в самые первые дни свои в Сафи. Корабль уже в пути, его везут из Каира; в порту Сафи найдена тихая заводь с баржей-понтоном, возле которой «Ра» будет намо-

кать; Ивон, Жорж, Карло свозят понемногу к понтону продовольствие; час отплытия не за горами, а воды нет! Ни капли из полутора тонн, которые решено с собой захватить! А я за них ответственный!

Мне чудилось, что кое-кто уже поглядывает на меня с сомнением: вот так русский врач, не поторопился ли Хейердал заключить с ним контракт?

А что я мог сделать?

В Сафи водопровод так называемого полузакрытого типа, вода из артезианских колодцев течет в город по террасам, и анализы вновь и вновь подтверждали, что такую воду вряд ли безопасно брать с собой в океан. Храниться-то ей не меньше двух месяцев!

Я держал контакт с городской санэпидемиологической станцией, мне предлагали источник за источником, которые приходилось браковать один за другим, — пока наконец на сцене не появился месье Шанель.

Кто порекомендовал к нему обратиться, сейчас подзабылось, но встреча с месье Шанелем оставила в памяти весьма приятный след.

Мы приехали к нему на ферму, он привел нас к своему роднику, достал из сейфа бумаги столетней давности, с подписями всевозможных английских лордов, французских миллионеров, американских генералов — все они когда-то имели случай испить воды из родника месье Шанеля — видимо, Шанеля-отца и Шанеля-дедушки, поскольку нынешнего еще на свете не было, — и все не пожалели в адрес родника благодарственных слов.

На вкус вода была превосходна, бактериологические пробы не разочаровали, и к длинному списку клиентов месье Шанеля прибавилось имя Тура.

Мы брали воду в глиняные амфоры здешнего же производства — город Сафи, кроме своих сардин, славится и керамическими изделиями. Добавляли специальный консервант. Забывали круглой пробкой и заливали сверху гипсом.

Часть воды налили в бурдюки. Тут над консервацией хлопотал Тур, он, если помните, использовал рецепты древних и обеспечил тем самым пикантный привкус нашему фруктовому супу.

А около пятисот литров мы решили хранить в пластиковых канистрах, в качестве неприкосновенного запаса, — и припрятали их подальше от бдительного ока репортеров, дабы не скомпрометировать идею «Ра».

Воды было много. Ее пили без нормы, в ней варили, она просачивалась сквозь гипсовые пробки — кстати, пробки эти надежд не оправдали, слишком они гигроскопичны, и в теперешнем плавании мы поменяли гипс на парафин — несколько амфор мы по-

просту выбросили в трудные штормовые минуты, — и все равно, повторяю, воды было много.

Мы даже некоторое время не протестовали, когда Абдулла использовал пресную воду для своих ритуальных омовений, хотя это уже было излишней роскошью.

Вероятно, воспоминания о царившем на «Ра-1» водном изобилии несколько вскружили нам голову: планируя загрузку «Ра-2», мы уменьшили наши питьевые запасы. К чему везти лишний балласт? Опыт показывает: два литра в день на человека — вполне достаточно!

Более того — освобождаясь от излишков продовольствия, мы заодно избавились и от трех кувшинов с водой, от целых трех! — и это произошло позавчера, а сейчас я гляжу на пустые канистры, на выбитые пробки и подсчитываю: за сутки потеряно сто восемьдесят литров, это наш двенадцатидневный рацион!

Трагедии нет, но с сегодняшнего дня переходим на экономный водный режим.

Настроение тем не менее хорошее, команда у нас отличная, и новички великолепно вписались, особенно Кей, всегда спокойный, очень вежливый — он с утра до вечера трудится, как правило, вместе с Карло. Они души друг в друге не чают, кличут один другого «маэстро», —

Вот Кей вернулся с вахты. Тур спрашивает:

— Ну как, трудно было?

— Нет, Тур, не трудно.

— Но временами трудно?

— Да, временами очень!

У Кея сейчас большие заботы. Вчера или позавчера Тур обмолвился, что до сих пор никто не удосужился снять для фильма плавающих вокруг «Ра» акул. Исполнительный Кей принял это замечание близко к сердцу, соорудил себе на мачте площадку и просиживает на ней часами, караулит с камерой наготове. И как нарочно — пока Кей на мачте, акул нет, только он спустится перекусить — пожалуйте, вот они.

...А нос нашего корабля продолжает между тем оседать.

Сегодня 28 мая, двенадцатый день пути. Последние два дня то и дело видишь: прошествовали на носовую палубу то Жорж с Сантьяго, то Сантьяго с Норманом, встали, огляделись, о чем говорят — не слышно, да и так ясно, о чем.

Тур настроен оптимистически: строители лодки обещали, что «Ра-2» будет плавать не меньше полугода. Однако ведь индейцы не имели представления ни об океанских волнах, ни о количестве груза — не так ли, Тур?

Он упрямо пожимает плечами. До чего спокоен — прямо зависть берет!

Что ж, пускай мы люди пугливые, пусть мы паникеры — мы решили, что с носом надо что-то предпринимать, и собрались прежде всего убрать с носовой палубы все лишнее — деревянный настил, клетку (в ней раньше жили куры), которая служит нам столом, и так далее. Я пошел за санкцией к Туру. Тур внимательно выслушал.

— А как мы будем есть?

Я оторопел.

— Как мы будем есть? — повторил Тур. — Я не хочу держать тарелку на коленях.

— Главное все-таки доплыть до Барбадоса.

— Верно, но я не хочу устраивать на корабле свинарник. Свинский образ жизни скажется на моральном духе экипажа.

— Для меня главное доплыть, — вмешался Жорж, — а уж как я доплыву, неважно, — королем или свиньей.

Тур покосился на меня, не нашел во мне сочувствия и вздохнул:

— Хорошо. Согласен, что нос надо по возможности открыть, пусть подсыхает, да и легче он станет. Действуйте.

Мы с Жоржем взялись за дело, Тур через полчаса принялся помогать. Мы уже вытащили клетку из пазов и понемногу ее разрушали, но Тур остановил нас:

— Если оставить только решетку, которая почти ничего не весит, из нее можно соорудить неплохой стол.

— Что?! Стол?!

Мы ведь забыли и думать о столе, считали, что стола не будет, что вполне сможем обходиться двумя скамейками и есть в две смены, четыре человека и четыре, нельзя же, чтоб на носу было одновременно много народу, это лишний вес, сегодня он незаметен, а завтра скажется.

— Повторю, надо думать и о моральной стороне дела, — сказал Тур, глаза его сузились. Я разозлился и ушел.

У входа в хижину прохладился Сантьяго, тоже оппозиционно настроенный: я подсел к нему, и мы минут десять судачили насчет Тура, его упрямства и воркотни, и сошлись на том, что в этом году все на лодке как-то не так, как прежде, что-то в нас изменилось.

Тут я подумал, что прежде всего я сам изменился, разве стал бы я в прошлом плаваньи чесать язык, пока товарищи работают? Поймав себя на этом, я прервал беседу и ушел в кабину, наводить порядок в своем докторском хозяйстве.

Тур был мрачен до вечера. Он о чем-то долго разговаривал с Карло, и тот, кажется, подбавил масла в огонь. Обстановка становилась нервной.

Ночью, стоя на мостике, я даже испытывал облегчение, не смотря на качку и возню с веслом: наконец-то не нужно дипломатничать и строить круглые фразы на чужом языке.

По данным Нормана, мы за вчерашний день прошли восемьдесят одну милю, это, видимо, для «Ра» потолок, выжать ббольшую скорость вряд ли удастся.

Утро было хмурым, хмурым было и настроение. Тур сосредоточен, глаза холодные. Завтракали молча. После завтрака капитан объявил, чтоб не расходились, — будет большая беседа.

Начал он, как всегда, издалека, с конструктивных особенностей «Ра-1», с достоинств его и недостатков, затем завел речь о корабле нынешнем и вкратце повторил все, что мы и сами знали: катамаранная конструкция, часть панируса обработана с торцов битумом, нос и корма загнуты вверх.

— «Ра-2» — не плот, а настоящее морское судно, имеющее кривизну по длиннику и поперечнику. Стало быть, качка и заплескивание палубы нормальны и неизбежны. Но из этого отнюдь не следует, что нас зальет по мостик. Я понимаю ваше беспокойство, но помните: «Ра-2» — не «Ра-1»! Неужели вы считаете, что я меньше вас хочу дойти до Барбадоса?

Он высказывался обстоятельно, по пунктам, и сообщал общеизвестные сведения, но странное дело, мы слушали с возрастающим вниманием, и напряжение начинало спадать: великая сила — убежденность!

— Да, нам нужно многое сделать на корабле, — формулировал Тур, — по не совсем в той плоскости, какую вы имеете в виду. Нам нужен порядок. Я не раз говорил об этом еще в прошлом плаваньи. Грязь и неопрятность нетерпимы. Нетерпима халатность. Нельзя, чтобы на палубе валялись окурки и спички. Нельзя нести вахту, не привязавшись. И лужно более четко распределить обязанности. Думаю, что лучше всего сделать так. Карло отвечает за приготовление пищи, состояние такелажа, за фотодело и киносъемки. Кей — кино, помогает Карло, плотничает. Жорж — подводные дела плюс уборка кухни и уход за животными. Сантьяго — состояние продовольствия и воды, их сохранность. Мадапи — загрязненность океана и все фонари на лодке. Юрий — спасательные жилеты, круг, плавучие якоря, ну, и, конечно, здоровье команды. Норман — навигация, радиосвязь.

Кроме того, нужно определить порядок дневных вахт. Ночью у нас очередность строгая, а днем получается обезличка, мы привыкли думать, что днем опасности меньше, а это не так. Тут я жду ваших советов и предложений. И еще: давайте твердо назначим время завтрака. Безобразие, Карло встает раньше всех, готовит, а потом ждет, пока мы соизволим проснуться.

Дискутировать было не о чем. Приняли: подъем — в семь утра, завтрак — в восемь. Дневную вахту стоят все без исключения по часу, итого восемь часов, оставшиеся четыре часа светлого времени делают между собой те, кто окажется меньше занят.

Решили также, что утро будем начинать с «планерки», определять объем предстоящих работ и договариваться, кто кому помогает.

Тем и кончилось совещание, и расходились мы совсем в ином настроении, чем когда собирались. Как-то полегчало на душе, и твердость Тура не раздражала уже, а радовала, — вероятно, так радуется солдат, получивший четкий и понятный приказ, да еще если он сам в выработке параграфов этого приказа участвовал.

Норман вышел на связь, говорил с Норвегией и Штатами, а также и с Ленинградом! Ленинград попросил его дать мне микрофон, но делать этого было нельзя, и вот почему. В прошлом году мы беседовали по радио с кем хотели и сколько хотели, и вдруг Ассоциация радиолюбителей — уже после конца путешествия — послала Туру сварливый меморандум, в коем экипаж «Ра» обвиняли в нарушении правил любительской радиосвязи. Можно говорить с корреспондентом о специальных, профессиональных вещах, о слышимости, о системе аппаратуры, но передавать информацию типа писем, телеграмм, посланий запрещено. И Тур, и Норман знали это, но надеялись, что к нам будут снисходительны, выкрутимся как-нибудь. Не вышло! И перед вторым отплытием нашему радисту пришлось поломать голову, как быть, ведь любительский канал — единственный доступный нам, и если им практически нельзя пользоваться, рация на «Ра» должна включаться только разве для «SOS».

После некоторого числа просьб, отказов и новых просьб решение было найдено. Норвежский коротковолновик Крис Бокели получил от Ассоциации право принимать от нас любую информацию — но на основе обычных телеграфных пересылок. То есть Крис принимает, регистрирует, отправляет на почту, почта предъявляет счет ему, а он, соответственно, — нам; иначе говоря, за каждое слово нужно платить.

Итак, день прошел хорошо, после ужина все уселись на завашике и поболтали о том, о сем, а Карло от благодушного расположения даже помузицировал — все на той же губной гармонике.

Следующее утро было столь же благодушным, мы подчеркнуто вовремя, ровно в семь, были на ногах, после завтрака опять же подчеркнуто немногословно обсудили программу и, пожалуй, даже кокетничая немножко своей Отныне-Организованностью, принялись за дела.

Я мастерил из дерева крюк, на котором должен висеть якорь. Тур сочинял подписи к иллюстрациям для своей книги: он не

успел покончить с этим в Сафи, а издатель торопит, вчера Ивон жаловалась по радио.

Организованно потрудились, организованно явились на ленч, после ленча столь же организованно соснули часок. Потом по плану Туру и Жоржу предстояло осмотреть корабль под водой, а мне — на мостик, на вахту. Постоял я, постоял, ветра почти нет, океан гладкий, как пруд, на носу — брызги, гогот, веселье — тут и приказала долго жить вся моя организованность. И не только моя: за мной нырнул Сантьяго, за Сантьяго — Норман, и пошло поголовное купанье, включая Синдбада-Морехода, мы о нем тоже не забыли и пустили его поплавать, правда, он этому не очень обрадовался и хотя плавал, естественно, как утка, но дрожал после ванны, как мокрая курица.

Посчитали за ужином, какой завтра день, вышло, что завтра — 31 мая, воскресенье, — и постановили отдыхать вовсю, благо солнечно и очень тепло, — так что и писать об этом дне нечего, миновал в безделье и хозяйственных хлопотах — помыться-побриться-одежду-постирать.

А в понедельник ветер стал немного сильнее.

Если уклониться к югу, он будет еще крепче, и течение там мощнее, там центр его, стрежень, а мы пока что идем по краешку. Сказано — сделано, изменили курс и правим отныне примерно на 245°.

«Ра» идет довольно быстро, в среднем пятьдесят три мили в сутки. Но всего за 16 дней мы прошли гораздо меньше, чем за столько же в прошлом году. Очень досадно, но факт: девять дней из шестнадцати были штилевыми.

Сейчас мы находимся вдали от берега и от оживленных паромных линий, а до того океан кишел судами. Ночью их было временами даже слишком много, некоторые проходили так близко, что возникала реальная угроза столкновения. Я об этом уже писал: мы вывешивали ходовые огни на мостике и на топе мачты. Кроме того, у нас есть личные электрофонарики с достаточно сильным светом. Когда корабль приближается, мы светим либо ему в рубку, либо бегаем лучом по нашему парусу, как по экрану.

Холодный душ, вылитый на нас Туром, был благотворен: мы уже не ахаем и не тщимся измерять, на сколько миллиметров мы притонули с завтрака до обеда. Что ж, мы безусловно погружаемся, папирус пропитывается водой, однако на наш век плавучести, видимо, хватит, а «после нас хоть потоп».

Кое-что мы починили и поправили: подтянули капаты, фиксирующие изгиб носа и кормы, укрепили мостик. Кей усовершенствовал леера, Карло подремонтировал расшатавшиеся уключины.

Карло мрачен последние дни, гложет его что-то.

Вчера или позавчера, увидев меня с фотоаппаратом, он заинтересовался, для кого я снимаю. Я ответил: «Для себя и для Тура, а что?» Он сердито отошел и долго-долго говорил с Туром по-итальянски. Его, как выяснилось, волновало, что все члены экипажа фотографируют для себя, а он — для экспедиции. Но неужели он, профессионал, боится, что я, неумеха дилетант, составлю ему конкуренцию?

Сегодня он поссорился с Сантьяго, ушел на мостик стоять вахту, и готовил за него Жорж.

Иногда я думаю: в случае если бы в состав экспедиции мог быть включен или Жорж, или Карло, кого бы я, будь моя воля, взял с собой?

Карло — великолепный парень, и Жорж — великолепный парень. Карло трудолюбив необычайно, работает, без сомнения, больше всех на «Ра» — Жорж особенно хорош там, где можно показать себя и совершить чудеса героизма, но от будничных обязанностей не прочь отвертеться. Карло всегда гордо отклоняет помощь — Жорж радостно ее принимает. Карло ревнует к чужой занятости, он словно боится, что сосед наработает на мизинец больше, — Жорж счастлив, если ему покажется, что он соседа перехитрил.

Карло — серьезный труженик, Жорж — развеселый балагур. Но кого из двоих я все же взял бы на «Ра»?

Не знаю. Трудный выбор, и хорошо, что мне не придется его делать. Я люблю Карло Маури за то, что он такой крепкий человек, и люблю Жоржа Сориаля за то, что он такой беспечный и неорганизованный человек. Для экспедиции, мне кажется, равно нужен и Карло с его непримиримостью, с его целевым и надежным характером, и Жорж, который может развлечь в любой момент, поможет шуткой и сгладит острые углы, а желающему всегда предоставит богатую почву для нравочений и критики — есть на ком отвести душу.

Пишу это, а мимо проходит Карло, опять на корму, к своим драгоценным веревкам. Заглянул в мою тетрадку:

— Строчишь? Ну-ну, давай.

— А что?

— А вот я не могу.

— Почему?

— Не та обстановка, слишком трудно, опасно, много работы...

Работу он порой себе придумывает не совсем удачно. Поднял ящики в хижине, вытащил из-под них кувшины, канистры и прочее, и ничем пустое место не заполнил. А это плохо, ведь накатил волна — и корабль в момент примет несколько тонн воды, которая, безусловно, тут же уйдет, но пока вода будет уходить, «Ра»

успеет чуть-чуть погрузиться; я сказал об этом, а Карло опять рассердился.

Какая муха его кусает?

Идем хорошо, курс держим безупречно, по прямой линии к Барбадосу. Кстати, еще не решено, куда попадем, какой пункт будет конечным, — я бы предпочел как раз не Барбадос, а Тринидад — но посмотрим, пока что и то, и другое для нас — шкура неубитого медведя. Однако, как бы то ни было, сегодня — 5 июня 1970 года, двадцать дней мы в океане — и хоть бы что.

Нет, не хоть бы что. Прошлой ночью Тур был разбужен странными звуками, кто-то во сне дико кричал, — «воплъ ужаса», выразился Тур.

Что-то происходит — не с кораблем, не с маршрутом, — с нами...

РАССУЖДЕНИЕ ТРЕТЬЕ

**касающееся эксперимента психологического,
участниками которого все мы
вольны или невольны являемся**

Однажды вечером — это было еще на «Ра-1» — я сидел, глядел на луну и курил. Тур спросил: «Хочешь поговорить с Лунной?» Я усмехнулся. «Нет, серьезно, мы сможем это сделать, когда экипаж «Аполлона» там высадится». И он рассказал, что радиовещание США предложило устроить этот рекламный сеанс, нечто вроде сенсации века: допотопная лодка и современная космическая техника на одной веревочке.

Сеанс не состоялся, но веревочка и вправду одна.

Есть у «Ра» с космолетом общее: там и здесь — безбрежное пространство, и крошечный островок посреди него, и люди, которым надлежит на островке длительное время плечом к плечу жить и работать.

Выражение «плечом к плечу» в этих обстоятельствах имеет заведомо буквальный смысл. И звучит оно порой не так мажорно, как ожидалось бы.

Представим себе лучший, какой только можно выдумать, вариант: в межпланетное путешествие отправляется экипаж, состоящий сплошь из великолепных, идеальных парней, — есть ли гарантия, что им не станет в полете трудно друг с другом?

Нет такой гарантии.

Человек — не серийный робот. В самом прекрасном характере имеются зазубринки, которые очаровательны именно своей неповторимостью. В обычных условиях им можно только радоваться, но вот условия стали крайними, как принято говорить, экстремальными — трудно, опасно, тесно, тоскливо, — и зазубринки принимаются цепляться одна за другую, и механизм общения начинает заедать.

Здесь важна еще — продолжая аналогию — степень прижимного усилия. Отшлифованные диски превосходно скользят друг по другу, пока их не сдавишь сильней допустимого, — это наблюдал всякий, кто, например, лазил с отверткой в магнитофон. Человеческие отношения, пусть и предельно близкие, всегда предполагают дистанцию: она может быть микроскопически малой, вроде как между льдом и коньком или даже как между бритвенными лезвиями, плашмя сложенными в стопку, то есть будто бы и не ощущаемой, — но нам лишь кажется, что ее нет. И вдруг

она вправду исчезает, наступает сверхсжатое состояние, — в каюте не уединишься, не спрячешься, ты весь на виду, постоянно на людях, в контакте с ними, хочешь того или не хочешь, —

А если к тому же у тебя обыкновенный, отнюдь не идеальный характер, да и у твоих товарищей тоже?..

В зарубежных фантастических романах модно описывать будни разобщенных, озлобившихся астролетчиков, в вынужденном содружестве — или «совражестве»? — мчащихся к неоткрытой звезде. Вряд ли стоит попадать в плен столь мрачных прогнозов. Но тем не менее проблема психологической совместимости существует, никуда от нее не денешься.

На практике люди знакомы с ней издавна. Она вставала в грозной своей прямоте перед поморами, зимовавшими на Груманте, перед моряками «Святого Фоки», перед исследователями Арктики и Антарктики. С ней сталкивались — и сталкиваются — работники высокогорных метеостанций, геологи, экипажи подводных лодок — все те, кто обязан исполнять свой долг в отрыве от повседневного мира.

А предметом научного изучения совместимость стала всего с десятков лет назад. И понятен энтузиазм моих друзей-психологов, проважавших меня на «Ра-1»: семь человек, папирусное судно и океан — вот это эксперимент, не было еще такого!

Словно по заказу тех же психологов, обстоятельства позаботились о том, чтобы эксперимент усложнился дополнительно. Не просто семеро, а семеро, оказавшихся вместе случайно, — сейчас попробую это объяснить.

В Республике Чад строится пробная папирусная лодка. Мастерят ее два брата, африканцы племени будума, Омар и Муса. Братья не знают ни одного из европейских языков, и потому общаться с ними Хейердалу затруднительно, — а тут же вьется их соплеменник, безработный плотник, он говорит по-французски, и когда мастерам настает пора ехать в Египет, Хейердал приглашает не двоих, а троих. Ни о каком плавании для плотника речи нет, плыть с нами должен Омар, «прораб», — но вскоре выясняется, что Омар болен, и веселый смысленный переводчик занимает его место. Так в экипаже «Ра-1» появляется Абдулла Джибрин.

Строительство «Ра» продолжается; среди многих добровольцев-помощников на стапеле трудится египтянин Жорж Сориа, приятель приятеля Тура, Бруно Вайлати. «Приятель приятеля» — да, точнее степень их знакомства с Туром не определишь. Знакомы они без году неделю. Жорж мечется на «джипе» по Каиру, достает канаты, организует закупку хлеба, следит за изготовлением паруса. Он разрывается между министерством туризма, поставщиками, институтами, строительной площадкой — и делает

все это совершенно бескорыстно, для него подготовка «Ра» в дорогу — уже приключение, захватывающее, из тех, какие ему по душе. И вот настает вечер, после особенно хлопотного дня, а завтра ожидается день не менее сложный, и вдруг Тур говорит Сорялу:

— Шел бы ты отдохнуть. Я не хочу, чтобы участник экспедиции переутомлялся.

Жорж изумленно разевает рот — и подписывает контракт.

С Сантьяго — еще неожиданной. Тур немного знал его и раньше, однако членом экипажа «Ра» Сантьяго не являлся до той минуты, пока в его квартире не раздался телефонный звонок: «Послезавтра жду в Касабланке». Оказалось, что Сантьяго, сам того не зная, был дублером Рамона Браво, подводника, фотографа и кинооператора, и надо же такому случиться: Рамон чуть не накануне отплытия лег на тяжелую операцию.

Уже упомянутый Бруно Вайлати тоже должен был плыть с нами; Вайлати, кинопродюсер, оператор и ныряльщик, был одним из первых, с кем Тур договорился об участии в экспедиции. Но Вайлати не отпускали дела, и тогда он порекомендовал вместо себя известного журналиста и еще более известного альпиниста Карло Маури. Так что и Карло пришел «по замене».

Вплоть до последних дней Тур, можно сказать, не знал, кто с ним поплывет! Ситуация, казалось бы, невыносимая в практике подготовки подобных предприятий!

Но Тур нисколько этим не смущался. И не скрывал, что такой разгул случайностей как нельзя более совпадает с его планами.

Он ведь поставил себе задачей исходить не из лабораторных, а из житейских обстоятельств. И сознательно не желал ничего искусственно организовывать и предвосхищать.

В обыкновенной, будничной жизни человек не сидит под стеклянным колпаком, не выбирает себе соседей и сослуживцев — а Хейердал стремился доказать, что именно обыкновенные, отнюдь не особенные люди могут и должны в самых сложных условиях действовать сплоченно и дружно.

Он пошел еще дальше. Решил собрать на борту «Ра» представителей различных рас, приверженцев различных, очень несходных мировоззрений — и продемонстрировать таким образом, что люди, живущие на одном земном шаре, если они зададутся общей, одинаково важной для всех целью, вполне могут конструктивно договориться по любому вопросу.

Наши первые дни в Каире и особенно в Сафи сложились так, что каждым часом, каждой секундой своей, казалось, убедительно подтверждали Турову правоту.

Все семеро освоились моментально: потаскали связки папируса, посвящивали канаты, собрались в гостинице поужинать как следует, выпили водки, закусили икрой — и вот уже нам чудилось, что мы знакомы давным-давно, что ни на одном судне за всю историю мореплаваний не было такого дружного, жизнерадостного, по всем статьям превосходного экипажа.

И, конечно, мы ошибались, думая, что знакомство состоялось. Напротив, оно едва начиналось, нам еще предстояло выяснить, что же нас объединяет, — а пока что нас объединяла, во-первых, радость по поводу того, что участвуем в увлекательнейшем путешествии, и, во-вторых, сам Тур.

Хейердал и формально был нашим общим руководителем, шефом, командиром и капитаном. Но, кроме того, от него к каждому тянулись самые разнообразные нити.

Норман видел его лишь однажды на Таити, а Сантьяго — в Москве.

Для Карло он был авторитетным ученым.

Абдулла на Тура чуть не молился: сколько чудес он, Абдулла, увидит, он поплывет по морю, которое, оказывается, все соленое, все-все, до последней капли, и посмотрит на китов, немножко похожих на бегемотов, и будет богатым, уважаемым, и все это благодаря Туру, благодаря его странной идее покататься по океану, как по озеру Чад!

Тур, кстати сказать, всячески оберегал его восторженное состояние, стремился к тому, чтобы африканец чувствовал себя раскованно, — и, замечая дружеское внимание к себе, Абдулла радовался еще больше.

Жорж, много слышавший о Туре от Бруно Вайлати, страшно гордился тем, что неожиданно-негаданно стал членом экипажа «Ра». Но не ронял собственного достоинства и при случае старался показать «этому норвежцу», что и египтяне не лыком шиты. Лез в огонь и воду, без устали нырял, таскал, привязывал, грузил — и косил глазом в сторону Тура, и расцветал от его похвалы.

Я тоже был очарован Туром.

Мне казалось непостижимым, что работаю рядом с человеком, чей бальсовый плотик многие годы стоял в моем сознании на гребне гигантской, похожей на перевернутую запятую волны. Человек с книжных обложек, с газетных полос, синьор Кон-Тики, мистер Аку-Аку — он топал босиком по палубе полуготового «Ра», возился с ящиками, мешками и пакетами, поглядывал иронически, хмыкал, скрывался в свой сарайчик постучать на машинке — и все это происходило здесь же, в двух шагах, это было как кинофильм, зрителем и участником которого я одновременно являлся. Ощущение нереальности происходящего не покидало меня.

Общую атмосферу, царившую тогда в наших отношениях, с полным основанием можно было назвать фестивальной.

Наше «ты», на которое мы сразу легко перешли, было экзальтированно подчеркнутое; мы уставали, были грязны, обливались семью потоми — и все равно чувствовали себя как на празднике, где каждый старается показать себя с наилучшей стороны.

Забавно сейчас прочесть запись, сделанную мной 27 мая 1969 года, на второй день плавания на «Ра-1»:

«...Тур очень сдержан, спокоен внешне. Но видно — очень устал. Несмотря на это, вахту распределил так:

20.00 — 22.00 — Абдулла;

22.00 — 24.00 — Карло;

00.00 — 02.00 — Юрий;

02.00 — 04.00 — Жорж;

04.00 — 07.00 — Тур.

Постараюсь его обмануть, подниму Сориала в три, пусть стоит до пяти».

То есть Тур в связи с болезнью Сантьяго и Нормана взял себе лишний час вахты, а я намеревался с помощью нехитрой уловки этот час у него отобрать. Желание похвальное — но с какой невероятной серьезностью я его обдумывал, как торжественно записывал о нем в дневник! Определенно, я весьма себе нравился в эти минуты. Я видел себя со стороны: врач из Москвы с первых же суток своего пребывания на борту «Ра» повел себя самоотверженно и деликатно, продемонстрировав, что...

Стоп, достаточно. Спустя две-три недели врач из Москвы нахально опаздывал принять у того же Тура вахту, он распустился до того, что сетовал:

«...Туру легче, он выбирает себе для вахты утренние часы, когда светает и можно свободно писать, а я, бедный, мучаюсь при свете керосиновой «летучей мыши».

Что делать, житейские наши слабости понемногу возвращались к нам, из святых мы снова превращались в обыкновенных...

Начальные страницы моего дневника сплошь в восклицательных знаках: тот хороший парень, и этот отличный парень, и пациенты мои выздоравливают, и мы с Жоржем завтра начнем заниматься русским языком, и если Норман на меня накричал, так я сам виноват, что не владею морской терминологией, Абдуллу же необходимо просто немедленно рекомендовать к приему в Университет имени Лумумбы.

Видимо, похожие чувства испытывали и мои товарищи.

Мы еще не успели распрощаться с портом Сафи, а Жорж Сориал (смотри о нем в дневнике: «Умница! Забавник! Весельчак! Балагур! Полиглот!») уже предложил мне будущим летом

отправиться с ним вместе в такое же плавание, тоже на лодке из папируса, но меньших размеров.

Я спросил его: «Зачем?» — «Просто так, ведь я бродяга», — глаза его блестели, настроение было безоблачным, доверие ко мне — безграничным. Обстановка, сложившаяся на корабле, устраивала его как нельзя более.

Однако очень скоро выяснилось, что на «Ра» не только выбирают шкоты, но и моют посуду.

Как-то утром Тур попросил меня разбудить Жоржа (он спал после вахты) и напомнить ему, что сегодня его очередь убирать на камбузе. Я попытался было это сделать, но Жорж, едва открыв глаза, сказал: «Я устал!» — и повернулся на другой бок. Пришлось доложить об этом Туру, неприятно, а куда денешься?

Тур разгневался:

— Начинается! Не привык рано вставать!

Я тихонько пошел по своим делам, а через некоторое время на камбуз припелся Жорж, явно не в духе:

— Тур злится на меня, не знаю почему, я вчера три часа стоял на мостике, устал, а он злится!

Он грустно занялся кастрюльками и поварешками. А через два-три часа сломалось очередное рулевое весло, нас закрутило, все засуетились — и положение спас тот же Жорж, сто двадцать минут он удерживал «Ра» обломком весла, которое плясало и дергалось у него в руках, грозило раскроить голову, а он бросался на него всем телом, как на амбразуру, и уж, конечно, ему приходилось потрудней, чем на камбузе, но он этому только радовался, он опять был в своей стихии.

Вот теперь-то мы и начинали всерьез друг с другом знакомиться.

Выяснялось, что Норман любит покомандовать, а Жорж — поострить по поводу его команд, что Карло предпочитает работать без помощников, а Сантьяго, наоборот, без помощников не может.

Дольше всех оставался загадкой Абдулла. Я, впрочем, так до конца его и не разгадал. Это был человек мгновенно меняющихся настроений. То хмурится, то поет и смеется; предсказать, как он ответит, например, на предложение почистить картошку, совершенно невозможно: то ли обрадуется, то ли вообразит, что его дискриминируют как чернокожего (!) — да-да, случалось с ним и такое!

В те дни я про него записывал:

«...Измучил своим приемником, слушает заунывные мелодии и наслаждается, а нам хоть на стенку лезь».

Это уже давали себя знать те самые пресловутые «зазубринки», несходство наших вкусов и привычек.

Что ж, я не был вне эксперимента, я был, как и остальные, внутри него, на меня тоже действовали экстремальные обстоятельства. Норман, опять изругавший меня — на сей раз за опоздание к завтраку, — безусловно имел основания сердиться, а я почему-то считал, что сердиться должен не он, а я. То же самое с приемником Абдуллы: для бедного парня напевы родины остались чуть не единственным прибежищем, он ведь не мог ни с кем из нас, если не считать Жоржа, в полную меру общаться — не вмешивался в наши беседы, не смеялся нашим шуткам — ему зачастую только и оставалось, что прижимать к уху транзистор, — и на этот несчастный транзистор я смел хотя бы мысленно ополчиться!

Снова должен подчеркнуть: Тур, тактичнееший среди нас, великолепно понимал сложность положения Абдуллы на борту «Ра». Он относился к африканцу очень внимательно, всегда был настороже, готовый смягчить ситуацию и сгладить углы.

Тур просил Жоржа — единственного, кто вполне имел такую возможность, — чаще разговаривать с Абдуллой по-арабски, чтобы тому не было одиноко и тоскливо. Жорж принялся учить Абдуллу читать; ученик брал уроки с наслаждением, это развлекало и его, и Жоржа, что тоже было немаловажно.

Однажды вечером, к концу первой недели пути, я сидел на завалинке у входа в каюту. Ко мне подсел скучный Сантьяго.

— Ты чего, Сантьяго, заболел?

— Я не болен. Я расстроен. На лодке пет кооперации и сотрудничества, и я намерен объявить об этом всем.

— Да брось ты! Подумаешь, с Карло поругался!

Дело, конечно, не в пустяковой стычке, о которой оба тут же забыли. Просто Сантьяго, человек тонкий и ранимый, раньше других почувствовал: кончается наш фестиваль.

Наверно, здорово было бы все два месяца плавания прожить в атмосфере праздничных взаимных расшаркиваний, меняясь значками и скандируя «друж-ба, друж-ба». Но даже в самой дружной, сказочно, небывало дружной коммунальной квартире новоселье не продолжается вечно — а ведь мы сейчас именно как бы и вселились в коммунальную квартиру, и в ней нам предстояло не ликовать, а жить.

Прошел день-два, и не Сантьяго уже, а Жорж принялся изливать душу: Тур сделал ошибку, укомплектовав экипаж людьми разного возраста, —

— Жорж, но ведь больше всех отличаешься от Тура по возрасту как раз ты! Значит, ты и есть прежде всего ошибка?!

Он заулыбался и отшутился, но видно было, что у него на сердце скребут кошки. У него, как и у Сантьяго, наступал кри-

зис: плакатные Представители Наций и Континентов превращались в конкретных соседей по спальному мешку.

...Раннее утро на «Ра-1». Проснулись, поели, разошлись по местам. Я устроился на корме, облюбывал веревочку, прицепил к ней зеркальце, крем мне дал Жорж еще в начале путешествия, сегодня он же подарил лезвие, так как мои кончились. Намылл щеки, блаженствую, исследую физиономию на предмет прыщиков и веснушек, размышляю неторопливо о том, что электробритвой никогда так чисто не побреешься и надо бы попросить Карлушу, чтобы он меня малость подстриг.

А Карло стоит на мостике и нетерпеливо мнетяся.

— Ты ведь завтракал, Карло?

— Нет, только кофе.

Надо же! Бедный Карло, приготовил завтрак, пошел подменить вахтенного, и на тебе! Глокает слюнки и глядит, как друге, откушав, изволят наводить шик-блеск.

Могло ли такое случиться еще неделю назад?

Исключено совершенно.

Случится ли впредь такое?

Не зарекаюсь — весьма вероятно, — да.

Эпоха преувеличенного энтузиазма кончилась; синьор Маури для меня свой, привычный, домашний Карло, точно так же и мистер Бейкер, и месье Сориад, — какие они здесь месье и мистеры? Есть семеро очень разных людей, каждый из которых в меру сил приспособливается к остальным.

Чем бы Тур ни занимался, за ним всегда бредет тенью его верный Санчо Панса, Карло. Если Тур столарничает, Карло подаст инструменты, если Тур собирается снимать, Карло кропотливо чистит его кинокамеру, если Тур просит: «Принесите из хижины мои носки» (это, кстати, уникальные носки, связанные Ивон, толщиной в палец, — Тур носит их вместо тапочек), первым откликается на просьбу опять же Карло.

Тут нет льстивой услужливости, Карло не зарабатывает себе никаких выгод, напротив — Тур теребит его чаще, чем других. Просто Карло глубоко и преданно любит Тура, и Тур платит ему тем же, и взаимоотношения их — образец дружбы, в которой один ненавязчиво главенствует, а другой готовно подчиняется.

О шефстве Тура над Абдуллой я уже упоминал; для африканца Тур — и командир, и покровитель, и вообще чуть не единственный свет в окошке, и такое положение обоих устраивает, оно помогает Туру руководить Абдуллой, а плотнику с озера Чад скрашивает превратности походного житья-бытья.

Вот — таким образом — первая устойчивая подгруппа на борту «Ра-1»: Тур, Карло, Абдулла.

Теперь о Нормане. Норман держится несколько особняком. Его штурманские и особенно радистские обязанности требуют сосредоточенности и одиночества. Многие часы просиживает он в наушниках в полутемной хижине — но зато может вдоволь говорить с женой, с детьми, с друзьями. Он гораздо меньше остальных чувствует оторванность от внешнего мира, и это обстоятельство ставит его в несколько привилегированное положение, все мы ему слегка завидуем, все мы считаем, что на личные темы он мог бы по радио изъясняться и поменьше.

Кроме того, Норман чересчур педантичен и дотошен. Если он позовет тебя ставить парус, не жди, что скоро освободишься, параллельно придется переделать еще тысячу дел, и вдруг окажется, что вместо канатов ты уже разбираешь кухонную утварь.

Он убежден, что он самый главный морской знаток на «Ра», — безусловно, так оно и есть, но люди не любят, когда кто-то свое превосходство по всякому поводу подчеркивает, — а потом, где бы и куда бы Норман ни плывал, с папирусным суденышком он дела до «Ра» не имел, и в этом смысле опыт у нас у всех почти одинаковый.

При всем том он умница, трудяга, за резкостью прячет застенчивость, за безапелляционностью — ранимость, во втором плавании многие, в их числе и я, станут с ним добрыми приятелями — а пока что он склонен общаться на равных только с Туром.

Следовательно, вот второе устойчивое сочетание: Норман, Тур.

Остаются трое — Жорж, Сантьяго, я.

Кто знает, с чего мы потянулись друг к другу? Возможно, не последнюю скрипку сыграл возраст: молодость — бесспорная у Жоржа, относительная — у меня, а что касается Сантьяго, так он, несмотря на свои сорок пять лет, славный парень, именно парень, иначе его не назовешь, экспансивный и деятельный.

Когда они с Жоржем режутся в покер, не поймешь, кто старше, кто младше. Игра идет на часы вахты. Очередной взрыв хохота с повизгиваньем — это Жорж выиграл еще десять минут. На устах Сантьяго виноватая улыбка.

— Эх ты, а еще профессор!

Словно сговорившись, они хлопают друг друга по спине и лезут назад в хижину.

— Реванш! — кричит Сантьяго, однако почти сразу становится ясно, что реванша не будет: Жорж опять хохочет очень весело. Сантьяго проиграл ему полную вахту. Жорж радуется и предлагает каждому: «Хочешь, подарю час? У меня много!»

В работе они тоже похожи: с азартом включаются и быстро охлаждаются. И ни шагу без помощников-исполнителей: возьмутся

распускать бухту, скорей-скорей, кое-как, вытянут конец подлинней и бегом на корму, а ты полчаса за ними распутывай.

Впрочем, это мелочи быта.

Мы сдружились за время совместных перетасовок-перепогрузок и в свободную минутку стараемся быть вместе: разляжемся на крыше хижины или на носу и беседуем, и шутим нанеребой. Забредет, привлеченный нашими жизнерадостными возгласами, Норман:

— А что это вы здесь делаете?

— Дуем в парус! Давай с нами!..

Вот вам третье сообщество: Сантьяго, я, Жорж — и Тур, разумеется, конечно же, Тур.

Обратите внимание: на «Ра» — три подгруппы, более или менее обособленные, и в каждую из них входит Тур.

Повезло нам с лидером.

Вернешься с вечерней вахты, мокрый, продрогший, в темноте, — ужин давно кончился, на камбузе пусто и тихо, — нет, чья-то фигура шевелится, это Тур не пошел спать, ждет, встречает, наливает фруктового супа, ухаживает, как за малым ребенком, с готовностью смеется твоим натужным островам, сам ответно шутит («Если через неделю не потеплеет, я съем свою шляпу!»), пытается отвлечь и развлечь.

Порой в коллективе случается так, что лидерство официальное и фактическое не совпадают, не объединяются в одном лице. Есть сухарь-директор, а есть душка главный инженер, так сказать, новатор и консерватор, об этом эстрадники поют куплеты, — но ведь и вправду же бывает такое! Или — еще хуже, — оба лидера мнимых, и оба борются за признание, один мытьем, другой катаньем, тот — выговорами, этот — сабантуями в служебном кабинете, и каждый при случае не прочь шепотом пожалиться, разводя руками: «Будь моя власть, разве так бы у нас было?!»

Тур иной. Авторитет его не дутый, и, что не менее важно, он этим авторитетом не кичится. Его можно (не пробовал, правда) хлопнуть по плечу, вахты он стоит наравне со всеми, за тяжеленное бревно берется без приглашения. В сущности, большую часть времени он никакой не капитан, а матрос, корабельный чернорабочий, как любой из нас, — этого требуют обстоятельства, экипаж малочислен, без совмещения обязанностей не обойтись — но я знавал людей, которые в сходных ситуациях быстро превратились бы в этаких рубах-парней, утративших право и желание распорядиться.

Тур, повторяю, иной. Демократизм его не бесхребетен. Переход от Хейердала-матроса к Хейердалу-капитану совершается естественно, обоснованно и всегда кстати.

Солнце садится; Жорж решил испробовать клев и продефилировал на корму со своими удочками. Никто его надежд всерьез не воспринимает, сколько раз уже он шествовал туда торжественно, а оттуда возвращался тишком! Но сегодня определенно рак свистнул и турусы на колесах приехали — не успеваем охнуть, как на крючке у Жоржа корифена.

Прыгаю на мостике вне себя от восторга. Карло одобрительно крикает, Сантьяго исходит белой завистью, всеобщее ликование — но заразительней всех, азартней всех радуется и восхищается Жоржем наш закадычный приятель Тур.

Жорж на седьмом небе, начинает что называется «выступать» — напрягает мускулы, принимает культуристские позы, картинно забрасывает удочку — хлоп! Еще рыба. Хлоп! Еще одна, под бурю аплодисментов.

— Последнюю — и хватит, — предупреждает Тур, теперь уже как старший товарищ, у которого за плечами опыт «Кон-Тики». — В этой зоне мы можем ловить сколько захотим и не должны жадничать.

— О'кей, — соглашается Жорж и вытаскивает четвертую. Потрясающий улов, сказочное богатство!

Прошу Тура послать кого-нибудь подменить меня на мостике, а я почищу рыбу.

— Нет, — неожиданно твердо отвечает Тур-педагог, Тур-стратег, вовсе не заинтересованный в том, чтобы Жорж — и без того баловень — почил на лаврах. — Рыбу будет чистить тот, кто ее поймал.

Жорж снимает и плетется со своим уловом па кухню. Потом он поплачется мне: Тур несправедлив, Тур придирчив и необъективен и вообще все идет не так, как надо. Я отвечаю: «Ничего, дружок, повози немного саночки, а то слишком любишь кататься». Жорж, разобиженный, заведет: «Я устал, у меня бессонница, радикулит, нет сил терпеть, дай мне морфий» — и в конце концов вынудит сообщить Туру, что Жоржа опять следует освободить от вахты.

— Хорошо, — примет решение Тур-капитан. — Его вахту отстою я.

Он великодушен и гибок, не мелочится, не встревает в пустяковые конфликты. Но, когда требуется, умеет настоять на своем.

Взять хотя бы историю со спасательным плотом.

Спасательный плот на борту «Ра-1» представлял собой квадратную пенопластовую основу, обтянутую водонепроницаемой тканью. Внутри — емкость для аварийного запаса воды, пищи и для рации, а также тент. Общий вес плота — чуть больше ста килограммов.

Размещался он под капитанским мостиком. Вскоре после начала плавания мостик осел и придавил плот, так что воспользоваться им в случае экстренной необходимости стало никак невозможно. Мы убедились в этом, когда день на двадцать пятый принялись облегчать уже основательно притопленную корму: мы намеревались переправить плот водным путем с кормы на нос. Подступились к плоту, а он не вылезает. Отпилили кусок пластикового покрытия, укоротили, сузили, подрубили и распатали все, что могли, а плот ни с места. Не желал он расставаться с мостиком, ему там в щели было уютно, и мы после многих попыток сыграли отбой, полагая, что на завтра то ли сами будем сильнее, то ли плот покладистее.

Следующий день наступил для меня позже обычного, я отстоял рассветную, довольно хлопотную вахту, чувствовал себя несколько неважно, почему-то болели вырезанные четыре года назад миндалины, — и с облегчением завалился спать. Меня не будили, поднимаюсь, смотрю — уже десять утра, на корме Тур, Сантьяго и Карло оживленно спорят по-итальянски. Я спросил Сантьяго, что решено делать с плотом.

— Есть идея плот разрезать на части и сделать из него кормовую палубу.

Вот это да! Уничтожить наш единственный шанс на спасение!

— Сантьяго, синьор профессор, а если ураган, шторм, если корабль переломится, что тогда?!

Это не умещалось у меня в голове — наш плот, который уже почти месяц служил нам психологической опорой, амулетом от всяких бед, — и не только нам, но и нашим близким! — и вдруг его уничтожить...

— Имею два возражения, — сказал я. — Первое: плот может понадобиться. Второе: что скажут наши оппоненты? Древние мореплаватели не пользовались пенопластом! Уж скорей мы могли бы строить палубу из пустых канистр!

Жорж проснулся, прислушался, сообразил, что к чему, и перебил меня тирадой сходного содержания, но гораздо более эмоционально насыщенной. Нет, он тоже не хотел ломать спасательный плот!

И тут вмешался молчавший до этого Тур:

— Что касается оппонентов — да, древние пенопласта не имели! Но они имели большее — опыт строительства подобных лодок. Наш «Ра» — эксперимент, и не совсем удачный: если бы пришлось строить второй корабль, мы не повторили бы ошибок. А пока что доказано главное: папирус — отличный плавучий материал, кривая его водонасыщения идет круто вверх первые пять дней, затем становится пологой и потом практически вовсе не

поднимается. То же самое — и с прочностью на излом. Двадцать шесть дней корабль непрерывно сгибается и выпрямляется, и ничего, сталь бы не выдержала, а мы плывем. О каких же угрожающих неожиданностях вы изволите говорить?

Вы видите опасность не с той стороны, думаете о какой-то Вообще-Опасности, сами не сознавая, что, может быть, как раз в это время подвергаете себя реальному риску.

Я почти ежедневно предупреждаю о постоянном обязательном ношении страховочных концов. Но некоторые, не буду называть кто, ибо в их числе побывали почти все, упрямо об этом забывают. Между тем эта опасность номер один. Мы не сможем спасти человека, упавшего за борт. «Ра» не имеет заднего хода и не обладает маневренностью.

Вторая опасность — пожар. Я регулярно нахожу по утрам на палубе спички, сгоревшие и целые. Если неиспользованная спичка попадет между ящиками, она от трения может самовоспламениться. Вновь прошу курильщиков быть осторожнее.

Третья опасность — столкновение с другим судном. Опять-таки здесь все зависит от нас самих. Не только вахтенный на мостике, но и те, кто внизу, должны поглядывать вокруг, каждую минуту помнить, что мы не одни в океане.

Наконец, четвертое — шторм и ураганы. Да, это очень опасно, но у нас радиосвязь, о приближении шторма или урагана нас предупредят, мы успеем подготовиться. «Ра», как сказано, не может утонуть, сломаться тоже. Хижина укреплена надежно, веревки проходят сквозь всю толщу корпуса. Мачта? Если убрать парус, то, пожалуй, выдержит и она.

Кроме того, прошу понять — мы ведь не выбрасываем спасательный плот, мы только разрежем его и примонтируем к корме, то есть плот останется, тот же самый, лишь (Тур улыбнулся) в несколько измененном виде.

И последнее. Вариант с плотом отнюдь не навязывается, он предлагается в порядке обсуждения, и любой из вас имеет право вето. Хотя я должен подчеркнуть, что плот взят мной только для спокойствия семей экипажа, а вообще он на борту лишний и бесполезный. Все.

Длинная эта речь приведена почти дословно. Разумеется, Тур победил. Состоялся поименный опрос, первым отвечал Норман, он поведал три случая из своей мореходной практики, когда оказывался на краю гибели, и проголосовал за разрушение плота. Остальные его поддержали, я тоже согласился, переубежденный, без тени сомнения.

И мы продолжали свой путь, зная, что отныне нам с палубы «Ра» пересеть не на что, — с хрупкими веслами, с обвисшей кормой, наваливаясь сообща при авралах и уходя в себя в мц-

нугу грусти. Но даже когда кое-кому из нас казалось, что с «дружбой и кооперацией» на «Ра-1» дела из рук вон плохи, центро-ростремительные силы в нашем коллективе все равно были гораздо мощнее центробежных.

Что объединяло нас?

Конечно, прежде всего — единство цели.

Цель поначалу была элементарной: доплыть, доказать себе и другим, что ты настоящий мужчина, немного прославиться. Некоторую роль играл и материальный стимул. Абдулла, например, делился радужными мечтами: покупает после путешествия такси, нанимает шофера, —

— И становишься капиталистом, — хохотал Сантьяго.

Слово «капитализм» звучало на борту «Ра» всегда в вызывающе ироническом контексте: вот уж что мол нас совсем не касается! Тем более, что миллионеров среди нас не имелось.

Правда, мир, из которого мы вроде бы удрали, не желал нас отпускать. Он регулярно напоминал о себе — не только хвастливыми байками Жоржа, но и тревогой Карло насчет вероятных фотоконкурентов, и раздумьями Тура над тем, не повлияют ли мои репортажи для «Комсомольской правды» и «Известий» на его контракт с агентством ЮПИ, —

И все же здесь, на «Ра», со многим обстояло проще. Здесь мы могли себе позволить роскошь оценивать друг друга прежде всего не «по одежке», а по истинно значимым свойствам: по работоспособности, выносливости, по инициативности, смекалке и умению подчиняться.

Эта общность критериев тоже не могла нас не сближать.

Затем — чем дальше, тем в большей степени — нас стало роднить еще одно важное обстоятельство.

В начале плавания присловье «как у древних» было излюбленной остротой матросов «Ра-1». Мы употребляли его к месту и не к месту, труня и как бы извиняясь: вот, дескать, какая странная у нас забава — на травяном кораблике пуститься в опасный путь лишь затем, чтобы выяснить, мог ли кто-то, когда-то и где-то путешествовать именно таким способом!

У Тура, мол, свои интересы, он ученый, специалист, — ну, а нас, остальных, высокие материи не занимают, нам просто выпал случай поплавать, вкусить приключений, — кто бы отказался от этого?

Тут еще, видимо, играла известную роль застенчивость, боязнь прослыть Слишком-Романтиком — так мальчишка, у которого пробились усы, во что бы то ни стало стремится говорить басом, а взрослый дядька, пойманый за склеиваньем бумажного змея, первый спешит посмеяться над собой.

Однако проходили дни — и мы с удивлением обнаруживали, что проблемы доколумбовых рейсов через Атлантику занимают наши мысли все нешуточнее, что мы вновь и вновь возвращаемся к ним в беседах, и мобилизуем познания, и спорим до хрипоты, какие лопасти весел были на старинных судах, прямоугольные или овальные, и останавливались древние мореплаватели на Канарах, чтобы подсушить папирус, или нет.

В конце концов апелляция «к древним» стала для нас ежечасной, привычной и естественной, мы прибегали к ней в каждой ситуации, которая требовала мало-мальского обсуждения, — шли ли дебаты о выборе курса или о размещении амфор, о способах крепления весла или о суточном рационе.

Уже не вызывало сомнений, что успешно пересечь океан — отпуть не только залог нашего личного благополучия, но и вопрос торжества идеи, которую мы все разделяем; да, это уже была наша общая идея, на «Ра-1» был не один энтузиаст-этнограф, а семеро, —

И опять нельзя не отметить, как благотворно воздействовал на нас в этом смысле Тур.

Тур не тянул нас на аркане в свою веру; он жил на борту «Ра» так, как привык, — увлеченно, не пряча пристрастий, свято убежденный, что дело, которым он занят, самое необходимое и самое интересное. Он весь был как оперенная стрела, летящая в центр мишени; мастерил ли он «носометр» или пил воду, пахнущую смолой, выбирал мокрый пикот или просто смотрел на волны, — одно его заботило, одно воодушевляло. От него словно исходили токи научного подвижничества, и как же он радовался, замечая в нас все больший отклик!

Он с готовностью отзывался на любой повод поговорить о трансатлантических связях, сам непрестанно заводил о них речь, вступал в наши споры — и дискутировал на равных, не потешаясь над нашим дилетантством, над ложными посылками и поспешными выводами, — он видел в нас единомышленников еще до того, как мы ими полностью стали, верил в нас авансом — и не обманулся в ожиданиях.

После того как кончилось первое плавание, перелистывая исписанные страницы своего дневника, я почувствовал, что меня задним числом берет оторопь: какие мы все на «Ра-1» были разные!

Сверхобщительный Жорж — и замкнутый Норман; конформный Сантьяго — и не умеющий приспособливаться Карло; день и ночь, земля и небо, вода и камень, стихи и проза, лед и пламень сошлись на борту «Ра»!

Это было похоже на то, как альпинист, закончив траверс, оглядывается — и у него подгибаются колени: над какой жуткой

пропастью, он только что шел. Мы же могли вдрызг перепачкаться, осточертеть друг другу, возненавидеть сотоварищей и самих себя! А мы гуляли по Барбадосу в обнимку, и нам совсем не хотелось расставаться — настолько не хотелось, что мы с трудом представляли себе, как теперь будем жить без нашего общего «Ра».

Такими веселыми, такими дружными были мы все в ту осень! И таким щемяще романтическим выглядело плавание на свежeproявленных цветных слайдах!

Вернулась фестивальная атмосфера, и Тур снова с чистой душой расписывался поперек сувенирного снимка: «У меня лучший в мире экипаж!»

Видимо, сумма психофизиологических свойств еще не исчерпывает сути человека.

Не арифметикой тут пахнет — алгеброй.

Слабый становится сильным, робкий — отважным, обидчивый — великодушным, если ими движет единая достойная цель.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Маньяна!» — Укрепляем брезент. — Противовес из матчы!! — Как поднимали корму на «Ра-1». — Веревки-веревочки. — Вечера на завалинке. — Мы все интересные люди! — Коротышка Кнют. — «Белла, чао, чао, чао!» — Закон Архимеда и друзья «Ра». — Пятеро мужичков с Титикаки. — «У меня есть хорошая идея». — Чистим трюм. — Жорж сплеховал. — Вариант «каркади». — Какой противовес! Волнорез! — Человек за бортом. — Длинная цитата из «Кои-Тики». — Абдулле повезло. — Норман крутит головой. — Ждем шторма. — Изменился питьевой режим. — Папирус пахнет не тем. — Наш зоопарк. — Все о Сафи. — Куда на «Ра» уходит время. — Ветер и волны. — Минус два кувшина. — Минус еще два кувшина. — Минус еще полкувшина. — За кормой полпути. — Праздник, на котором сначала окончательно ссорятся, а потом окончательно мирятся.

Корабль шатает, и писать довольно трудно, ветер веселый, изрядно выгоревший уже наш парус туго надут.

На носу дремлет флегматичный Синдбад. Жорж только что накормил его, наполнил, приговаривая:

— До чего ты дурень, Синдбад! Вот прошлогодний был (*вздох*) — это да!

Дремлет Синдбад. И Сафи прикорнула в своем подвесном бамбуковом домике. И Жорж спит, и Сантьяго, и Карло.

Время такое — послеобеденное.

Сегодня сделано 63 мили, совсем неплохо, и вообще все неплохо, только холодновато, а ночью и по утрам еще и влажно, выбираться из мешка совершенно не хочется. Рубашка и джинсы налезают с трудом и не вызывают приятных ощущений. Попросить, что ли, Нормана изменить чуть-чуть курс и пойти южнее?

Он хихикнет в ответ:

— Маньяна!

Маньяна, с легкой руки Сантьяго, сейчас любимое наше слово. Бифштекс съесть — маньяна, с девочкой пройтись — маньяна, обсохнуть — маньяна. Маньяна по-испански — завтра, но с оттенком нашего «после дождичка в четверг». Сантьяго советовал: «Попадешь в Мексику — говори всюду «маньяна», и тебе будет хорошо».

— Юрий, как насчет того, чтобы повозиться с брезентом?

— Маньяпа...

Маньяна не мапьяна, а нужно идти. Карло и Жорж, бодрые после сна, потащили на корму бывший запасной парус. Он теперь расплосован, и мы укрепляем его по правому борту вдоль хижины, строим баррикаду от волн, потому что заливает и захлестывает нас по-прежнему основательно.

Опять же подчеркиваю, не сами волны опасны, им нас не перевернуть, не потопить, они приходят и уходят, — опасно их соприкосновение с папирусом. Папирус для них ловушка, копилка — что впиталось, то уже навсегда, «Ра» не выжмешь, как губку, не выкрутишь, как мокрую тряпку.

Теперь волны, переклестывая через борт, не идут вниз, под хижину, а отражаются от нашей баррикады и скатываются назад, в океан. Мера определенно эффективная, надо возвести заслон и с кормы, и с носа — отгородиться от океана везде, где можно.

Делается это так. Сперва прикидываются размеры требуемого полотнища, потом брезент расправляется на крыше хижины и разрезается. По краю полосы проткнуты дырки для веревок, с другого края вшиты бамбучины, затем, полусидя, полувися, по уши в воде, завязываем, подсовываем, натягиваем, — час, второй, — продрогли, вымотались, зато стенка — как барабан.

Мы прикинули, что до рандеву с яхтой, которая скоро выйдет для киносъемок нам навстречу, остается дней двадцать пять. Безусловно, двадцать пять дней продержимся. А дальше что? Дальше скорей всего будет так: большинство из нас переберется в яхту, а человека два закончат путешествие на «Ра». Как бы в этом году ни мешали акулы, бросать «Ра-2» нельзя — тем более, что и корабль неизмеримо исправнее, чем «Ра-1»; вдвоем, без груза, без мачты, без капитанского мостика на нем еще плыть да плыть.

Все у нас в порядке, и такелаж, и корпус, и весла, ничего не сломалось ни разу, — только вот погружаемся мы. Тяжелеем. Тонем.

Решено заполнить срединную впадину корабля, его трюм, всяческими порожними емкостями, канистрами, амфорами. Таков первый пункт программы. Припасен и второй. У нас есть небольшая кормовая мачта, мы рассчитывали нести на ней треугольный «рулевой» парус, но сейчас планы изменились. Тур хочет смастерить из мачты аутригер — противовес, как у полинезийского катамарана, — «это прибавит нам остойчивости».

Насчет противовеса сильно сомневаюсь. Боюсь, Тур опять увлекся, как в прошлом году, с кормой.

Корма на «Ра-1» была бедствием. Она с самого начала повела себя не по совести, прогибалась, обвисала и в конце концов потащилась за нами, как полуоторванная подметка, мешая двигаться и грозя отломиться.

И тогда Тур объявил, что имеется план («планов полно, а идем на дно», — раздраженно приписано в моем дневнике) приподнять корму: протянуть с нее канаты на нос и дернуть как следует.

Не дернуть, конечно, — выбирать понемногу, постепенно, каждый день.

Приступили к работам, подготовительным, весьма кропотливым. Карло и Сантьяго долго-долго отбирали длинные крепкие веревки, крепили их на ногу и проводили к корме. Абдулла не менее долго сверлил в вертикальных стойках мостика дыры. Веревки были продеты в эти дыры и двумя петлями закреплены на поперечном бруске у транца, опять же после долгих-долгих трудов.

Стали тянуть, по-бурлацки, «раз-два-взяли» — и заметили, что одна из стоек мостика прогнулась, трещит и сейчас сломается.

Бросили корму, взялись за мостик. Укрепили его противотягами. Покачали, потрясли — крепко. Опять взялись за канаты. «Еще-раз-взяли!» —

— Пошла!!

Кончик кормы, самый кончик, зашевелился. Тур торжествовал, я — как заметивший — до ночи ходил у него в любимчиках, был обласкан и расхвален, — но раза три Тур спросил меня по секрету:

— Ты вправду видел или тебе показалось?

А Сантьяго сложил из бумажного листка кораблик, по знакомой детям всего мира схеме, — смастерил, продел, где надо, ниточку и продемонстрировал наглядно, на модели, что ничего с подъемом кормы не получится, это все равно, что тянуть себя из воды за ухо. Чем выше корма, тем ниже центр, мы просто как бы складываемся на манер перочинного ножика.

Бумажный кораблик не убедил Тура. Назавтра Карло лазил по мостику, увешанный новыми веревками, затем они с Туром — остальные под разными предложениями уклонились, а приказывать Тур не захотел — принялись тянуть, и опять корма слегка приподнялась, но что пользы-то?

Нас закручивало в жгут, палуба собиралась стать правым бортом, а левый борт — палубой, болотце на корме превращалось в озеро, отделенное от океана чисто условной перемычкой, и та вот-вот исчезнет, — что могли дать отвоєванные у воды жалкие сантиметры? Тем более, что, отступая в одном месте, волны брали реванш в другом: у подножия мачты возникла лужица...

Но Тур не жалел усилий: вопреки очевидному, он не сдавался — я это теперь понимаю — именно затем, чтобы не сдаваться, чтобы не опускать рук, — помните, как та лягушка из сказки, она попала в крынку со сметаной и плавала, плавала в ней, пока не сбила сметану в твердое масло...

Можно рассчитать «за» и «против», определить нулевую вероятность эффекта и благоразумно прекратить попытки — а можно делать безрассудное, стараться будто и без толку, но зная,

что толк обязательно будет, пускай не тот, которого ждешь, а совсем иной, — всякая деятельность заразительна, вон уже экипаж приободрился, экипаж берет с капитана пример: Абдулла и Жорж вернулись к папирусным связкам для надстройки бортов, Карло, опутанный канатами, единоборствует с ними, как Лаокоон.

Ах, канаты! Веревки, веревочки, бечевки, шнурки!

Ими был опоясан мостик, они шли спереди назад, сзади вперед, влево и направо, вверх и вниз, и по диагонали, мы пролезали под ними, над ними, между ними, цепляясь, спотыкаясь, извиваясь, чертыхаясь, — «Сантьяго, где твой мечете?!»

Радовалась, кажется, только Сафи. Она устраивала себе качели из всевозможных замысловатых петель и концов, будто нарочно для нее оставленных Карло, — ей тут было привольнее, чем в родных джунглях, и она с доброжелательным любопытством наблюдала, как серьезный, сосредоточенный Карло приближается: ну, хозяин, что ты мне новенького решил приготовить?

У каждого свой вкус и манера веселиться; для меня вязать узлы было тяжким испытанием, непосильной интеллектуальной нагрузкой; когда она выпадала на мою долю, за мной следом обычно шел Норман — проверял, усмехался — «Так я и думал!» — и педантично перевязывал, все по очереди, до единого.

Между прочим, после «Ра-1» я как-то гостил у приятеля на яхте, и посреди Финского залива мне вздумалось тряхнуть старинной и закрепить болтавшийся стапель-фал. Приятель, взглянув, объявил, что теперь намерен не трогать этот фал до конца сезона, до того, мол, завязано профессионально. Выходит, уроки Нормана все же пошли впрок. Но я не о себе, я о Карло, —

Он занимался узлами с тихим вдохновением, его голубые, совсем не итальянские глаза подергивались мечтательной поволокой — может быть, он был в эту минуту в милых сердцу горах, увязывал рюкзаки, готовил альпинистскую связку.

Однажды, когда я рассказывал журналистам о своих друзьях, меня попросили припомнить какой-нибудь случай, происшествие, в котором Карло Маури показал бы себя «суперменом». Я напряг память — и безрезультатно, не было таких происшествий, Карло всегда был одинаков — ни падений, ни взлетов, никакой амплитуды, — ровная, мощная, целеустремленная прямая: всегда в готовности, всегда в действии, без напоминаний и подсказок, без красноречия и демагогии, — таков он был, наш Карло, партизан-антифашист, путешественник, репортер, равно владевший и гашеткой кинокамеры, и ледорубом...

Он был не слишком разговорчив. Но зато если уж пускался в рассказы!..

Тогда вокруг нашего корабля вдруг начинали кружить амазонские пиратки («Свободно плавал среди них — и ничего, кроко-

дил — иное дело»), а на макушку мачты присаживался йети, снежный человек («Вполне может существовать, что вы думаете? Это же неисследованный край — Гималаи!»). Распахивались тайны и красоты всех решительно континентов, потому что нет — почти нет! — на земном шаре уголка, где бы Карло не побывал.

Те давние, долгие, идиллические вечера на «Ра-1» — забуду ли их? Небо в звездах, тишина, только вода плещет, да руль поскрипывает, да магнитофон мурлычет — и льется плавная речь Карло, оттеняемая приглушенной скороговоркой Жоржа, нашего записного толмача.

Жорж, со всеми его капризами, тоже не из маменькиных сынков. Его ноги в шрамах и рубцах от зубов акул. Это сувениры Красного моря: снимался фильм о подводных хищниках, ныряльщики-статисты отказались идти в воду, слишком опасно, и тогда пошли продюсер Бруно Вайлати и Жорж — теперь он говорит, что никогда больше не повторит подобного, такой пришлось пережить ужас.

Еще там делали картину о муренах, и Жорж выступал в роли их дрессировщика. Мурена — трехметровый морской угорь, страшилище, острозубое и свирепое, оно гнездится в гротах и вылезает из них только за добычей. Жоржу удалось приучить к себе трех мурен, они привыкли к нему и выплывали навстречу из убежищ. Жорж кормил их из рук — и даже изо рта, в это невозможно поверить, но я сам видел кинокадры.

Какие же у нас на «Ра» подобрались интересные люди, честное слово! И как удачно, что у нас есть скамейка-завалинка, словно специально созданная для вечерних бесед!

Получилась она — напоминаю — сама собой. Облегчали правый борт, убрали оттуда запасные весла и их обломки, унесли веревочные бухты, связки папируса и соломенные циновки, вскрыв таким образом модерновое великолепие — канистры с водой, бензином, керосином и двухтактной смесью. Мы передавали канистры по цепочке Туру, Тур их устанавливал в ряд вплотную к хижине и крепил канатом. Затем Жорж и я просунули в ручки канистр дощечки, расстелили сверху пустые бурдюки, укрыли их парусиной и уселись торжественно.

И не было с тех пор на «Ра-1» более уютного места.

Сейчас, на «Ра-2», в нашем распоряжении не кустарщина из канистр и бурдюков, а заранее предусмотренное, тщательно выполненное, комфортабельное сиденье. От прежней завалинки остались лишь размеры и форма. И, как иногда случается, — магазинная игрушка не заменит самодельной, а за роскошным письменным столом пишется хуже, чем когда-то на подоконнике, — сумерничаем мы теперь далеко не так часто, как в прошлом году...

Но все же иногда собираемся, и, как в добрые старые времена, возникает разговор о том, о сем — об антропологе Герасимове и режиссере Герасимове, о Чарли Чаплине, о Гагарице, и тогда обнаруживается, что нам еще есть о чем друг другу порассказать.

Завожу речь об Антарктиде, о трехстах днях зимовки на станции «Восток», на четырехкилометровой высоте, о том, что неправ Джек Лондон — даже при минус 80°С слюна не замерзает на лету, — Норман ахает: минус восемьдесят, это же надо! — ну что ж, я тоже сейчас это с трудом себе представляю, наступила долгожданная «маньяна», дни стоят жаркие, щеголяем в шортах, жарим ляжки, и — бедный нос мой! —

Вступает в беседу Тур, и уже мне приходится изумляться. Кнют Хаугланд, сотоварищ Тура по бальсовому плоту, нынешний директор музея «Кон-Тики» — маленький, застенчивый Кнют, — он, оказывается, национальный герой Норвегии, кавалер орденов Англии, Франции, Бельгии, Швеции, Дании!

Мало того, что он был в диверсионной группе, взорвавшей фашистский секретный завод тяжелой воды, — операция широко известная и чрезвычайно значительная, появившись у нацистов ядерное оружие — кто знает, сколько бы еще они натворили зла? — так вот, мало этого, Кнют Хаугланд еще являлся главой норвежского радиоподполья. Гестапо охотилось за ним и почти ловило, но он чудом уходил. Позже, после победы, преданный суду и осужденный крупный гитлеровский чин попросил напоследок об особом одолжении — пусть ему покажут человека, за которым он чуть не всю войну гонялся. Ему устроили встречу с Кнютом. Гитлеровец взглянул и не поверил, а поверив, страшно расстроился — проиграть юберменшу, Верзиле-Косая-Сажень-в-Плечах — куда ни шло, но такому замухрышке и коротышке! —

Весьма это показательно и примечательно, что ядро экипажа на «Ра» составляют люди с достойным военным прошлым. Карло, Тур — их убеждения выстраданы, они, по сути дела, еще тридцать лет назад, один на севере Европы, другой на юге, готовили нынешний интернациональный рейс «Ра». Однажды Карло, задумавшись, принялся насвистывать: «Белла, чао, белла, чао, белла, чао, чао, чао...» — и тут же откликнулся Тур, так они и свистели вдвоем: «Белла, чао, чао, чао», песенку, знакомую нам по итальянским, а особенно по югославским фильмам, — и оба, наверно, были в ту минуту мыслями далеко-далеко...

Тур как-то заявил, что кое-кого из нас он знает еще по «Кон-Тики». Эрудит и интеллектуал Сантьяго похож на Бенгта Даниэльссона, педантичный Норман напоминает Кнюта Хаугланда, глядя на разбитного Жоржа, Тур вспоминает Эрика Хессель-

берга... Я, как он говорил, похож на увальня Торстейна Робю, погибшего, к несчастью, несколько лет назад на пути к Северному полюсу.

Возможно, известное совпадение темпераментов и характеров и впрямь имелось; вернее же всего, Тур делал нам комплимент. Он как бы давал нам понять, что мы пополнили собой число его надежнейших, испытаннейших, вернейших друзей, — и это было очень приятно.

Друзья Хейердала, друзья «Кон-Тики» и «Ра», — совсем особая тема, ее здесь невозможно не то что исчерпать, а даже и ощутимо затронуть. Что бы случилось с кораблем, если бы на его борту собрались все, кто помогал нам, кто желал нам удачи, кто сейчас о нас думает с гордостью и беспокойством? Закон Архимеда подсказывает: «Ра» тотчас затонул бы под невероятным грузом. А я не физик, я рассуждаю иначе: мы полетели бы над волнами, как птицы, потому что дружба не топит, наоборот, она тянет ввысь.

Петер Анкер, норвежский посол в ОАР, добывший для строительства корабля эфиопский папирус; капитан Арне Хартмарк, спутник Тура по экспедиции на остров Пасхи, вместе с капитаном Альбертом Дюбоком из Бельгии помогавший нам готовить старт; Рамон Браво, лишь по нелепой грустной случайности не ступивший на борт «Ра» (хотя я отнюдь ничего не имею и против Сантьяго Хеновеса, который Рамона заменил); советские медики, норвежские моряки, американские радиолюбители; друг Тура из США Фрэнк Таплин, совершивший не одну поездку через океан, дабы помочь Туру организационно, и ставший связующим звеном между Туром и У Таном; учитель из итальянского города Империя милейший Анжело Корио, который ведал снабжением и оснащением «Ра-1»; виноделы из Новочеркаска братья Потапенко — это их «Аку-Аку» мы пьем на своих праздниках; нет, всех и не перечислишь.

Перед самым отплытием «Ра-2» в Сафи пришло письмо. Нас приглашали в конце путешествия обязательно завернуть на озеро Титикака. Не беда, что озеро это никак с океаном не сообщается и расположено на высоте четырех километров, — географические подробности авторов письма не волновали, «Ра» ждали в гости и точка, — и мы не потешались, читая эти строки, мы улыбались нежно и растроганно — это писали нам индейцы, строители нашего корабля.

Их было пятеро мужичков, толковых и хитроватых, они жили на островке посреди Титикаки и долго не соглашались выехать в большой мир. Сантьяго, наш вербовщик, использовал все зоны, никакие деньги не смогли индейцев соблазнить, тогда Сантьяго посулил им возможность построить самую большую

лодку, какую еще никто на свете не строил, — и в мастерах взылгал азарт: самая большая лодка, интересно, стоит попробовать, — но даже на аэродроме они продолжали раздумывать, ехать или не ехать, им было жутковато и неуютно, впервые в жизни они видели и автомобиль, и самолет, но достоинства не теряли, притворялись, что их и этим не удивишь, — и когда один из них отважился взять в руки нож и вилку, невозмутимо отваживались и остальные, а пилюли от кашля все пятеро — безразлично, кто кашлял, кто не кашлял — глотали сообща.

Корабль они построили — загляденье. С трудом верилось, что у них вообще что-нибудь может выйти, материал незнакомый, не камыш тотора, который растет на их Титикаке, а папирус, — и размеры, размеры! Но индейцы потихоньку, не торопясь сделали сначала пару моделей, пустили их поплавать, потом так же не спеша привяли вить из пучков папируса двенадцатиметровые веретена и обвязывать их одной-единственной веревкой, потом дошла очередь до хижины, до лебединых завитков носа и кормы, —

И вот уже «Ра-2» радовал глаз, и заранее было ясно, что мы можем ему доверить свои жизни, — в спешке и в суматохе мы даже не очень заметили, как скромно и тихо уехали домой удовлетворенные мастера.

Сегодня девятое июня 1970 года, двадцать четвертый день нашего плавания, и позади 1229 морских миль, или, соответственно, 2276 километров.

Давненько я не брался за перо, сам даже не знаю почему, настроение не то, или лень, а нынче устыдился, разозлился, засучил рукава и устроился в уголке под мачтой, между хижинной и брезентовой стенкой.

Уже темно, ребята укладываются спать. Жорж свистит и поет, стоя на вахте, в хижине слышно англо-итальянское бормотание. Только что мимо проходил Норман, совершить ежевечерний туалет, и Жорж, верный привычке задираться, крикнул ему с мостика:

— У тебя случайно нет в руках батареи для подсветки компаса?

На что Норман обстоятельно и незлобно ответил:

— У меня случайно в руках только зубная щетка.

Лодку качает, «летучая мышь», привязанная двумя веревками, ерзает по столу, то есть по ящику с посудой и горелками. Упираюсь локтями и пятой точкой.

Ну, с чего бы начать?

Со вчерашнего утра, с момента, когда Сантьяго в очередной раз произнес: «У меня есть хорошая идея».

Идеями своими он нас бомбардирует непрестанно, их вечная особенность — в том, что они неосуществимы без помощников, и мой дневник цестрит записями: «Опять зовет неугомонный Сантьяго, чтоб ему!..»

Пора заняться нашей плавучестью — засунуть под хижину пустые амфоры и укрепить в ложбине между сигарами корпуса. Но там стоят другие амфоры, полные, следовательно, сперва нужно их извлечь.

Пол в хижине — крупные клетки из толстых бамбучин, покрытых папирусными циновками, на них стоят шестнадцать ящичков, на которых мы спим. Приступили к делу. Убрали матрацы и постели Жоржа и Мадани, опорожнили их ящички и с огромным трудом, ломая ногти, извлекли их — представьте себе, что вам необходимо выковырять паркетину, тесно пригнанную к соседним паркетинам да еще облитую липким битумом, и вы поймете, как нам досталось. Но все-таки мы их выдернули, сперва один ящик, потом — это было уже проще — другой, и открылось трюмное пространство, откуда пахло гнилью и плесенью.

Я посветил фонариком и вздохнул — там полно осклизлой грязи, всякой дряни, которую занесло водой со стороны кухни. Возиться здесь все равно, что чистить сортир на даче. Но куда денешься?

Сантьяго вытащил из вонючей темноты пять амфор с водой, Мадани кое-как уложил их на палубе. Я стал выгребать грязь, тряпье, полуистлевшие куски папируса. Тем временем Тур, проходя на корму, зашнул об амфору и рассердился: что у нас, водопровод на борту, какого лешего разбрасываем драгоценные сосуды? Пришлось вылезать и крепить амфоры капитально, затем вернулись в трюм, укладывать туда пустые амфоры, и тут я заметил, что Сантьяго устал.

От однообразной работы он уставал быстро, но стеснялся это показать, а принимал вид этакого профессора-руководителя:

— У меня хорошая идея, ты кувшины привязывай, а я буду их подавать и светить.

Амфоры скользкие, яйцевидные, тяжеленные, хоть и пустые, каждую нужно просунуть сквозь бамбуковую решетку, установить и зафиксировать канатом, чтобы не шаталась и не терлась боками о те, что рядом, — вот, кажется, все — как, еще одна? Сантьяго, ты же говорил, их шесть, у меня не осталось свободного места!

— Извини, я ошибся, их семь.

Это значит — вынимай, раздвигай, перетасовывай, ищи оптимальный вариант, как в детской игре в «пятнашки».

Заглянул Жорж, весело ухмыльнулся: «Дураков работа любит!» — и вскоре мы услышали наверху пение, посвистыванье и

грохот посуды — стало быть, Жорж принялся за генеральную камбузную уборку.

Пение чередовалось с репликами, жизнерадостными, но не вполне печатного свойства, и я обратил внимание Сантьяго на то, что в отличие от прошлого года мы стали менее стеснительными в выражениях.

— Жорж — змей, — буркнул Сантьяго неожиданно сердито.

— Сантьяго — змей, — немедленно, как эхо, донеслось сверху. Звукоизоляция на «Ра» практически не существовало...

Позднее, за обедом, Жорж совсем распалился. Он оседлал своего любимого в последнее время конька и пристал к Кею: правда ли, что тот еще в Сафи, когда праздновался день рождения Ивон, отказался танцевать с Андрэ, женой Сантьяго.

Целомудренный Кей пытался всерьез изложить свою точку зрения:

— Прошу извинить меня, я танцую только с собственной женой!

Он прижимал руки к сердцу и вежливо кланялся, а Жорж веселился:

— Умница, похвально, тебя можно без опаски знакомить с женщинами! Ну, расскажи нам еще что-нибудь, как ты вообще смотришь на эти дела!..

Тут Сантьяго, которого все это немножко задевало, поскольку было упомянуто имя Андрэ, оборвал Жоржа довольно резко. А Жорж в ответ закатил целую речь.

Он обратился к Туру с официальной просьбой упорядочить дневную вахту после ленча, так как время это самое bestолковое, все хотят поспать (взгляд на Сантьяго), отдохнуть (взгляд на Юрия) и никто не желает лезть на мостик (взгляд на Нормана), а ему, бедняге Жоржу, приходится отдуваться.

Карло поморщился, Мадани нахмурился, Сантьяго воздел руки, Норман помянул черта по-английски, Жорж — по-французски, запахло грозой.

— Обождите, — старался я перекрычать гомон, — хорошая идея!

Идея никакой не было, но требовалось сбить накал. Я принялся импровизировать на ходу:

— Пусть ежедневно два человека, которые были свободны ночью, берут на себя часы утренней вахты с восьми до десяти и часы послеобеденные, с тринадцати до пятнадцати. С семнадцати до девятнадцати пусть стоит человек, который стоял утром с шести до восьми и будет иметь свободную ночь. Что касается вахты с пятнадцати до семнадцати, то...

Что «то», собственно? Я вконец запутался в цифрах, получалось нечто громоздкое, но Жорж, наверно, углядел в этой громоздкости какое-то особое хитроумство, он моментально притих:

— Вот теперь по совести.

Тур, пряча усмешку, спросил мнения присутствующих, присутствующие, заталмуженные моими выкладками, не возражали.

— Ладно, принято, — сказал Тур. И — Жоржу: — Ну, соберись на мостик.

— Как на мостик?!

— А как же, у тебя ведь была свободная ночь?

Жорж заморгал, начиная соображать, что согласился слишком поспешно, а вокруг хохотали. Тем и завершилась дискуссия.

В общем, справедливо, что Жоржа в этот раз провели. Он сам на такие штучки мастер.

Помню, в прошлом году наметили мы как-то после обеда готовит к подъему парус, заниматься этим должны мы с Жоржем, а отрываться от подушки так не хочется! Встал-таки, тормошу Жоржа:

— Пора!

— Угу, — как бы сквозь сон, и на другой бок.

Я поработал с час, пошел в хижину за трубкой. Жорж возлежал на мешке в чем мама родила и почесывался, при моем появлении его глазщи стали виноватыми:

— *Норман говорит, тебе нужна моя помощь?*

— *Помощь нужна парусу, а не мне, ты знаешь, что вдвоем мы управимся быстрее.*

— Да, да.

И опять на бок. Явился он минут через сорок, на носу к этому времени уже вовсю трудились Сантьяго, Карло и Абдулла. Теперь Жорж и рад был бы найти себе занятие, но какое? Вот явится сейчас Тур и спросит, как жизнь; что отвечать?

И тогда Жорж предпринимает, как ему кажется, колоссальной хитрости маневр. Он тихонько спрашивает:

— *Юрий, ты устал? Не хочешь ли выпить каркади?*

Каркади — чудесный напиток, кисло-сладкий чаек, настоянный на каких-то египетских цветочках, мы готовы пить его литрами — еще бы не хотеть!

— *А ты, Сантьяго, — ты хочешь каркади? А ты, Карло? А ты, Абдулла?*

Так не спеша обойдя и опросив всех, он начинает длинную процедуру приготовления каркади. Приходит Тур, а Жорж при деле!

— *Я готовлю каркади, — гордо заявляет он. — Все затотели каркади, и я взялся его приготовить.*

Смех смехом, а вечером, когда я — согласно новому распорядку — «с семнадцати до девятнадцати, в связи с предстоящей свободной ночью» стоял на мостике, ко мне поднялся озабоченный Тур. Ссора за обедом не шла у него из головы. Он сказал,

что поначалу считал: обычная перепалка, какие и раньше порой случались, но потом понял, что это уже большее, что наши отношения на борту «Ра» становятся для него проблемой.

— Что ты думаешь обо всем этом?

Я ответил: да, согласен, мы развинтились, один комбинирует, другой язвит...

— Острый экспедиционит, — вздохнул Тур. Я успокоил его: нет, не острый, течение, в целом, обнадеживающее, полечим амбулаторно. Надо побеседовать с Жоржем и Сантьяго, напомнить им, что положение следует нормализовать, что им придется ладить, ведь с корабля никому никуда не уйти.

— А как с противовесом? — заодно осторожно поинтересовался я. Мне казалось, что последние сутки пыл Тура в этом направлении несколько поугас.

— Какой противовес?

— Который из мачты...

— Ах, противовес? Нет, мы сделаем кое-что получше. У нас будет волнорез.

Сегодня положительно день новых идей. Та, какую излагает Тур, не без сумасшедшипки, но, кто знает, возможно, польза и будет. Он решил выставить мачту не перпендикулярно корпусу корабля, а параллельно ему, укрепить вдоль борта на коротких держалках, чтобы рядом с нами плыло подобие стенки мола.

Сдается мне, я знаю, в чем истинный корень подобных проектов. На корабле находится отличный, толстый и длинный кусок дерева, и грешно даже подумать, что такое богатство останется без применения.

Так или иначе, а два следующих дня Тур и Норман увлеченно копошились на палубе возле бывшей мачты, сверлили дырочки, присоединяли всяческие деревяшки и, наконец, объявили: «Готово». Оставалось лишь переправить новоиспеченный волнорез с левого борта на правый, эту операцию надлежало совершить водным путем — сбросить бревно и обвести его вокруг кормы. А за кормой у нас, если помните, болтается на канате красный поплавок-буй. Буй вытащили — лишь помешал бы проводке бревна, и впервые за все дни плавания мы оказались без хвоста.

Я в этом не участвовал, стоял на вахте и не видел толком, что там у мачты происходит. Знал только, что там Норман, Тур, Сантьяго и Жорж. Последний то и дело озабоченно шмыгал мимо меня, используя мостик как кратчайшую дорогу с борта на борт. Явившись в очередной раз, он с должной солидностью известил, что предстоит ведение подводных работ, по-хозяйски огляделся, весь — занятость и энергия, увидел, что буй не в воде, моментально вернул его на место и проследовал дальше, с видом человека, которому за все приходится отвечать.

Вскоре я услышал крик. Мачта, предмет стольких забот, качалась на волнах, с каждым мигот отставая от корабля. На корме появился Жорж п, недолго думая, плюхнулся в воду.

Я даже не успел вообразить возможные последствия этого безумного шага, а он уже вынырнул, схватил линь, на котором болтался буй, догнал мачту, благо она плыла вдоль веревки, оседлал ее и, вцепившись в веревку у самого буя, ожидал, когда мы его вытащим.

Общими усилиями вытянули и Жоржа, и мачту. Жорж пыжился, но Тур вместо похвалы как следует его отчитал. И правильно. Не обеспечь себе Жорж буя — случайно, совершенно случайно! — что бы с ним стало?! «Ра» не имеет ни тормозов, ни заднего хода, и человек за бортом для нас — навсегда за бортом.

Помню свое первое купанье в прошлом плаваньи. С утра было ясно, что день предстоит жаркий. Солнце светило всюду, океан вел себя необычайно спокойно. Я пришел на корму умыться и увидел Карло, он в голом естестве плескался возле борта, привязавшись к деревянной поперечине. Он фыркал и повизгивал от удовольствия. Тур попробовал воду ногой: «Ледяная!» — но я рискнул и забарахтался рядом с Карло, согнав Тура брызгами с его места. Конечно, вода не очень теплая, но до того приятно принять ванну, пусть соленую, после двенадцатидневного перерыва!

Намылился, хорошо помылся, вылез освеженный — и тут же упустил мыло, потянулся за ним, но оно уплывало, уплывало, а Тур, заметив мой жест, сказал:

— Осторожно! Мы все-таки движемся!

Да, мы двигались, хотя и ветра почти не было, и парус висел как неживой. И, представив себе, как я только что плескался на тоненьком шкертике, я ощутил на секунду некий неуют...

«Последующие события разворачивались куда стремительнее, чем о них можно рассказать.

Пытаясь схватить мешок (спальный мешок Торстейна, упавший за борт. — Ю. С.), Герман плохо рассчитал свои движения и оказался за бортом. Сквозь гул волн до нас донесся слабый призыв о помощи, затем слева от плота промелькнула голова и рука Германа; позади него в воде извивалось что-то зеленое и непонятное. Он делал отчаянные усилия, чтобы пробиться к плоту сквозь мощные валы, которые отнесли его в сторону. Торстейн нес в это время ватку у руля, сам я стоял на носу — мы первые обнаружили падение Германа и даже похолодели от ужаса. Крича что есть силы «человек за бортом!», мы бросились к спасательным снарядам. Остальные даже не слышали крика Германа, такой гул стоял на море; но тут все замечались по палубе.

Герман был превосходным пловцом, и хотя было совершенно очевидно, что он подвергался смертельной опасности, мы всей душой надеялись, что ему удастся догнать плот.

Торстейн был ближе всех к Герману; он кинулся к бамбуковому вороту с тросом, которым крепилась спасательная лодка. Это был первый и единственный раз за все плавание, когда трос заело! Теперь все решали секунды. Германа отнесло уже к корме, и его единственной надеждой оставалось успеть дотянуться до весла и зацепиться за него. Он сделал рывок, стараясь ухватиться за лопасть... тщетно — она выскользнула у него из рук. И вот мы увидели, как наш товарищ очутился как раз в той зоне, которая — как мы не раз имели случай убедиться в этом — была вне нашей досягаемости. Мы с Бенгтом спустили на воду надувную лодку; в это же время Кнют и Эрик пытались добросить до Германа спасательный круг. Он всегда висел наготове с длинным тросом у наружного угла тижины, однако сегодня напор ветра был таким сильным, что круг неизменно отбрасывало обратно на плот. Как ни напрягал свои силы Герман, он все более отставал от плота, и расстояние это увеличивалось с каждым порывом ветра. Было ясно, что ему уже не удастся сократить просвет. Оставалась еще слабая надежда на надувную лодку. Без тормозящего ее движение троса мы, возможно, и смогли бы пробиться к Герману, но как потом нагнать «Кон-Тики»? Как бы то ни было, решили мы, втроем на лодке можно еще на что-то надеяться, а один в море он был заведомо обречен.

Внезапно мы увидели, что Кнют бросился в волны, держа в одной руке спасательный круг, и поплыл изо всех сил навстречу Герману. Вот на гребне, заслонившем от нас Германа, мелькнула его голова, а вот Герман поднялся на высокой волне, между тем как Кнют скрылся в ложбине. И вдруг мы увидели их рядом друг с другом — они пробрались сквозь валы и держались теперь вдвоем за круг. Кнют сигнализировал рукой; тем временем мы уже вытаскивали обратно надувную лодку и поспешно принялись вчетвером выбирать трос, привязанный к спасательному кругу, не спуская глаз с загадочного темно-зеленого существа, которое то и дело показывалось над водой и немало пугало Кнюта, пока он плыл к Герману. Из всех нас один Герман знал, что это была не акула, не какое-либо другое чудовище, а просто непромокаемый спальный мешок Торстейна, наполнившийся с одного конца воздухом. Правда, он недолго проплавал после того, как мы вытянули на борт наших друзей; и мы невольно подумали, что тот, кто утянул мешок под воду, прозевал куда более ценную добычу...

— Слава богу, что меня не было внутри, — произнес Торстейн, занимая свое место у руля. Вообще же мы не были расположены остричь в тот вечер. Долго еще по нашим спинам

пробежал холодок, тут же сменявшийся чувством острой радости от сознания того, что нас по-прежнему на борту шестеро».

Извините за длинную цитату, это, как вы поняли сами, из «Ком-Тики». У нас на «Ра» таких происшествий, к счастью, не было, даже в прошлом году, когда мы были далеко не так осмотрительны, как теперь.

А может, наоборот, именно тогда мы, по первости, были более осмотрительны? Абдулла с Сантьяго надстраивали фальшборт, Абдулла поскользнулся и свалился, но при нем был страховочный конец, он окнулся и вылез, отделался легким испугом, мы настолько не беспокоились за него, что Карло даже снимал все это на киноплёнку. А сегодня — где, к примеру, мой страховочный конец, куда я его засунул?

Вспоминается еще одна история в том же роде. Я сидел в хижине, а на палубе орала обезьяна, я никак не мог понять, почему она орет, потом вдруг Карло стал меня звать, и я выскочил, смотрю — борт частью разъехался, папирусные связки болтаются в воде, а к ним как раз обезьяна и привязана. Свободно ее могло бы утащить, но Абдулла бросился, притянул связки обратно, все его очень хвалили, он радовался и сиял.

Абдулла — и опять Абдулла, ради Сафи, — вот и все, больше незапланированных отлучек с борта «Ра» в прошлом году не было. Хорошо если бы и теперь Жорж остался исключением.

Тур, видимо, крепко озаботился. Назавтра во время обеда он вновь завел разговор о прыжке Жоржа и снова выразил надежду, что такое более никогда не повторится. Кроме того, он заметил, что практика спасения упавших за борт у нас не на высоте, никто не знает, как в эти минуты должно действовать.

Тут слова попросил Норман, бывалый морской волк.

Он начал с того, что напомнил, как он сам на больших кораблях был свидетелем падения людей за борт, и принялся было не спеша рассказывать по порядку, но мы в один голос закричали, что все это слышали неоднократно в прошлом году и знаем, что на памяти Нормана четыре происшествия и лишь одно из них закончилось счастливо.

— Хорошо, — невозмутимо согласился Норман. — Тогда я расскажу о том, каков должен быть порядок. Первое... — он сделал паузу. — Первое — никакой паники.

Жорж довольно хмыкнул:

— Второе... — Норман вновь сделал паузу.

— ...выбросить за борт спасательный круг, — подсказал Жорж.

— Нет, — сказал Норман назидательно. — Второе — вахтенный должен оповестить всех, что человек упал за борт!

— Сомневаюсь, что кто-либо станет держать это в тайне, — пробурчал Тур себе под нос, и мы разразились хохотом.

Мы вели себя, каюсь, словно мальчишки на скучном уроке, однако Норман, к его чести, не обращал на нашу неуместную веселость внимания, он был серьезен и пункт за пунктом излагал программу, принятую для таких ситуаций на парусных судах:

1. Вахтенный кричит: «Человек за бортом!»
2. Вахтенный ставит лодку против ветра.
3. Вахтенный следит за упавшим не отрываясь (Норман очень выразительно показал, как надо следить, вытаращил глаза и закрутил головой во все стороны).
4. Остальные должны спасать — бросить круг, спустить надувную лодку и так далее.

Лично для меня последствия этого семинара оказались довольно беспокойными. Часа два я возился со спасательным кругом, удлинял веревку — все по милости Жоржа!

Что касается мачты, героически спасенной им, то замысел волнореза в процессе — и в результате — описанных событий как-то незаметно увял, и опять идут нескончаемые споры, куда ее девать, распроклятую. Тур твердит, что выбрасывать плавучий материал — сущий идиотизм (между тем, я убежден, что он был бы втайне рад, если бы мачта уплыла и тем избавила его от хлопот). Предлагаются самые невероятные проекты — но она и по сей день лежит на палубе ненужным балластом.

Жорж споткнулся об нее и выругался:

— Столько огорчений из-за тебя, дуры!

Норман, Тур, Мадани заняты парусом... Не гротом, а запасным, маленьким, — Норман дважды пробовал приспособить его на посу, как бы кливером, но ничего не вышло, ветер загораживало гротом, — тогда решили поднять его на грот-мачту...

Там, где два, вполне может быть и третий, как в прошлом году. Норман загорелся: «Поставим, где наш косой?» Косой парус, привязанный к борту и мостику, несколько дней уже служил защитой от волн. «Идея! — сказал Сантьяго. — Заменим его куском брезента!» — так мы и сделали, и к вечеру над нами было три паруса, вооружение «Ра» стало максимальным.

За кормой появилась акула, думаю, все та же, она сопровождает нас уже давно, из породы серых, довольно большая — метра три-четыре.

Следующий день был хороший, прошли 57 миль, светило солнышко, но вдруг стало пасмурно и Тур, стоявший на вахте, сказал, что, кажется, будет шторм. Мы принялись убирать с палубы лишнее, увязывать багажник на крыше, а Тур и Норман пытались продеть веревки в средние серьги большого паруса, эти серьги метрах в четырех над палубой, весьма сложно до них дотянуться, но Тур соорудил нечто вроде крюка, взобрался на

мачту и, откинувшись, держась одной рукой, зацепил-таки парус за ушко, и тут уже нам всем нашлась работа: объединенными усилиями подтащили парус к мачте и Норман, вися по-цирковому, вдел канат сперва в одну серьгу, затем в другую.

Эта дополнительная страховка предпринята на случай, если придется убирать парус, — Тур опасается, что намокший парус рухнет всей тяжестью на наш соломенный нос и ломает его.

Готовились капитально, а шторм разменялся на мелочь: небольшой дождик, часа через два — опять дождик, и все. Нельзя сказать, что это нас огорчило и разочаровало.

Утром того же дня состоялся мой первый радиоразговор с Ленинградом, если считать это разговором, конечно, — я слышал превосходно, а меня — отвратительно, ни слова не разбирали. Было тем обиднее, что только что, передо мной, Норман долго совещался с Крисом Бокели, потом диктовал длиннющий репортаж Тура, и связь держалась прилично, а мне не повезло.

Вообще в этом году радиоконтакты гораздо реже и хуже. Одна надежда на Ивон — она обещала посылать всем нашим родственникам письма с подробной, насколько это в ее возможностях, информацией о плавании «Ра».

Стало еще теплее; о куртке, джинсах и тапочках вспоминаю лишь ночью, когда собираюсь на вахту, так как на мостике ветрено. Седьмого июня народилась новая луна, она тонкая и изящная, окруженная звездами, и появляется рано, часов в девятнадцать, когда еще светло.

Кстати, мы давно не переводили часы, живем не по местному, а кто его знает по какому времени, темнота у нас наступает около 21.30, а рассвет — в 6.30 — 7.00. Решено пока что стрелок не трогать, не сбивать своих привычек.

С луной веселее, океан не кажется таким суровым и чуждым. Странно, что я мог раньше луну не любить, она навевала тоску, особенно в детстве, зимой, в лесу, а здесь — наоборот: спрячется в тучу и сразу тоскливо.

На корабле введен новый питьевой режим. Провиантмейстер Сантьяго обследовал кувшины с водой, рассчитал наш расход и пришел к выводу, что если не подождемся, то через двадцать дней останемся на бобах. Теперь решено: по литру на сутки в индивидуальную фляжку и по два литра на каждую из трех общих трапез, итого $1 \times 8 + 2 \times 3 = 14$. Четырнадцать литров в день на всех, и точка, и пить из кувшина, который на камбузе, запрещено.

Сантьяго перестарался, для вящей экономии смешал в кухонном кувшине пресную воду с морской, это сочетание и в супе, и в чае преотвратительно, у меня разболелся желудок, и опять я дня два-три не брался за перо, дневник лежал заброшенный, а

записывать было что, хотя бы цифры суточных переходов, — восемьдесят миль в день! Мы летели, как на крыльях, уже почти половина пути до Барбадоса была сделана, и на карте линия нашего курса выглядела прямой, как стрела.

Мы никогда не шли так на «Ра-1».

От недугов своих я врачевался трудотерапией, укрепляя брезентовую стенку слева на корме, а то там волнам раздолье. Плохо, что веревки у нас нынче в цене, раньше их расходовали как хотели, а теперь собираемся, связываем обрывки или расплетаем толстые, чтобы получить несколько тонких.

Позавчера Тур, самый чуткий к запахам, объявил, что по левому борту между хижинкой и мостиком чем-то пахнет. Вскоре он уточнил: пахнет газом, это нас встревожило, в прошлом году у нас была утечка. Проверили баллоны с газом — ничего. Сантьяго лично обнюхал рундук-завалинку — ничего. Но запах есть, и теперь мы все его ощущаем, несет гнилью, особенно это чувствуется, когда волна переклестывает через борт и устремляется под хижину.

Сегодня Тур, Норман и Карло решили обревизовать кувшин с яйцами — и разбили его, потеряна добрая сотня яиц — черт с ними, неважно, деликатес, обойдемся макаронами и овсянкой. Тем более, что сравнительно скоро, в конце июня, мы встретимся с киносьемочной яхтой, и тогда будет у нас вдоволь и яиц, и фруктов, и воды.

Сменю-ка я тему и расскажу поподробнее о нашем зверинце.

Итак, первый наш пассажир — селезень Синдбад-Мореход. Ночью он спит в корзинке-люльке, подвешенной на носу, днем важно расхаживает по палубе. Он весьма серьезен, сердит, до сих пор к нам не привык и недовольно крикает, когда кто-либо подходит слишком близко.

Голубь Юби тоже до сих пор с нами, живет на крыше хижины, там Жорж приспособил для него домик из картона, но Юби предпочитает сидеть на свежем воздухе и залезает в домик только в случае дождя. Иногда он взлетает, делает круг над кораблем и возвращается обратно.

И, наконец, четвероногая-четверорукая Сафи, заядлая путешественница, единственная, пожалуй, из нас, кому на борту вольготнее, чем на суше.

День ее начинается с того, что ее умывают и переодевают в свежие штанишки, этим занимается обер-камердинер Жорж, а гофкухмейстер Карло уже стоит наготове с куском печенья, затем министр этикета Сантьяго привязывает высокородную даму на длинной цепочке к мостику и Сафи берется за дело. Главная задача — стянуть, что плохо лежит, тетрадь, карандаш, лекарство, бинт и так далее, и все в рот. За сегодняшнее утро,

например, она успела попортить блокнот с записями курса и утащить зубную щетку.

Далее, ей очень нравится прыгать с крыши хижины на ванты и на треугольный парус, который, прогибаясь под ветром, образует словно специально для Сафи удобный гамак. К сожалению, это не всегда возможно, только если люди отпустят цепочку на полную длину, — тогда сальто и кульбиты следуют одно за другим, а попутно можно успеть поинтересоваться и прической Тура, и карманом Юрия, и багажом на крыше, а прикрикнув и шлепнув — не беда, в ответ полагается фыркнуть и скорчить гримасу.

Сафи необычайно любопытна. Когда кто-нибудь из нас облачается в гидрокостюм, она повизгивает от страха, наблюдая, как хозяин превращается в непонятное черное чудище, но все-таки ползет к борту вслед за прыгнувшим, заглянуть, как он там, среди ужасных рыб, в ужасной воде, — визжит, а ползет, готовая тут же ринуться наутек и опять вернуться.

Она любит общество. Толчется обязательно в самых тесных, в самых людных местах, и если, например, опускают в воду весло, то Сафи тут как тут, а если я вшиваю веревку в парус, то Сафи прыгает вокруг, норовя попасть под иглу.

С наступлением сумерек Жорж переносит ее в специальный ящик с поддоном, подвешенный под потолком хижины. В этом ящике она и спит — вместе со своей любимицей, смешной и безобразной резиновой лягушкой.

Ивон говорила мне, что она предлагала Сафи множество игрушек, но Сафи либо бросала их, либо ломала, а эту вот полюбила и обращается с ней бережно, как с ребенком, и уходит в свой ящик, нежно прижимая ее к груди.

Однажды после ленча я отстегнул Сафи от цепочки и, привязав длинный шкерт к ее поясному ремню, пустил ее гулять по палубе. Сафи резвилась на вантах, бегала по крыше хижины и по мостику, а Кей умиленно снимал на пленку этот процесс. Потом я забрался с ней на мачту, потом мы пустили ее на нос, где кейфовал Синдбад, и Сафи его немного пощипала. Внезапно веревка развязалась, и обезьяна обрела свободу!

Она пулей взлетела по канату на верхушку мачты и уселась там, весьма собой довольная.

Мы замерли от страха, мы представляли себе, что будет с Туром, если Сафи упадет за борт. А Тур уже все заметил, он кричал нам: «Сафи на воле!» — мы и сами прекрасно это видели, приманивали ее фруктами, орехами, конфетами, ничто не помогало. Она сидела наверху и, видимо, не собиралась спускаться.

Тогда Сантьяго принес лягушку.

Увидев ее и услышав ее жалобный писк, Сафи мгновенно слезла вниз и стала отбирать у мучителя свою любимицу. На том обезьянья самоволка и кончилась.

Иногда по вечерам Тур берет ее к себе на руки, и Сафп блаженствует, ворошит волосы у него на груди, снимает с них очень ловко и забавно кристаллики соли и лакомится. Что еще? Да, изредка мы устраиваем ей купанье. Вначале она сердится, зато после — счастлива и любовно чешет свой ставший пушистым мех.

Сейчас она сидит на рукоятке рулевого весла (о рукоятку эту каждый вахтенный, всходя на мостик, ритуально ударяется головой, и поэтому пришлось обмотать дерево ватой) и верещит, просто так, от деловитости, а может, чувствует, что я пишу о ней? Пора закругляться, у Сантьяго опять идея, они с Норманом таскают вдоль палубы охапки папируса и буркают, проходя мимо: «Осторожно, литературный салон!» Однако я еще поиспытываю чуть-чуть их терпение, мне хочется, пока не забыл, объяснить, почему любое дело на «Ра» движется медленно.

После первого плаванья меня часто спрашивали друзья, куда девалось время, ведь невозможно весь день работать. А я отвечал, что от зари до зари мы были заняты, и не грешил против истины. Во-первых, не менее четырех часов уходит на вахты. Три часа тратим на еду, восемь — десять часов — на сон. Казалось бы, все равно остается семь часов, куда они деваются? Я пытался проследить. Разумеется, некую часть их мы теряем попусту, на праздные разговоры, но болтовня, как правило, начинается с наступлением темноты, когда без особой нужды работать не будешь. А светлая половина суток, чем она заполнена?

Вот, к примеру, сегодня я потратил четыре часа, чтобы привязать па корме брезент. Задача в принципе простая, но ведь сперва нужно брезент приготовить, найти веревки, подобрать их по длине, обрезать, обмотать концы липкой лентой, и все это на непрерывно качающейся, ускользящей из-под ног палубе, заливаемой к тому же водой, — и если ты, например, пользуешься ножом, то его пужно не только взять умеючи, но и умеючи положить обратно, не просто рядом — он исчезнет, его смоет, — а укрепить, воткнуть во что-либо. Даже эта писанина отнимает здесь в три — четыре раза больше времени, чем на суше. Прежде чем занести несколько строчек в дневник, необходимо устроиться, найти удобное место, установить — если почь — керосиновую лампу, причем ее тоже надо привязать, чтобы не свалилась.

Вдобавок ко всему, не всегда мы полны сил и энергии. Вернее, почти всегда не полны — одолевает вялость, сонливость, возможно, это следствие качки, вернее же — непрерывно меняющегося биоритма, неполноценного отдыха, постоянного нервного напряжения.

Любопытна в данной связи эволюция наших переживаний, вызванных мужским одиночеством.

Сперва мы демонстративно кляли его на каждом шагу на все лады, преувеличенно нетерпеливо предвкушали, чем оно кончится. Жорж живописал: «Только высадимся, сразу знакомлюсь с первой же встречной, бегом с ней в гостиницу — а уж потом готов давать интервью».

Затем пора бравады прошла и наступила полоса бесконечных бесед о женах, о любимых — бесед идиллических и порой сентиментальных.

Но и это была не тоска, а лишь ее преддверие.

Позже мы замолчали. словно, не сговариваясь, запретили себе касаться этих тем...

Идем с завидной скоростью, так как находимся — Норман показал по карте — в зоне сильных ветров и мощного течения. Вместе с ветром пришли волны, нас сильно качает и заливаает пуще прежнего.

Спрашиваю Нормана, возможны ли одновременно свежий ветер и гладкий океан. Норман в восторге от моей любознательности, он очень любит учить новичков морскому делу. Собирается с мыслями и говорит:

— Волны зависят от ветра, причем здесь играют роль три обстоятельства. Во-первых, сила ветра — чем он сильнее, тем большую волну может развести. Во-вторых, его продолжительность — чем дольше он дует, тем сильнее волны. И, в-третьих, расстояние — чем на большую зону распространяется ветер, тем волна мощнее. Безусловно, спокойную воду при ветре можно встретить у берега, но посреди океана такое немислимо, так что приготовься — если карта не врет, копейно.

Карта не врет, но, мягко говоря, ошибается. Ветер вдруг заметно стих, так и не показав по-настоящему, на что способен, и скорость сразу уменьшилась, хотя и остается приличной.

Нужно, к слову, внести ясность: на своем приличном ходу мы едва-едва обогнали бы пешехода. В сущности, мы не плывем, а ползем, и радуемся, если с черепашьего шага перебираемся на черепашью рысь, — но все относительно, на борту «Ра» многие привычные понятия смещены.

После ужина мы долго болтали с Норманом, Сантьяго и Жоржем, прикидывали, когда и куда прибудем. К концу разговора я случайно заглянул за нашу брезентовую загородку по правому борту и увидел осколки амфоры.

— Эй, Сантьяго, амфора разбилась!

Сантьяго глянул и уточнил:

— Две.

Там были две амфоры, большие, следовательно, мы потеряли еще добрых тридцать литров воды, трех-с-половиной-дневный запас.

Черепки мы выбросили и уговорились Туру ничего не сообщать, очень уж он расстроился бы. Если и дальше так пойдет, нам, пожалуй, придется по примеру Бомбара пить сок летучих рыбок. Благо они принялись к нам залетать, а вчера Карло поймал на спиннинг корифену, первую нашу в этом году добычу. Она была золотой, когда ее вытащили на палубу, но потом цвет ее поблек. Жареная, она — объеденье.

Четырнадцатое июня, двадцать девятый день. За сутки пройдено 73 мили, средняя скорость плавания — 54,8 мили в сутки. Расстояние от Сафи — 1589 миль, или 2963 километра, до Барбодоса — чуть-чуть подальше.

Сегодня воскресенье, по воскресеньям мы традиционно отдыхаем, но провиантмейстер и врач вышли на локальный аврал: все те же водяные дела.

Сантьяго обнаружил, что два кувшина с водой — не те, разбитые, а уже другие — наполовину пусты. Наваждение какое-то! Положение и впрямь становится весьма щекотливым. У нас осталось девять больших амфор, по восемнадцать—двадцать литров, и пятнадцать маленьких, десятилитровых, это всего триста тридцать литров. А даже при самом экономном расходе уходит пятнадцать (в четырнадцать никак не уложиться) литров в сутки. Стало быть, воды у нас на двадцать два дня.

До ожидаемой встречи с яхтой осталось пятнадцать дней, это как будто обнадеживает — не только дотянем, а даже целая неделя в запасе. Но а) вдруг встреча не состоится вовремя? и б) неизвестно, окажется ли на яхте лишняя вода, Тур до сих пор ее не запросил.

Мы говорили с ним на эту тему, он в перешителности, не знает, как поступить: просить о пополнении запасов — дать лишний козырь в руки оппонентам, древних мореплавателей никто в океане не подкармливал и не утолял их жажду.

Полезли под хижину проверять амфоры, с трепетом, заранее уверив себя, что зрелище будет ужасным: осколки, трещины, струи из протекших пробок. Но предчувствия обманули, амфоры стояли целенькие, толстенные, только одна оказалась полупустой, у прочих пробки держались крепко.

Мы оставили ввизу три амфоры, только три, как неприкосновенный запас, привязав их накрепко чем возможно и к чему возможно. Остальные вынули и поместили в ящики, на которых

спим, так что теперь мы — Кащеи, храпящие на сундуках с главным своим богатством.

Порожние амфоры завтра укреним на корме, пусть увеличат ее плавучесть — на корме начинает застаиваться морская вода, как в незабвенные времена «Ра-1».

Утром Карло забросил удочку и стал тягать небольших рыбок, в пятнадцать сантиметров от головы до хвоста. Это так называемые пампано. Тур говорит, что они обычно сопровождают в океане всякую бесхозную рухлядь, а мимо нас как раз проплыла громадная сеть. Видимо, часть ее эскорта и перекинулась на нашу сторону.

Норман надел маску и нырнул посмотреть, сколько под нами рыб. Вернувшись, он сообщил, что там их с полсотни. Пятьдесят процентов мы тут же выловили, и Жорж приготовил роскошный ленч — жареные пампано, рыбный салат, сэндвичи, под вино все это великолепно!

Карло сердится неизвестно на что, отмалчивается, а между тем он нездоров, что-то с обменом веществ, надо бы его полечить, а не подступиться. Пробовал просить Тура, чтобы он дал Карло лекарство якобы от себя, но Тур говорит, что Карло дуется и на него, так что выхода пока нет.

У Сафи на мизинце содрана кожа, палец распух, кровоточит и гноится. Обработал, перевязал, обмотал ступню лейкопластырем и специальным бинтом, и бедняжка сейчас хромает. Четыре повязки она, правда, уже содрала.

Идем хорошо, ветер достаточно сильный, океан умеренный. Несколько уклонились к югу и держим 260° зюйд-вест.

Вот, пожалуй, и все.

Нет, не все, конечно, не все — день-то какой сегодня знаменательный. Прошел первый месяц плавания — и пройдена первая половина пути!

Хорошо помню этот день в прошлом году.

Жорж повесил на стенку хижины, со стороны камбуза, табличку, на которой в окружении всяческих алгебраических и лимических формул значилось что-то вроде «Карлушин ристаран». Мы собрались в «ристаране» принаряженные, включая Сафи, — она блистала в пластиковом фраке с эмблемой «Ра». Открыли шампанское. Пили, пели, шутили, Жорж превзошел себя — Тур даже пообещал, что пошлет его матери хвалебную радиogramму. Карло снимал всех на пленку, потом они с Туром поменялись местами и Тур снимал его и нас. Было весело, тепло и уютно. Опять капитан и штурман соревновались в аппетите, и Жорж провозгласил гост за здоровье обоим, а Тур дополнил: «Нет-нет, за здоровье всех семерых!»

Нынче настроение другое и погода другая. Солнца почти нет, очень влажно и душно, шевелиться неохота. Но Сантьяго все же пошевелился, извлек из заглашника две бутылки шампанского. Жорж подвесил их на мачте, чтобы на ветерке охладиться, — в воду опускать их здесь смысла нет.

Сходились и рассаживались, готовые поддержать традицию, вежливо порадовавшись, но должного тонуса не было, что-то словно висело над всеми, то ли огорченья с водой, то ли усталость, то ли вообще стали мы, черт возьми, старше и равнодушнее и на смену прошлогоднему энтузиазму пришла привычка: в самом деле, мы уже ощущали себя не первопроходцами, а чуть-чуть рейсовиками, не поэтами, а ремесленниками океана...

А тут еще Сантьяго окликнул Жоржа писклявым, якобы женским голосом, он и раньше не раз так шутил, поддразнивал, но сегодня Жорж взорвался, окружающие мгновенно сдетонировали — и разразился скандал.

Не буду его описывать, не стану воспроизводить нашу более чем часовую дискуссию — она касалась распорядка вахт, помощи в мытье посуды, отлынивания и, наоборот, выскакивания поперед бачки, опаздыванья к трапезам и любви к чужим полотенцам, — это был отличный интернациональный хай, в котором итальянская экспансивность удачно сочеталась с мексиканским ядом, американскую же прямолинейность выгодно оттенял, простите, русский фольклор.

Деликатный Кей только глазами хлопал, Мадани, отчаявшись хоть что-то понять, сжался в комочек, а бледный Тур кусал губы. Я на его месте давно бы стукнул по столу, но он не вмешивался, давал нам выкричаться.

Впервые мы так «беседовали» друг с другом. И когда накал полемики достиг наивысшего значения, когда, казалось, на палубе «Ра» вот-вот должны были замелькать кулаки, вдруг все умолкло.

Вдруг открылось, всем сразу и каждому в отдельности, какая нас волнует чепуха, на какую дрянную мелочь — на окурки, на грязные тарелки — мы размениваем нашу экспедицию, наш славный кораблик, нашу мужскую общность, рожденную в суровой работе, под свист ветра и рев океанских валов.

Каждый взглянул на соседа и усмехнулся несмело и смущенно, и грянул хохот, целительный, очищающий, как майская гроза.

Сантьяго привалился к плечу Карло, Норман шуточно ткнул меня под мыщетки, Жорж кошкой вскарабкался на мачту за шампанским, и на «Ра-2» начался пир!

Мы разошлись только в два часа ночи, случай вообще неслыханный в обоих плаваниях, — пили, ели, опять пили, и говорили,

говорили, никак не могли наговориться, будто встретились после долгой разлуки.

Да так, в общем, оно и было.

Рухнули перегородки, неизвестно во имя чего построенные, перегородки, разделявшие нас, встали точки над «и», определились отношения, и праздник, нелепо и неприятно начавшийся, преподнес нам действительно драгоценный сюрприз.

Вахтенные улыбались в ту ночь, и долго-долго посреди Атлантики, под огромной лупой, на хлипком травяном островке звучала губная гармоника Нормана...

РАССУЖДЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

**которое следует считать
продолжением третьего, предыдущего**

Среди предметов, плававших со мной на «Ра-2», была тетрадь в картонной обложке.

Половина ее исписана еще до путешествия и не моей рукой. Дальше — на многих страницах — колонки цифр, столбки плюсов и минусов, отрывочные фразы разными почерками: «о'кей», «не совсем», «неважно», «извините» и прочие, такие же содержательные. Будто мои спутники забавлялись, оставляя по очереди автографы на разлинованных листах.

Этих автографов с нетерпением ждали люди, интересы которых я на борту папирусного судна в меру сил и умения представлял.

Судовому врачу «Ра» надлежало заниматься отнюдь не только практическим врачеваньем. Планировалась программа научных исследований, довольно обширная, и надо сказать сразу, что полностью выполнить ее не удалось. Прежде всего, мне не повезло как физиологу. Я думал, что проведу изучение водно-солевого обмена, но на «Ра» не было ни места, чтобы развернуть походную лабораторию, ни времени, да и сухопутная методика оказалась непригодной. Так что опыты эти, к сожалению, пришлось отложить.

Похожее вышло и с наблюдениями над вестибулярным аппаратом — они тоже были намечены и тоже, в общем, не осуществились.

Оставались задания, полученные от психологов.

Психологам наше плаванье давало идеальную возможность поставить эксперимент методом «вспомогательного „я“».

Метод этот в обыденной жизни известен еще с легендарных времен Гарун-аль-Рашида. Помните, как он инкогнито бродил по улицам ночного Багдада и заговаривал с горожанами? Ходжа Насреддин, неузнанный, в чайхане; Пушкин в красной рубахе среди крестьян на Святогорской ярмарке; Михаил Кольцов, за рулевой баранкой собирающий материал для репортажа «Три дня в такси», — все это в той или иной форме «вспомогательное эго», маскарад, предпринимаемый для того, чтобы увидеть явление «изнутри».

Впрочем, возможно, я здесь объединяю «вспомогательное „я“» с «включенным наблюдением». Первый термин — в ходу у психологов, второй — у социологов. Но социальная психология и социология настолько тесно связаны, и наблюдение так редко бывает чисто регистрирующим, пассивным, что можно пренебречь терминологическими оттенками: там и тут исследователь включается на правах участника в подопытную среду, что позволяет ему взглянуть на вещи более пристально и всерьез.

Мои друзья и коллеги хотели обязательно, чтоб всерьез. Они беспокоились, как бы мое «я», когда оно станет «вспомогательным», не попало впросак, и сочинили инструкцию, длинную — на добрую половину тетради в картонной обложке, — трогательно подробную, со сносками и примечаниями («Не забывать выключать прибор! Подсядут батареи!»), с прощальной припиской: «Счастливого пути, Юра! До встречи!»

Три четверти инструкции относились к «гомеостату» — тому самому, который требовалось «не забывать выключать».

Представьте себе несколько душевых кабин, в которые вода поступает последовательно. Теперь пусть в кабины войдут люди и, манипулируя кранами «Гор.» и «Хол.», попытаются создать себе оптимальную температуру для мытья. Нетрудно догадаться, что это займет немало времени, так как сосед будет мешать соседу, бросать его то в холод, то в жар, пока наконец действия всех не согласуются.

Говорят, что именно в душевой профессору Федору Дмитриевичу Горбову пришла мысль об устройстве, на котором можно моделировать групповые взаимосвязи.

У меня был с собой «гомеостат», рассчитанный на трех операторов. Это значило, что три испытуемых могли одновременно взяться за ручки потенциометров и постараться как можно скорее загнать индикаторные стрелки на нуль. Однако электрическая схема приборов была такова, что, гоня свою стрелку, каждый создавал помехи стрелкам соседей — то есть требовалось, как в примере с душем, нащупать равнодействующую, согласовать манипуляции, выработать индивидуальную тактику с учетом стратегии общегрупповой.

Переговариваться и командовать не разрешалось: смотри на стрелку, улавливай ритм ее прыжков и самостоятельно принимай решения.

Тут сразу возникают сшибки характеров: кто-то беспорядочно крутит верньер, кто-то сердито отстраняется: «Ничего не выйдет, аппарат неисправен!», а иной возьмет и уведет свою стрелку влево от нуля, как можно дальше, чтобы зашкалило, — тогда у партнеров стрелки на столько же отклонятся вправо, их будут лихорадочно посылать на место и тем сообща помогать тебе, и ты

добьешься победы раньше остальных, потому что применил тактику не ведомого, а лидера, заставил всю группу себе служить.

Любая подробность подлежала занесению в протокол: кто как себя вел, кто раньше закончил, сколько секунд или минут затретила на задание группа в целом.

Постепенно следовало задачу усложнять, перераспределяя ток, с тем чтобы движение стрелок становилось несимметричным. сосед отклонил стрелку чуть-чуть, а у тебя она прыгнула в противоположную сторону на целых полшкалы; посторонние влияния стали сугубо мощными. Если все же их нейтрализуешь — значит, твой КВ¹ достаточно высок.

Обо всем этом можно рассказывать долго, но боюсь слишком отвлекаться.

Кроме «гомеостата», в моем арсенале были разнообразные тесты.

С тестами пришлось повозиться, особенно с так называемым Миннесотским опросником, — о нем инструкция предупреждала сочувственно: «...Значительная по времени работа, но она необходима». Шутка ли — 566 вопросов, касающихся самых различных сторон личности!

Хорошо хоть формулировки предполагали лишь односложный ответ, да или нет, плюс или минус. Я зачитывал по порядку строку за строкой из длиннющего перечня. Некоторые из них в наших обстоятельствах звучали комично: «205. Иногда я не могу удержаться от того, чтобы где-нибудь что-нибудь не стянуть». Испытуемые ставили в своих листках под соответствующим номером соответствующий значок: «минут, минус, минус, минус, минус-плюс («не знаю, не уверен точно»), минус, минус, плюс...».

Выяснялись любопытные вещи. Оказывалось, между прочим, что ни Тур, ни Норман, в отличие от Жоржа и Карло, не испытывают повышенной тяги к путешествиям, что всем, кроме Карло, нетрудно разговориться в автобусе с незнакомым человеком, что Жоржа не волнует, как думают о нем другие, а Сантьяго и Нормана — волнует, и очень, — но, разумеется, не ради подобных «открытий» огород городился. Результаты опроса должны были быть обработаны всесторонне и тщательно, позднее, на берегу.

Использовались и другие опросники, кроме Миннесотского, — тест Солла-Розенцвейга, например: серия из двадцати четырех картинок, и на каждой — неприятная ситуация. Гостья разбила любимую вазу хозяйки, официант нагрубил клиенту, шофер не

¹ КВ — коэффициент взаимосвязи; величина условная, выражается дробью: отношение воздействия на партнера к воздействию на собственный стрелочный прибор.

доставил вовремя пассажира к поезду. Представь себе, что пострадавший — ты, и кратко, не раздумывая, вырази свое отношение к событию.

Показываю товарищам картинку: расстроенный портье вручает постояльцу полуразорванную газету. Над головой портье, в «пузыре», — его извинения: «Простите, ради бога, это мой мальчик, он нечаянно...» Что бы сказали на месте постояльца?

Тур (незлобиво, но чуть саркастически): Я полагаю, газету еще можно прочесть?

Сантьяго и Жорж (мирно): О'кей, забудем.

Карло (с огорчением): Что за шалун! Вы не должны были давать это ребенку!

Мадани (сдержанно): Ладно, но не давайте детям чужие вещи.

Следующая картинка. Двое ссорятся. «Вы лжец, и вы сами это прекрасно знаете!» — бросает в лицо один другому.

«Если я и лгу, то не так хорошо, чтобы самому верить в это», — парирует Тур.

Сантьяго переходит в нападение: «Почему?! С чего вы взяли, что я лжец?!»

Жорж и Карло испытывают желание оправдаться: «Вы не правы», «Вы ошибаетесь».

Мадани недоумевает: «Пардон, не ослышался ли я?»

Игра? Да, и нехитрая, с ее вариантами вы могли встретиться, скажем, на страницах журнала «Наука и жизнь» или «Семья и школа». Она непритязательна, но в то же время дает материал для психологических изысканий. В ее ходе определяется, как испытуемый реагирует на фрустрацию, то есть на условия, когда нужно внутренне напрячься, чтобы преодолеть определенную трудность.

Забавно было отождествлять себя с посетителем кафе, лишившимся шляпы по недосмотру гардеробщика, или с влюбленным, к которому опаздывают на свиданье, между тем как вокруг нас кипели волны и разгуливался ветер: наша фрустрация была несколько более значимой. Но то, как мы ее переживали, в значительной степени отражалось в наших откликах на шуточные рисунки, и записям, сделанным вроде бы из баловства, предстояло в дальнейшем стать довольно важным документом.

Таблицы тестовых испытаний, протоколы опытов на «гомеостате» складывались как бы в серию репортажных снимков жизни экипажа «Ра», в коллекцию микросрезов нашего внутреннего состояния. Срезы повторяли, подкрепляли, дополняли друг друга — проба на лидерство, проба на общительность, проба на тревогу, — но у всех у них был органический недостаток: одномоментность, дискретность.

Остановленное мгновение перестает быть мгновением; киноплёнка, если её рассматривать на свет кадрик за кадриком, живого ощущения движения не даёт.

Чтобы заполнить неминуемые пробелы между поперечными срезами, требовался ещё один срез, продольный, протяжённый во времени. Им должен был явиться мой дневник.

Психологи специально и настойчиво предупреждали меня, чтобы я вел его без пропусков, изо дня в день, подробно, отмечая мельчайшие штрихи поведения товарищей, обращая сугубое внимание на оттенки их эмоций. О том, чтобы столь же пристально я наблюдал за Юрием Сенкевичем, даже не было речи. Это подраزمевалось само собой.

Вот к дневнику сейчас и вернемся.

Первые его страницы, как и в прошлом году, необычайно оптимистичны.

Мы съезжались в Сафи в радужном настроении. Что нам теперь могло угрожать? У нас появился мореходный опыт, мы «притерлись», приспособились один к другому, прошли что называется полосу прибоя — что для нас повторный рейс?

Я как заправский психолог-консультант выдал Туру уйму рекомендаций, основанных на материале прошлого плавания: надо сдерживать Нормана, если будет покрикивать, надо почаще хвалить Жоржа, надо, чтобы на долю Карло выпадала работа в основном систематическая и ритмичная, а Жоржу, наоборот, пусть достаются авралы, усилия кратковременные, но зато требующие полнейшей самоотдачи. А сам я должен быть более инициативен и более терпим к слабостям спутников, и пусть Тур, ежели что, не стесняется меня одернуть.

Тур слушал внимательно — и обронил загадочную фразу: «Надеюсь на новичков».

Это было странно, даже обидно. Робкий вежливый Кей. Мада ни в пиратской повязке — на них, выходит, надежда? А мы?!

— Мы слишком привыкли друг к другу, — объяснил Тур.

— Позволь, так это ж хорошо, что привыкли!

Тур скептически хмыкнул. И оказался прав.

Едва схлынула предстартовая горячка и улеглось возбуждение, связанное с началом пути, мы почувствовали, что дышится на борту «Ра» не совсем как раньше.

Выяснилось, во-первых, что мы меньше, чем в прошлом году, стремимся к общению. Зачем оно нам? Разве и без того каждый о каждом не знает уже все-все?

Во-вторых, обнаружилось, что мы перестали друг друга стесняться. Разгуливаем, фигурально говоря, в неглиже, не боимся ненароком задеть собеседника словом или жестом, откровенность наших реплик иногда чрезмерна и граничит с бестактностью.

И, наконец, в-третьих, открылось, что, как ни парадоксально, нам служат не всегда полезную службу воспоминания о «Ра-1».

«Ра-1» был нашим черновиком, и теперь мы словно переписывали черновик набело, с огромным тщанием, уверенные, что уж нынче-то не наврем ни в единой строчке, совершив чудеса каллиграфии и стилистики. Однако, корректируя опыт минувшего плавания, нам не к чему было обратиться, кроме как к собственной памяти, а память — штука коварная, она смещает масштабы, переоценивает ценности, собственные промахи смазывает, чужие — усугубляет...

У одного не шло из головы, что в прошлом году его слишком много со всех сторон воспитывали, и он, вероятно, поклялся себе, что впредь этого не допустит, и в штыки встречал любой совет.

Другой считал, что на «Ра-1» он был чересчур безотказен и покладист, и настроился этой ошибки не повторить.

Третий полагал, что за свои идеи достоин большего уважения, чем до сих пор ему оказывалось, и то вставал в позу обиженного, то лихорадочно распоряжался, то сетовал и грустил.

Я... — но обо мне пусть скажет кто-нибудь другой. Я тоже не без греха. И не раз на «Ра-2» казнил себя мысленно: «Так в прошлом году ты бы не поступил».

Наблюдалось, впрочем, и обратное. Благоприятно изменился Норман. Он оставил менторский тон, и сразу работать с ним стало легко, и хотя он по-прежнему произносил сентенции, они уже не раздражали, ибо не вызывало сомнения, что делается это из самых добрых чувств.

Да, дважды в одну и ту же реку, то бишь, в океан, не войдешь. Вода другая, и ты другой, с этой точки зрения дубль, который пришлось нам делать, явился для психологов неожиданным подарком. Возник особо выгодный случай подглядеть динамику совместимости!

Как бы тщательно ни подбирать, допустим, космонавтов для совместного полета, сколько бы вариантов их группового поведения ни просчитать загодя на ЭВМ, — все равно, пока повторно не обследуешь их на финише, считай, что ничего не предусмотрел. Да и финиш — значит ли он, что под проблемой подведена окончательная черта? Человеческий организм не всегда мгновенно реагирует на происшедшее. Реакция зреет, зреет — и вдруг качественный скачок, взрыв, с опозданием на месяцы и годы! Гипертония! Невроз!

Вероятно такое? Увы, вероятно.

Что предпринимать, чтобы такого не случилось?

Пользоваться всякой возможностью, чтобы изучить не результат, а процесс. Не только действие, но и преддействие, и последствие — лишь тогда точно определится, к примеру, кто больше

вредит себе — вспылчивый или сверхсдержанный, от чего больше проку группе — от шумных «идей» или от молчаливого несогласия.

Скажете: это прописи. Этому в школе учат. Эмоции, загоняемые вглубь, вредны; упрек молчанием более тягостен, чем открытое выяснение отношений, —

Верно! Все верно!

А на сколько процентов верно — на девяносто или на семьдесят пять?

И для каждого ли характера верно одинаково?

И для каждого ли сочетания характеров?

И при каких коллизиях?

И для каких сроков?

Мы еще слишком мало знаем, что приобретаем и чем рискуем в общении...

В прошлом плавапии тоже были опросы и тесты, и ценность этих данных бесспорна. Но она повысилась вдвое, когда оказалось, что сведения, полученные, как считали, уже «на выходе», — на самом деле взяты «из середины»: одноактная пьеса обернулась двухактной, до финального занавеса опять далеко, и актеры могут выкпнуть любой сюрприз, даже помянуться ролями.

Роли остались прежними, однако рисунок их обнаружил тягу к изменению.

Общительный, жизнерадостный, судя по тестам «Ра-1», прекрасно чувствующий себя в коллективе человек по тестам «Ра-2» выглядит несколько замкнутым и настороженным, вечно готовым к защите, причем показательно, что на многие пункты опросника он не дал нынче однозначных ответов.

Наш лидер минувшим летом был то что называют нормостеник — все личностные качества в «золотой середине». Теперь он тоже слегка умерил контактность, стал более замкнутым по сравнению с самим собой прежним — глядя на розенцвейговские картинки, он в основном отшучивается, но именно это отшучиванье свидетельствует о том, что он желал бы скрыть: налицо фрустрационная загруженность, беспокоит Тура океан, беспокоит корабль, беспокоит мы.

Среди его ответов тоже нынче многовато неопределенных: ни да, ни нет, надоело, неохота, и шли бы вы, психологи, со своими опросниками куда подальше.

Разумеется, он не произносит этого вслух; напротив, он подчеркнуто вежлив и деликатен, хотя заметно, чего ему стоит порой не дать волю нервам и не сорваться.

А вообще мы теперь срываемся чаще и по более пустяковым поводам, чем на «Ра-1».

В первом плавании взаимное недовольство вспыхивало сперва исключительно по «производственным» мотивам: не за ту веревку тянул, не туда поворачивал весло, не так бросал плавучий якорь.

Помню, как рассердился Норман, когда я наладил треугольный парус, нацепил его на штаг всеми петельками, разобрал фалы и, ужасно гордый собой, командовал поднимать, и вдруг открылось, что парус прикреплен вверх ногами!

Норману трудно было поставить себя на наше место, понять нашу неумелость, нашу скованность в непривычной обстановке, и он не давал нам спуску; властный его голос звучал на «Ра-1» чуть чаще, чем требовалось. Еще нужно учесть, что Норман при старте был болен, отдавал приказы из спального мешка, и от сознания собственной беспомощности ему постоянно чудилось, что его распоряжения выполняются недостаточно четко и быстро.

Позже мы — неумехи — поосвоились, приобрели некоторую сноровку, и причины неурядиц должны были бы исчезнуть. Но не тут-то было. Чем дальше, тем неуклоннее «горячие точки» перемещались из производственной сферы в бытовую, житейскую: спутник не устраивал не столько тем, как работает, сколько тем вообще, что он не таков, каким ты желал бы его возле себя иметь.

Характерен пример с Абдуллой. В его адрес у меня в дневнике немало высказываний, суть которых в одном: Абдулла моется пресной водой, и это безобразие. Почему, собственно, безобразие? Воды на борту (первое плавание!!!) вдоволь, контроля за ее потреблением нет. А вот как это так, я обхожусь соленой, Абдулла же привередничает — чем он лучше других? Тем, что мусульманин? Коран ему не велит? Подумаешь, как говорил в «Золотом тельнеке» камергер Никита Пряхин: «У всех коран!»

Когда с водой стало немножко поджимать и Абдулле были запрещены пресные омовения, я отметил это в дневнике с удовлетворением: отошла коту масленица.

К тем же дням относится другая запись: «Норман из тех, кто чистит зубы не утром, а вечером, и это меня поражает». Ну, кто бы из нас в нормальных условиях ставил свое отношение к соседу в зависимость от того, чистит он зубы вечером или утром?!

Поучительно перечитывать собственные каракули....

Я накапливал их день ото дня, заполняя страничку за страничкой, заботясь, чтобы поточней да поподробней, — но только теперь, спустя год, замечаешь, какая безжалостная информация зафиксирована в дневнике обо мне самом, о моем драгоценном «я», ничуть не идеальном, брюзжащем насчет соломинки в чужом глазу, а в своем не замечающем и бревна...

Дорогие мои собратя по плаванию! Если будете читать эту книгу, простите мою пристрастность, я ведь не следил за вами с облаков, я был с вами на мокрой палубе, среди путаницы ка-

натов. — и там, на «Ра-1», и здесь, здесь палуба тоже мокра, так же перепутываются снасти и вырывается из рук весло, и парус не желает подниматься. Но мы уже гораздо лучше, неизмеримо уверенней справляемся со всем этим, едва не автоматически в нужную минуту приходим друг другу на помощь, и житейские нюансы нас уже беспокоят меньше, острота взаимного восприятия сгладилась — что нам теперь-то, казалось бы, делить?

А столкновения по-прежнему возникали, бессмысленные, беспричинные — как правило, они гасились в зародыше и разрешались смехом, но и смех был лихорадочный и преувеличенный.

Нечто неуловимое и бесформенное висело над нами, зудело в уши, заставляло злиться по мелочам, лишало сил, обволакивало нолею вялости и апатии.

Что ж, предприятие, в коем мы участвовали, не было воскресной прогулкой; мы жили в обстановке реальной опасности и сознавали эту опасность, из минуты в минуту, из часа в час, и так многие дни — нагрузка на психику нешуточная.

Весьма вероятно, что на нас влияла не только общая длительность путешествия, но и — особенно! — его двухэтапность. Пусть специалисты разбираются, но мне кажется, что провести в море четыре месяца подряд нам было бы легче, чем в два приема.

Был еще фактор, менее явный, но могущественный, — мы все о нем догадывались, а сформулировал его профессор Сантьяго Хеновес, позже, в статье, написанной вскоре после нашего возвращения.

Сантьяго ввел в употребление термин «пелимитированная активность». Вот что при этом имелось в виду.

Современная цивилизация поставила человека в условия, при которых ритм его жизни размерен и упорядочен. Восемь часов работы, восемь — сна, восемь — досуга, — в таком режиме масса благ, однако есть из него и роковое следствие: попадая в обстановку экстраординарную — а это может случиться со всяким, — излишне «зарегулированный» человек с трудом и не сразу приспособляется, его цивилизованность начинает ему мстить.

Путешествуя на «Ра», мы оказались в некотором смысле — не удивляйтесь сравнению — в положении людей первобытных. Большая часть нашего времени тратилась на борьбу за существование; мы по несколько суток подряд отдыхали лишь урывками, и то зачастую, едва успев прилечь, вынуждены были тут же вскакивать и возобновлять эту самую «активность без лимита», ненормированную, не санкционированную никаким НОТом, — а организм протестовал, требовал чередования труда и покоя, газеты утром и телевизора перед сном.

Я, конечно, упрощаю. Среди нас не было обывателей, повседневная жизнь которых регламентировалась бы по хронометру «от сих до сих». Тот привык засиживаться за полночь над пишущей машинкой, этот не ведал удержу ни в работе, ни в развлечениях — а развлечения тоже могут быть весьма утомительны, — но в любой одержимости, в любой безалаберности содержится своя система, а тут мы ее утратили, мы не принадлежали себе, лишились права выбора, за нас выбирали ветер и волны.

Дело даже не в физической усталости, хотя мы ее испытывали постоянно, — дело в «ни отдыху, ни сроку», в треклятом чувстве, когда не знаешь, доспишь ли до рассвета или выкликнут на аврал, в полчаса или в полсутки управишься с ремонтом брезентовой стенки. Управился наконец; доволен, счастлив — сдюжил, не сплоховал, вроде бы и не выдохся особенно, — и вдруг ловишь себя на том, что ужасно хочется обругать соседа: чего он опять запиликал на гармошке? И понимаешь ведь, что он тоже только что трудился как вол, и музыка сейчас для него — утешение, и мотивчик такой симпатичный — все понимаешь и ничего не можешь с собой поделаться.

Так вода, бурля у дамбы, ищет лазейку, щелочку — и находит необязательно там, где ждут.

Помню, мальчишкой я с приятелями баловался: брал баллон воздушного шарика, нацеплял, примотав ниткой, на водопроводный кран, пускал струйку и смотрел, что произойдет.

Происходил обычно в конце концов скандал, тем более, что кухня, где это проделывалось, была коммунальная.

Но раньше возникало упоительное зрелище: шар раздувался, набухал, покрывался разводами — и взрывался, как бомба. Причем за долю секунды можно было предугадать, где он лопнет, — на цветной поверхности вспухало белое пятно, значит, здесь у пленки самое слабое место.

Из бесчисленного количества взорванных шаров не оказалось и двух, у которых это место совпало бы.

Почему я об этом вспомнил сейчас? Сажу на завалинке, во круг — будни: Сантьяго дразнит Жоржа, Норман играет на гармонике, Кей улыбается и молчит...

Мы очень разные! Очень! И на то, что происходит с нами, откликаемся по-разному. И кто знает, что с нами случилось бы, если бы давление извне в нашей группе не уравновешивалось таким же мощным давлением изнутри!

Ни для кого из нас не тайна, что доплывем мы или не доплывем — зависит только от нас. От каждого — и, более того, — от всех в целом. Вместе, всегда вместе, вопреки фрустрациям, стрессу, нелимитированной активности и прочим жупелам, —

только вместе, в этом спасенье и победа и торжество концепции, которую мы взяли доказать.

«То, что объединяет человечество, является естественным и должно поощряться, и, наоборот, то, что разъединяет людей, является искусственным и должно быть преодолено».

Это строки из декларации, которую мы все подписали в конце прошлого плавания. И мы верим, черт возьми, искренне верим в то, что мы подписали!

Завершался очередной опыт с «гомеостатом», я заполнял протокол и согласно инструкции отключал батареи. Скоро им пришлось отключиться надолго, моего исследовательского пыла хватило на два-три сеанса, затем уже душа не лежала и руки не доходили и хитроумный прибор впал в длительную спячку, —

Но опыт все равно продолжался. Он был непрерывен. И когда на мостике я глядел на компасную стрелку и старался предвосхитить ее рывки и прыжки, мне казалось порой, что это — стрелка «гомеостата», и океан тащит ее в одну сторону, ветер — в другую, а я — в третью, но равнодействующая есть, она обязательно отыщется, мы же не враги, мы союзники, нам нужно лишь согласовать усилия, примериться как следует один к другому.

А если бы взглянуть на наш корабль сверху — как идет он зигзагами, сбивается с курса и вновь возвращается на курс, карабкается на пенистые гребни, скрипит рулями, хлопает парусом и движется, движется, неторопливо и неодолимо, — весь корабль мог показаться гигантской стрелкой на океанской шкале.

Им управляют по очереди восемь непохожих людей. Восемь вахтенных сменяются у румпеля, восемь мужчин зовут во сне близких. Им представляется иногда, что плавание невозможно затянулось, что сил больше нет, что партнеры не оправдали надежд, — но гигантская стрелка говорит о другом, она неопровержимо доказывает: восемь пар рук работают так, как надо, восемь пар глаз одинаково пристальны, восемь индивидуальностей не смотря ни на что находят общий язык, —

Не знаю, как для кого, но для меня ценнее и значительнее любых протоколов строки, которые я вписывал в дневник регулярно, не кривя душой:

«Обстановка на «Ра-2» нормальная».

Пусть она не всегда была нормальной. Важно, что и дни, омраченные конфликтами, я характеризовал так, а не иначе, то есть отделял в сознании своем знаки от плевел, истинное от наносного и был уверен в том, что, как бы нынче солоно ни пришлось, утро вечера мудренее. И мои товарищи, без сомнения, были в этом уверены так же.

Эксперименты на «гомеостате», как и тестовые испытания, показали, между прочим, что почти у всех членов экипажа — сильное

«я». Почти в каждом из нас заложены возможности лидерства, и это в теории чревато осложнениями: представьте себе судно, на котором восемь капитанов, а подчиняться не хочет никто.

К счастью, на практике этого не случилось. Очевидно, потому, что человек — не раб своих психологических особенностей и способен, когда надо, их обуздать. Примечателен в этом отношении «феномен Карло».

Карло Маури, отвечая на Миннесотский опросник, выдал странное соотношение: свыше пятидесяти процентов его ответов трактовались «за лидерство» — и столько же «за зависимость». В сумме получалось таким образом больше ста, что как будто противоречило здравому смыслу. Можно ли обладать свойствами и начальника, и подчиненного сразу?!

Оказывается, можно. У Карло был богатый экспедиционный опыт, он привык действовать в составе малой группы. Идя в альпинистской связке, нужно быть готовым и безоговорочно подчиняться, и — в случае надобности — моментально взять руководство на себя.

Такая «двуединость» требует значительной духовной прочности. Карло на борту «Ра» зачастую испытывал сильнейшее нервное напряжение: желать вмешаться — и не позволять себе этого, иметь точку зрения — и понимать, что твой голос не решающий.

Правда, положение облегчалось тем, что он испытывал глубокое уважение и доверие к Туру. Раз уж подчиняться, то совсем безразлично кому.

Впрочем, речь не только о Карло. И нам, остальным, порой ударяло в голову — перетасовать, переставить, решить по-своему, настоять на своем, — и опять-таки, если мы сдерживались, то в первую очередь потому, что нашим руководителем был Тур.

Как мы к нему относились, я уже говорил достаточно. Однако пиетет пиететом и обаяние обаянием, а в долгом походе на одних априорных, изначальных симпатиях командиру не продержаться. Авторитет — не недвижимость, а капитал, постоянно находящийся в обращении; нажать его трудно, а потерять — легко.

Дни проходили за днями, спадали розовые завесы, романтические ореолы тускнели, а капитал Тура тем не менее умножался — уже не тот, не прежний, заработанный на «Кон-Тики» и в экспедиции на остров Пасхи, а здешний, сегодняшний, теперь единственно для нас приемлемый, поскольку на «Ра» имело значение только то, что совершалось на «Ра».

Был и впрямь у Хейердала какой-то аку-аку, талисман, помогавший ему управляться с нами...

Незадолго до своего отъезда из Москвы в Сафи я разговаривал о предстоящем путешествии с моим другом, кандидатом медицинских наук Михаилом Алексеевичем Новиковым.

Новиков рассказал о том, как ставил опыты на «гомеостате» с восемью операторами. Пока задачи шли простые, группа решала их стихийно, по принципу «каждый сам за себя». Но вот задание усложнилось, потребовалась большая координированность действий — и тут же возникла нужда в ком-то, ответственном за общую групповую стратегию, в руководителе, который должен партнерами управлять. Чем группа многочисленнее, тем раньше такой момент наступает, поскольку нужно разделить обязанности, создать управленческую систему с наиболее влиятельным во главе.

— Постой, а как же Курт Левин? — спросил я.

Курт Левин, эмигрировавший в США от фашизма немецкий ученый, один из виднейших психологов мира, в середине тридцатых годов исследовал, как влияет психологическая атмосфера на эффективность группы. Левин сравнивал анархическую, демократическую, автократическую модели; вышло, что лучшие результаты — там, где демократия.

Значит, Левин ошибался?

Нет, не в том дело; оказывается, между демократизмом и единоначалием нет четкой границы, все зависит от приемов управления. Если руководитель осуществляет полный набор управляющих действий, эффективность автократической группы ничуть не меньше, чем демократической.

Новиков объяснил мне, что он понимает под «полным набором». Сейчас в свою очередь я попробую объяснить это вам.

Некто закапризничал, жалуется на нездоровье — всем вокруг ясно, что не так уж он болен, и от капитана ждут поступков, — А капитан медлит.

Капитан с наслаждением отругал бы его за эти «штучки» и отправил бы к румпелю, но нет гарантий, что тут же не возобновится полемика, не разгорятся страсти, не появятся обвинители и защитники, — и Тур отпускает притворщика с вахты, берет на себя его дежурство, хотя сам устал ничуть не меньше других.

Это не либерализм, не отступление, не сдача позиций. Просто Тур понимает сложность взаимоотношений в коллективе, сознает, что Париж стоит мессы, что единение экипажа дороже внеочередных часов у руля.

Это и есть инверсия знака регулирования. Отказ от немедленного достижения частных целей ради достижения прежде всего целей общегрупповых.

Поступая так, Тур словно отклоняет стрелку «гомеостата» в заведомо противоположный край шкалы. Теперь весь экипаж неодобрительно настроен к «трюкачу»: «Тур за тебя дежурит, эх ты...» — и пользы от этого неодобрения куда больше, чем от

капитанского выговора. Хитрецу не удалось сыграть роль беззащитной жертвы, на что он, возможно, втайне надеялся...

Другое событие. На борту «Ра-2» идут споры, строить или не строить на корме брезентовую стенку.

Тур уверен, что лоскутом ткани от океана не отгородишься. Вырази он это во всеуслышание, молви властное командирское слово — и вопрос будет решен.

Но Тур говорит: «Не знаю. Не уверен, что поможет. Я лично — против. Но давайте попробуем».

При таком подходе к проблеме он как руководитель в любом случае не проиграет: удастся эксперимент — прекрасно, все, что лучше для «Ра», лучше и для Тура, и он первый признает свою неправоту. Не удастся — ну, что ж, зато у Юрия и Сантьяго прибавится опыта, опыт без риска не приобретается, в следующий раз не семь, а двадцать семь раз отмерят, прежде чем резать.

Так советует и житейская мудрость: учи плавать на глубоком месте. А по-научному это называется в р е м е н н ы й о б м е н ф у н к ц и я м и, сознательная уступка инициативы младшему партнеру.

Сколько я встречал на своем веку командиров, бравших горлом и железной хваткой! Тур не таков. Он избегает вмешиваться в мелкие свары, как бы не замечая их (в ы ж и д а н и е) или стремится сгладить углы ироническим замечанием, трезвым, спокойным словом (и н и ц и а л ь н а я к о р р е к ц и я). Но если уж его глаза становятся маленькими и колючими (п р и н у ж д е н и е) — берегись!

Вот вам пять приемов управления; все они только что перечислены. Тур пользуется их гаммой, интуитивно чувствуя, когда какую клавишу нажать. Оттого и единоначалие его не обременительно, и лидерство его, как я уже упоминал, не формально.

Любопытно в этой связи взглянуть на поведение другого члена экипажа, Сантьяго Хеновеса. У Сантьяго в первом плавании стремления к лидерству были сильны, и в пределах своей подгруппы (помните? — Сантьяго, Жорж, я) он оказывался, как правило, достаточно изобретателен и гибок. Но — только в пределах подгруппы! В отношениях с остальными участниками экспедиции он практиковал в основном инициальную коррекцию — вносил предложения, советовал, комментировал действия спутников. Что ж, для темпераментного члена экипажа, официальными полномочиями не облеченного, такая форма активности естественна. Сантьяго не лез в вожди, но не прочь был намекнуть, что при необходимости не оплошал бы. И намеки его производили известное впечатление. Однажды, к концу путешествия на «Ра-1», мы провели социологическую игру: заполнили анкету «выбор старшего». Если бы Хейердала не было, кому бы мы доверили собой командовать?

Из шестерых опрошенных пятеро проголосовали за Сантьяго Хеновеса.

Следовательно, наша группа расценивала Сантьяго как своего фактического сублидера.

На «Ра-2» многое изменилось. Кое-кто стал неизмеримо более контактен, но зато у иных поубавилось темперамента, прежние подгруппы распались, возросла психологическая напряженность — да, еще раз подчеркиваю, во втором плавании нам пришлось гораздо трудней. Тем важнее его уроки.

Именно на «Ра-2» уточнились окончательно положения, которые позднее мы с М. А. Новиковым сформулировали и которые я сейчас кратко изложу.

1. Восемь человек порознь — совсем не то же самое, что восемь человек в группе. Например, Карло сам по себе и Карло в компании, Сантьяго в одиночестве и на людях, Карло рядом с Сантьяго и те же в присутствии Кей — все это варианты резко различающиеся. В группе происходит процесс взаимного привыкания, адаптации, и меру эффективности коллектива так же немислимо предсказать по индивидуальным качествам его членов, как по состоянию отдельных деталей нельзя заключить, хорошо ли будет работать собранный из них механизм — особенно если не знаешь точно, в каких условиях ему придется работать.

При комплектовании экспедиционной группы необходимы проверочные групповые тренировки.

2. Хоть Тур и воскликнул однажды: «Моя ошибка, что на «Ра-2» — прежний экипаж!» — вряд ли он в этот миг запальчивости говорил то, что думал. Конечно, новички, Кей и Мадани, помогали нам уже одним своим присутствием. Инстинктивно, пытаясь не уронить перед ними марку «Ра», мы подтягивались, застегивались на лишнюю пуговку, что, несомненно, было благом. И все же, если бы любому из нас предложили на выбор, идти ли в новое путешествие, в третье, с ветеранами или с новобранцами, каждый высказался бы за привычный состав: тут уже хоть известно, какого подхода требует Карло, какого — Сантьяго, а какого — Жорж, Норман или Юрий, кто что заведомо может, а чего заведомо не может, как на кого влиять, кому что прощать, — как подумаешь, что все эти сведения придется добывать по крупицам заново! Благодарим покорно, от добра добра не ищут, старый друг лучше новых двух.

Проверочные тренировки должны быть многократными и длительными, с тем чтобы участники будущей экспедиции имели возможность хорошо узнать друг друга еще до старта.

3. Течение адаптации умозрительно не предусмотреть. Разные люди приспособляются по-разному, и в наших экстремальных обстоятельствах вероятны парадоксы. Кто бы мог подумать, что балагур, компанейский парень в аварийных ситуациях (сорвало парус, сломалось весло) будет отчуждаться, выбирать себе занятие, которому можно отдаться одиночно? И кто бы, с другой стороны, предположил, что нелюдимый в тех же ситуациях проявит тягу к партнерам, к совместным действиям, к особенно активному участию в делах группы?

Ни тому, ни другому такое поведение органически не свойственно, они не имеют соответствующих навыков, суются в воду, не зная броду, — и от этого труднее и им самим, и тем, кто с ними сотрудничает. Командирам экспедиций, подобных нашей, следует неувязки такого рода иметь в виду — и строить тренировки так, чтобы в их процессе моделировались не второстепенные, а существенные стороны событий, к которым готовятся.

Условия проверочных тренировок должны быть максимально приближенными к «боевым».

4. Эффективность группы не обеспечить каким-либо одним наперед заданным фактором. Авторитет руководителя? Мало! Всеобщее благорасположение? Мало! Совпадающие стремления? Мало! То есть мало любого пункта в отдельности, тут важно и то, и другое, и третье — и что кто-то любит Тура и не любит Юрия, и что все любят Тура, и что каждый хочет выжить и доплыть, и что кому-то не нравится приемник, а кому-то — губная гармошка — иначе говоря, при адаптации членов группы образуется сложная сеть самых разнообразных связей, именно она в целом и определяет конечный результат.

Предусмотреть хитросплетения этой сети заранее в тонкостях нельзя, но выявить общие тенденции при внимательном испушенном взгляде можно.

В проверочных тренировках весьма желательно участие специалиста-психолога.

5. В любой группе есть связи формальные (иерархия руководства, специализация по должностям) и есть неформальные, спонтанно возникающие, по склонностям и интересам. Идеальный случай — когда те и другие совпадают полностью, но это вряд ли достижимо, значит, нужно добиваться хотя бы приблизительного соответствия.

Особенно это касается руководителя. Сверхумелый, но отчужденно ведущий себя командир, возможно, добьется успеха, однако весьма дорогой ценой. Обстановка в экспедиции будет очень тяжелой.

Рекомендации психолога важны не только при подборе группы, но и при распределении функций внутри нее, в частности, при назначении руководителя.

6. Эмоции типа «он мне нравится» или «я его не переношу» являются безусловно важным элементом упомянутой сети связей. Но ставить развитие группы в зависимость от них одних, как это принято у иных исследователей, нельзя. Эмоциональные ориентации не основополагающи, а производны: копнешь поглубже, и обнаружится — «Он мне нравится, потому что знает дело», и даже «Я его не переношу, но он знает дело», — то есть сперва объективная ценность, а потом уже красивые глаза.

Влюбиться «просто так» можно разве что в манекен на витрине. Самую безотчетную, самую необъяснимую симпатию мы обособываем, пусть незаметно для себя, бессознательно. Капризы наших чувств — надводная часть айсберга, который главной своей массой, как известно, находится под водой.

Высокая степень профессиональной подготовленности членов группы — даже оставляя в стороне остальные аспекты — с чисто психологической точки зрения уже обязательна.

7. Последнее и главное.

Для того чтобы эффективность группы была наивысшей, каждый ее участник должен четко осознавать общественную значимость как своих действий, так и действий товарищей, действий всей группы в целом.

Из пушек не стреляют по воробьям; великая энергия рождается для великой цели.

Преодолевая неминуемые трудности и принося неминуемые жертвы, человек должен знать, во имя чего он это делает; чем престижней задача, тем здоровей — при прочих равных — психологический климат. Причем престижность подразумевается не только логически расчисленная — этого мало, — но и «пропущенная сквозь сердце».

Экспедиционная группа должна представлять собою союз единомышленников, спянных и вдохновленных сознанием важности выполняемой цели.

Конечно, нельзя, ни в коем случае нельзя предположить, что экипаж космического корабля, совершающего многодневный полет, будет как бы сколком с нашей компании, как бы двойником экипажа «Ра»...

Однако закономерности развития групп имеют достаточно общий характер. Тем более, что для группы, состоящей уже из

трех-четыре человек, не говоря о восьми, — достичь полной совместимости весьма трудно, если вообще реально: слишком узок круг людей, из которых придется выбирать, специальность космонавта — редкая. Значит, речь может идти лишь об относительном психофизиологическом балансе — и об исключении из предполагаемого экипажа явно противопоказанных друг другу и коллективу лиц.

А это и есть, примерно, наш вариант: полные антагонисты отсутствуют, налицо баланс, но приблизительный, с вытекающими отсюда проблемами.

Возьмут старт звездолеты с интернациональными экипажами, в арктических льдах, на антарктических плоскогорьях вырастут интернациональные научные городки, человечество научится жить дружнее и сплоченнее — и тогда, может быть, в его памяти хоть на секунду мелькнет тень папирусного суденышка, крошечной бабочки, присевшей на океанскую гладь, — бабочки, на чьем крыле нарисовано общее для детей Земли Солнце...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Появились физалии. — Интернациональное снабдьё. — Настал-таки этот час! — Эпитафия vesлам «Pa-1». — С первого до последнего дня. — Железное дерево съело сосну. — Берем рифы. — Руль из обломков. — Кошмар. — Трещина. — «Сломался мостик!» — Место грота — спинакер. — Физалия и Жорж. — Яхта еще в порту! — Прошлогоднее «SOS». — Норман травит бакштаги! — «Каламар» и его вопросник. — Говорю с Ленинградом. — С-т-о-л-б. — Ремонт уключины. — Дети огромного мира. — Исчез Юби. — Генеральный Аврал Сорок Третьего Дня. — Тур не вспомнил приметы. — Встреча с «Каламаром». — Посылка. — Режем корму. — Кольцо сжимается. — Жертвуем «Зодиаком». — Часы Жоржа. — Воспоминания о последних днях «Pa-1». — Меняю курс. — «У меня ручная рация!» — Ветер, волны, дождь... — Ну и качка! — Ивон и воки-токи. — Все счастливы. — Муравьишка-Жорж. — Попадем ли на Барбадос! — Норман борется за плавучесть.

«Португальский кораблик» плыл себе слева по борту. Я пома- хал ему рукой, как старому знакомому.

Познакомились мы в прошлом году.

Я потрошил кур на корме и уже собирался нести их на кух- ню, как вдруг гляжу: движется фиолетовый пузырь, еще один — тем утром их было вокруг великое множество, я сперва не пони- мал, что это, спросил у Жоржа, он объяснил: «Медузы». И вот такая красивая медуза плыла прямо мне в руки.

Недолго думая, я схватил ее — и взревел от боли, лихорадочно стал отмывать пальцы морской водой, но липкая слизь не отста- вала. Проходил мимо Сантьяго, я взмолился: «Мыло!» — видимо, такое страдание было написано у меня на лице, что Сантьяго по- мчался за мылом, как ошпаренный. Однако и оно не помогло. Руки горели и ныли, пальцы сгибались с трудом. Достал пульве- ризатор с анестезирующим, попрыскал — боль исчезла, и тут же вернулась с новой силой.

Жорж сказал: «Подожди, пройдет само». Но ничегошеньки не проходило, пальцы уже не сгибались, боль начала иррадииро- вать по нервам левой руки в плечо и далее в область сердца, я чувствовал себя претовратительно. Принял две таблетки аналь- гина, валидол, пирамидон и лег. Меня тряс озноб.

Утихало постепенно. Сначала полегчало правой руке, за- тем левой. Полное выздоровление наступило лишь через пять часов.

Такова была моя первая встреча с физалией. «Португальским военным корабликом» ее называют потому, что она похожа и на парусник, и на старинный шлем с гребнем, а под водой от нее тянется целая сеть щупалец, иногда десятиметровой длины.

Ид, выделяемый ею, относится к нейропаралитическим. Представляю, каково рыбешке попасть ей в лапы!

Физалия двигалась не торопясь, радужно расцветенная, этакая франтиха. Злобных чувств она во мне не вызвала, как говорится, я все простил, тем более, что теперь мы знали, чем обогреться.

Снова возвращусь на минутку в прошлый год.

Вторым пострадавшим от щупальца физалии был Норман. Он укреплял «заземление» рации, лазил в маске вдоль борта, а Жорж его страховал и следил, нет ли поблизости акул, и немножко злился, поскольку Норман полез в воду без очереди. Я стоял у весла и вдруг услышал истошный крик, Норман выпрыгнул, как бука из табакерки, на секунду подумалось: «Ну, вот! Дождались! Акула!» — но руки-ноги его были целы и я вздохнул облегченно, хотя радоваться все равно было нечему. Нормана обвил, словно лассо, он пытался отодрать от себя жгучую нить и еще больше обжигался. Подоспел Карло с полотенцем, стал стирать слизь, затащили Нормана в хижину, он стонал, стиснув зубы. Я понимал, каково ему, но также отлично знал, что практически ничем помочь не могу. Дал анальгин, валидол, брызгал аэрозолем, припасенным на случай зубной боли, но все это были полумеры.

Тут Тур вспомнил, что от ожогов мерзкой твари хорошо помогает аммиачный раствор.

Такового на борту не имелось, но выделить его при желании мог любой из нас, и работа закипела, скорлупа кокосового ореха моментально наполнилась, я смачивал ватку и натирал Нормана интернациональным снабдьем. Боль стихла, начался озноб, затем проснулся аппетит, непомерный, как после долгой тяжелой болезни. Потом Норман уснул.

Все-таки вместо пяти часов он промучился три, благодаря радикальному средству. Мы намотали это на ус — и в нынешнее плаванье взяли с собой нашатырного спирту: фабричный аммиак, очевидно, еще действеннее.

Так что пловца, физалия, у тебя свои дела, у нас — свои: мне, например, пора вернуться к тетрадке.

Семнадцатого и восемнадцатого июня я урывками писал свой первый репортаж для «Известий», листал исписанные странички дневника, заново переживал и былой шторм, и былой штгиль, и появление голубя Юби, и свидание с мысом Юби, и прыжок Жоржа, и семинар Нормана — иначе говоря, то, о чем вы уже прочли.

Назавтра предполагался сеанс связи: я надеялся, что слышимость на этот раз будет обоюдно хорошая и передам все, что нужно.

Однако судьба распорядилась иначе.

Обычный день начинался с обычных дел, ничто не предвещало неприятностей. Только Норман был слегка озабочен, так как рей маленького паруса требовал ремонта. Волны к середине дня стали значительно больше, ветер сильнее, но мы не обратили на это особого внимания и лишь радовались отличной скорости «Ра».

После обеда я залез на капитанский мостик и часок-другой подежурил, затем меня сменил Тур, а я отправился на камбуз мыть посуду.

Навстречу встревоженно спешил Карло, он почему-то срочно решил перебраться со спиннингом с носа на корму. Как потом выяснилось, Карло случайно глянул с носа вниз и оторопел: «Ра» балансировал на гребне волны высотой с шестиэтажный дом и вот-вот должен был ринуться в пропасть.

Такие волны иногда приходят, они не опасны, но наблюдать их не доставляет удовольствия. У меня тоже, когда их вижу, появляется острое желание удрать куда-нибудь подальше — а корабль тем временем спокойно ползет и ползет вверх по склону, а потом вниз по склону, и ничего ужасного не приключается.

Итак, мы с Карло разошлись на узкой дорожке, и я продолжал путь к камбузу, и тут позади раздался резкий треск, выстрел, грозовой разряд, —

Звук, увы, знакомый с прошлого года.

Огромная лопасть левого весла всплыла за кормой, болтаясь на ослабших веревках.

Тур метался на мостике и кричал: «Все наверх!» Я бросился к другому веслу, правому, целому, сорвал с рукояти стопор, навалился на нее, пытаюсь двинуть до отказа, чтобы предотвратить неминуемый разворот, — весло не двигалось.

Настал-таки этот час.

Скальды грядущих времен — если вам когда-нибудь придет в голову сложить многосерийную сагу о странствиях «Ра-1», самая длинная и трагикомическая песнь этой саги да именуется «Весла».

Композиторы — если надумаете сочинить симфонию, посвященную «Ра-1», да станут «Весла» ее лейтмотивом.

Весла были для нас в прошлом плаваньи божьей карой и притчей во языцех, темой пламенных речей и солью анекдотов, роком, который непрестанно стучится в дверь, и цирковым барьером, о который спотыкается клоун, снова и снова, на потеху детишкам, на том же месте — в бесчисленный раз!

Они начали ломаться еще на старте, на глазах провожающих, еще порт Сафи не успел растаять в дымке, и знай мы заранее, сколь часто и впредь будет раздаваться на «Ра-1» сакраментальный

каркающий звук, мы, вероятно, предпочли бы разорвать контракты.

Вот наудачу взятые отрывки из прошлогоднего дневника.

«25 мая. Тур и Абдулла колдуют возле одного из сломанных весел. Весла сломались неодинаково. Одно совсем не годно к употреблению, другое может быть использовано».

«26 мая. Еще вчера к лопасти весла Абдулла приделал две планки. Они должны удерживать лопасть в вертикальном положении, так как, став горизонтально, весло тут же ломается».

«27 мая. Приспособили к веслу ручку, потом стали устанавливать. Процесс установки занял часа два».

«28 мая. Карло укрепил рулевое весло. Вообще все потихоньку растягивается и требует постоянного контроля».

«1 июня. Решено восстановить сломанное рулевое весло. Из-под вороха соломенных циновок извлекается огромное, в три с лишним метра, четырехгранное бревно (из таких сделана мачта); к нему предстоит привязать сломанную лопасть. Работа идет медленно».

«Днем позже. Только собрались отдохнуть после обеда, как внезапно сломалось большое весло, единственное большое рулевое весло, которое мы с таким трудом слепили из обломков. «Ра» тотчас же сбился с курса. Норман велел опустить парус, закрепить рей, и мы занялись установкой нового рулевого механизма. Пришлось поставить два весла средних размеров справа и несколько позже одно весло слева».

«4 июня. Всего у нас сломалось пять весел (из них два больших) и одно утеряно».

«5 июня. Весь день Тур, Карло и Норман мастерили второе рулевое весло, чтобы завтра водрузить его на место».

«7 июня. Опять приступили к подготовке весла. Запасное (третье) весло еще вчера было перенесено на корму; к нему привязали, чтобы сделать прочнее, толстенную палку. В местах, где весло будет тереться о дерево, дополнительно приделали «подшипники» из чурок».

«Тогда же. Всем составом взялись за установку. Так как опыт у нас уже солидный, дело пошло быстрее и легче.

«10 июня. Извлекли «подшипники» и усовершенствовали их: вырезали пазы по форме весла».

«17 июня. Опять Тур кличет. Разболталось правое рулевое весло в нижнем своем креплении. Снимаю брюки, обвязываюсь веревкой, встаю за бортом, на перекладину и, балансируя на скользком бревне, цепляясь по-обезьяньи пальцами ног за веревки, подвожу под бревно канат. Теперь его надо обмотать вокруг бревна и затянуть».

«21 июня. В ночь с 19 на 20-е сломалось очередное (рулевое)».

Через несколько строк:

«После обеда занялись подъемом сломанного весла».

Еще через несколько строк:

«Вначале трудно закрепить весло, так как веревки сухие и скользят, потом — трудно убрать, так как веревки мокрые, разбухают и натягиваются».

«Назавтра. Лопасты наших весел очень велики, рукоятки не могут выдержать нагрузки — вот и ломаются одно за другим».

«23 июня. Стоял на вахте и помогал Норману и Абдулле приделывать новую рукоять к веслу».

«Весло», «веслу», «веслом», «о весле» — грустная грамматика.

Кончалось прошлогоднее плавание, и «Ра-1» был почти по мостик в воде, изменилась погода, изменились мы — только одно не изменилось: чем открывали мы сезон, тем и завершали.

«3 июля. Распределились по кораблю: Сантьяго у кормила, Тур, Жорж, Карло, я — слева на палубе, Норман — на мостике. Это — пока, по мере продвижения весла мы будем тоже передвигаться. Единственный путь с левого борта на правую половину кормы — через крышу, так как все остальные пути отрезаны хитросплетением Карловых веревок. Поднимаем весло и принимаемся взбираться на крышу. Стараемся обойти веревки, не повредить антенну, не сломать себе шею и не проломить голову товарищу, а главное — не упустить весло в воду. Норман припас петлю для того, чтобы весло зафиксировать в гнезде на поперечном бревне у кормы.

Торопиться нельзя, но нельзя и медлить. Когда мы все собираемся на корме, корабль оседает, черпает воду, еще и еще, — Норману уже по пояс.

— Давайте скорее, и лишние на левый борт, — говорит Тур.

Быстро спускаем весло в воду, но неудачно — Норман не успел набросить петлю, вновь тянем эту махину (примерно 200 килограммов) вверх, вся корма в воде, не успевает волна скатиться, набегает вторая — наконец Норман затянул петлю, Карло мгновенно фиксирует конец каната на перекладине мостика.

— Есть! — кричит Тур, — Юрий, Жорж, уходите, слишком тяжело!

Весло уже действует, рулит вовсю, но беспорядочно, в разные стороны; Сантьяго на мостике упарился, теперь ему, кроме ветра и течения, нужно учитывать еще и прихоти огромной, бестолково болтающейся за бортом деревяшки, она пока что не помогает, а мешает — но Сантьяго молодец, держит курс, парус не заполоскал ни разу, сейчас-сейчас, последние шлагаи — к поперечине внизу, к перилам мостика вверху, —

Готово. У нас вновь два рулевых весла.

Усаживаемся на завалинке и переживаем события. «Это был великолепный пример содружества наций», — подводит итоги Тур».

Почему нам в прошлом году так не повезло с веслами?

А почему нам, собственно, должно было с ними везти?

Разве мы знали до тонкостей заранее, какими им быть — именно на этом корабле, на этом маршруте?

Мы фактически тем и занимались, что учились их делать — от положения к положению, методом проб и ошибок. Уточняли их положение, угол наклона, способы крепления, испытывали толщину веретена, длину его, ширину и форму лопастей.

Мы даже с исправными, целыми веслами сперва не умели управлять. Однажды, когда нас в бесчисленный раз закрутило и мы битый час пытались вернуть «Ра» на курс, я увидел возню на мостике. Карло вырывал у Абдуллы рукоять весла и старался повернуть его влево. Абдулла же почему-то упорно удерживал его в неправильной позиции, потому наши усилия и были тщетны.

Все, что рассказано, повторяю, касается первого плавания; ко второму мы уже подошли не лыком шиты. Учили и предусмотрели, казалось бы, все, что нужно, а просчитались в мелочи: в рогатневилке.

Весла были из мачтовой отборной сосны, очень твердой и прочной, а вилка — из железного дерева, которое еще тверже и прочнее. Железное дерево понемножку перетирало сосну, уключина ела весло — и съела.

Итак, весло сломалось. Вторым мало что можно было сделать: полная парусность, огромные волны, и подвижности у веретена почти никакой. Через несколько минут нас развернуло, и мы стали к ветру правым бортом, корма тут же была залита. Мы су-

етились. Норман зачем-то снял компас и сунул мне в руки, я растерянно стоял, пока не услышал голос Тура:

— Плавучий якорь за борт! Надо выйти под ветер!

Я прыгнул с мостика вниз. Внизу, бранясь, орудовал Карло: веревки большого якоря безнадежно запутались, это я виноват, я обязан был за ними следить.

Тур кричал, чтобы немедленно привели якорь в порядок, я во-зился с засохшими канатами, пытаюсь понять, где у них голова, где хвост, Карло тем временем выбросил запасной, малый якорь и вернулся мне на помощь. Мы совладали с канатами и повесили ненужный уже якорь на крюк.

Вслед за этим с огромным трудом мы извлекли лопасть с остатком веретена и поместили его на корме.

Теперь надлежало заняться парусом.

Его необходимо было убрать, ибо рей бился о мачту так, что вот-вот что-нибудь должно было сломаться: либо мачта, либо рей. А убрать парус на таком ветру — задача нелегкая.

После недолгих споров решили убирать его постепенно, беря рифы. Взяли первый риф — и обнаружилось, что на рифовых точках не везде есть фиксирующие концы, срочно пришлось их привязывать. На втором ярусе концов вообще не было, снова кинулись искать свободные веревки, приспособливать их, кляня собственную беспечность. Кое-как взяли и второй риф, и уменьшенный втрое парус был направлен по ветру.

Вытащили малый плавающий якорь, бросили большой. Корабль лег в более или менее приличный дрейф, мы смогли перевести дух.

Тур хотел тут же заняться веслом, однако Норман сказал, что люди устали и надо поесть. Жорж пошел на камбуз готовить пищу, а мы разбрелись кто куда, измотанные и тревожные.

Ночь прошла, к счастью, спокойно, «Ра» дрейфовал, и вахтенному делать было нечего — разве что смотреть по сторонам.

Утром встали рано.

Погода пасмурная, иногда проглядывает солнце, ветер сильный, океан суровый. Волны, похоже, играют нами в волейбол, на бесконечное число пасов, — ладно, переживем, лишь бы их спортивные страсти не разгорелись. Не хотел бы я себя почувствовать крученым мячом.

Быстро позавтракали и уселись у входа в хижину, чтобы обсудить возможные варианты ремонта весла, их может быть несколько, и надо выбрать лучший, дабы не ошибиться.

Прежде всего измерили обломки. Затем Тур начал вырезать из картона в масштабе все части весла, а мы занялись переноской генератора, которому грозила опасность быть залитым, — тогда, без связи, нам вообще труба.

Я поразился, как много воды пришло на корабль за прошедшие сутки. На корме бурлил океан, волны перехлестывали через брезентовую стенку и гуляли привольно, сбивая с ног.

Генератор укрепили на мостике.

Минуло не меньше трех часов, покуда после споров и прикидок на картонном макете прояснилась программа. Решили соединить лопасть весла и верхний обломок. Длина весла должна при этом значительно уменьшиться.

Стесали торец веретена, чтобы оно легло на лопасть плашмя, долго крепили одно к другому, в общем, провозились весь день и только к вечеру весло было готово к спуску.

Как его опускали, даже не запомнил. К чему подробности? Тяжко пришлось...

Сумерки густели, когда мы опустили весло в воду и, окончательно выбившиеся из сил, побрели на нос ужинать.

Забыл написать: мне еще в тот день пришлось возиться с якорями. Большой плавучий якорь весь перекрутился, я вытащил его и добрых часа четыре распутывал веревку, приобрел жестокую боль в пояснице и с трудом справился с желанием плюнуть и отправить груды каната за борт. Ничего не поделаешь, сам виноват.

Вместо большого выбросили малый якорь, позже, после установки весла, извлекли и его и вернулись на курс.

Править укороченным веслом неудобно и ненадежно, и основная роль перешла теперь уже к левому, целому, а правое застопорили в нейтральной позиции.

Ветер не утихал, но парус по-прежнему был зарифлен, поэтому мы двигались медленно. Все очень измотались и нуждались в отдыхе.

Проблема воды становится острой. Введен строгий режим: пол-литра на сутки в личную фляжку.

Немного, правда, перепадает и сверх того, из общественной, камбузной канистры. Но и здесь порядок теперь иной. Раньше к завтраку заваривался и чай, и кофе, и каждый пил, что хотел и сколько хотел. А сейчас Карло кипятит точно отмеренную порцию, распределяет ее — и делай со своей частью что желаешь, заваривай что угодно, или просто хлебай кипяток, или вылей его во фляжку, оставь на потом, увеличь свой персональный запас.

Это еще не муки жажды в полном смысле слова, когда ни о чем другом не можешь думать, когда возникают миражи и галлюцинации, — но уже постоянно, сквозь все твои разнообразные мысли потихоньку пробивается, словно зуб ноет: «Пить, пить, пить...» А вокруг океан, миллиарды тонн воды, вода плещет, качает тебя, брызжет тебе в лицо, она — как локоть, который не укусишь, и от этого еще трудней.

Французский врач Ален Бомбар утверждал, что в крайнем случае можно и морской водой обходиться...

Да, уж коль нам нехорошо, то каково же было Бомбару! У него ведь неделями не было во рту ни капельки! И он сознательно устроил себе такое, он, выходит, и ради нас старался, ставя свой опасный опыт, отправляясь в океан без еды и питья на резиновом «Еретике».

Помочил перед сном губы остатками воды, лег и думал о Бомбаре, о силе идеи — научной ли, гражданской ли, — которая способна подвинуть человека на, казалось бы, невозможное, и чем идея значительней, тем больших жертв она требует и тем, как ни парадоксально, легче их приносить, —

А потом, по принципу контраста, мне приснилось совсем неожиданное.

Приснилось, будто я проснулся, поворочался и решил вылезти из хижины покурить. На крючке у входа, вместе с курткой и брюками, висела моя фляжка. Впрочем, нет, она не висела, ее держали в руках, из нее пили...

Тут я пробудился по-настоящему, в холодном поту, испытывая жуткий стыд и счастливое облегчение одновременно. Мои товарищи мирно спали рядом, они не знали, как чудовищно, пусть и невольно, я их только что предал, — до чего мне было горько и до чего радостно, как я молил их мысленно о прощении, как я любил их, мужественных, стойких, славных моих друзей!

Настало утро, вернулись будничные заботы.

Парус постановили не трогать, пусть остаются рифы, пока не приведем в порядок весла.

Снабдили левое, укороченное, палкой и веревкой, веревку пропустили через блок, — соорудили, таким образом, систему дистанционного управления: ногой натягиваешь веревку, рукой тянешь палку, — вахтенный похож отныне на дергунчика, на марионетку-плясуна.

Правое весло по-прежнему ходит туго, где-то заедает его, затирает, и Карло предложил устроить ему назавтра профилактический осмотр.

Вожусь с брезентовыми стенками, они значительно пострадали и на корме, и на носу.

С кормой плоховато. Волны разгуливают под мостиком.

К вечеру ветер настолько разошелся, что даже с зарифленным парусом управляться стало трудно — нас волокло то к северу, то к югу. Это вынудило организовать двойную вахту: вдвоем по два часа. К рассвету, правда, ветер поутих, но волны остались. Огромные, они словно наверстывают все, что упустили за предыдущие дни.

Тур, Норман, Карло и Жорж долго мучились с правым вес-

лом, стараясь вытянуть его, но ничего не получалось. Позвали меня и Сантьяго на помощь. Вшестером тоже сил не хватало. Надумали использовать тали — дело пошло. Приподняли весло сантиметров на сорок — и поняли, насколько мы удачливы.

В веретене весла была глубокая выемка, борозда, рана с рваными краями, просто удивительно, как оно держалось до сих пор, как не переломилось одновременно с левым!

Приподнятое из рогатки-уключины, оно отлично вертелось. Только саблевидная рукоять вздернулась, пришлось ее перевернуть вверх кривизной, иначе рука не доставала. Так нам теперь и плыть — один руль укороченный, зато другой удлиненный.

Верный своему пристрастию, я опять вернулся к ремонту брезентовой стенки. Волны бесились, накрывали с головой, и я чувствовал, как страховочный линь натягивается в струну, — это вода, уходя с кормы, пыталась захватить меня с собой.

Заплатку, которую раньше ставил за пятнадцать минут, я привязывал более полутора часов. Глаза щипало, в горле пересохло, появилась пизжога от морской воды. Ничего, брезент — вещь полезная, теперь-то все его оценили, а раньше, бывало, посмеивались: тряпочка против океана!

Тряпочка, а выручает.

Ветер вновь усилился к вечеру, опять в одиночку было не справиться с веслом, и парус начинал полоскаться. Хотели продолжить двойную вахту, но Жорж предложил:

— Буду спать на крыше, если что — будите.

Он залез в мешок, укрылся одеялом и свернулся калачиком, а я присвоил его матрац в хижине и блаженствовал, никогда я так крепко не спал, как в ту ночь.

Много ли надо матросу «Ра»? Отоспаться, побриться, умыться, надеть свежее белье...

Туру не дает покоя двух-с-половиной-метровый обломок весла. Он загромождает палубу, всем мешает, а выкинуть — что вы, разве можно? Его же будет очень интересно иметь в музее «Кон-Тики». Только куда бы его поместить — не разрезая?

Пекуда его поместить.

Ну что ж, значит, распилим аккуратно, а потом склеим.

Так и сделали.

Три толстенных деревяшки Сантьяго принайтовил под мостиком и на корме, дабы вытесняли воду и увеличивали нашу плаучесть.

Явился Норман с маленьким запасным веслом и попросил помочь ему привязать эту кроху к поперечине мостика, будет-де легче править. Привязали, вытерли пот и едва собрались выкурить по сигарете, раздался жуткий треск!!! Норман закричал:

— Сломался мостик!

Я обмер: неужто опять ремонт?!

Мы думали поначалу, что сломалась поперечина, на которой покоится палуба мостика. Но поперечина была цела, отскочил лишь кусочек ее, мы закрепили его веревками.

За сутки прошли всего 47 миль. Наверно, это результат плохой управляемости: идем зигзагами.

Перед сном долго-долго толковали о том, что сделать, чтобы волны не захлестывали нас так фатально. Наметили целый перечень работ: перегрузка пустых амфор, перестановка брезентовых стенок, —

Ни один пункт этого перечня на завтра не был выполнен. Все светлое время ушло на парус.

Мы долго копошились, прежде чем убрали рифы и поставили парус, так как опять пришлось развязывать, привязывать, менять массу веревочек, веревок и веревниц. Напряглись, тянем парус вверх — он взвывается, как летучий змей: слишком ослабили шкоты. Переделываем и снова тянем-потянем. Наконец парус на месте — и тут он задает нам работу на добрый остаток дня. Корабль отвык идти по курсу, сбивается то на зюйд, то на норд, парус хлопает и полощет, без конца регулируем то шкоты, то брасы, и никакого проку.

Тур уговорил Нормана подать парус немного вперед, то есть превратить его как бы в спинакер. Для этого нужно парус чуть приспустить — и вот он двинулся вперед, надуваясь пузырем, увлекая за собой рей; курс выровнялся — и новая забота: теперь нижняя шкаторина паруса трется о нос «Ра», угрожая его разрушить.

Здесь Тур поступил, как Александр Македонский. Вместо того чтобы распутывать гордиев узел, он его разрубил. Верней, распилил.

— Ножовку мне! — воскликнул Тур и вместе с Карло моментально отнял у «Ра» кусок его великолепного носа. Парус тут же провис, корабль пошел удивительно спокойно и прямо, а Тур углубился в раздумья, как использовать отпиленное: не выбрасывать же, это же папирус, дополнительная плавучесть!

Норман пристроил «плавучесть» на корме, туда сколько поплавков ни клади, никогда много не будет.

Сегодня, между прочим, мы миновали сороковой меридиан. По этому поводу Жорж морочил нам головы три часа, готовя несусветное блюдо, как выяснилось — черные сухари, поджаренные с сыром, и овсянку с изюмом. Тур добавил к ним баночку черной икры.

Праздник был не очень веселым. Все устали и еще не разрядились после недавних событий.

Событий хватало и дальше, в основном неприятных. Жорж по-

шел на корму помыться после вахты, и вдруг волна закинула туда физалию, она шлепнулась Жоржу на ногу. Я не мог спросонья понять, почему вопли, а поняв, бросился искать бутылку с нашатырным спиртом, намочил в нем вату и прекратил страдания Жоржа. Мы теперь ученые, нашатырь действует быстро и удивительно эффективен.

Ветер непрестанно меняется, парус капризничает, не дает и пость как следует. Выбираем шкоты, жуя на ходу. Норман связался с Барбадосом, в эфире возник голос радиста яхты «Ринг Андерсен». И выяснилось то, чего втайне мы опасались: яхта еще в порту!

Мы тут считаем дни до ее прихода, боимся перелить лишнюю каплю в чью-нибудь фляжку, а она в порту!

Капитан, видите ли, не хочет рисковать, удаляться от берега, ждет, пока подойдем поближе: «Через недельку, бог даст, отчалим, куда торопиться?»

Тур вызвал к радиотелефону Ивон.

Он ни словом не обмолвился о нехватке воды, о поломке весла. Он надеялся на ее сообразительность: эфир кишит посторонними слушателями, ни к чему давать пищу сплетням: «Слышали? А на «Ра»-то, на «Ра»...»

— Неделя — хорошо, — говорил Тур. — А пять дней — лучше. Ты поняла? Еще лучше!

В тоне его звучало: «Отплывайте немедленно, какого дьявола, дорог каждый день!»

Чем-то знакома эта интонация, о чем-то она напоминает... Ну, конечно, вспомнил!

Был сорок третий день нашего прошлогоднего путешествия. Нас качало и заливало. Тур созвал совет.

— Хочу сообщить нечто важное. Мне кажется, настала необходимость всерьез подумать...

Мы замерли. Если уж Тур говорит: «Нужно всерьез подумать», значит, дело плохо.

— ... о фильме об экспедиции.

— ...?!

— Я наблюдал все это время, как идут дела, и считаю, что съемок на самом корабле недостаточно, необходимы кадры со стороны, днем и ночью, в различных ракурсах. Считаю, что нужно послать телеграмму Бруно Вайлати и Ивон, чтобы они зафрахтовали корабль и шли нам навстречу.

Мы переглянулись. Разумеется, мы были «за»!

Тур прочел нам телеграммы для Ивон и Бруно и рекомендовал Норману попытаться выйти на связь завтра же, не дожидаясь традиционного вторника.

Каждый понимал, не по словам, а по тому, как они были ска-

заны, что подается замаскированный сигнал «SOS», что Тур, забывая о нашей безопасности, решил подстраховаться. Но обставил свое решение так, чтобы репутация «Ра» не могла ощутимо пострадать.

Здесь следует сказать, что наш руководитель находился в весьма сложном положении. Хотя каждый член экипажа расписался в том, что идет на риск сознательно и добровольно, это была сторона чисто юридическая. Никакие подписи и декларации не могли освободить Тура от моральной ответственности за судьбу экипажа в целом и отдельных его представителей. Причем интернациональность наша еще более усугубляла эту ответственность, придавала ей особые оттенки: вообразите себе — среди шести белых гибнет единственный негр! Или «утрачен» единственный же представитель социалистического лагеря! Ситуация?! Как бы Тур ни был увлечен своей научной идеей, указанные выше соображения, к великой чести его, всегда были у него на первом месте. Именно этим и объясняются все данного рода переговоры и просьбы о помощи.

Осознают ли на «Ринг Андерсен», что им действительно нужно поторопиться?

Взволнованный, я отправился успокаивать нервы, все к той же брезентовой стенке. Обследовал ее, обнаружил свежие повреждения. Пришлось раздеться и лезть в воду.

По заключению Нормана, состояние «Ра» таково, что единственное наше спасение — в движении. Движение ускорится, если мы еще больше вынесем парус вперед. Легче будет управлять и держаться ветра, а идя строго по ветру, мы неминуемо достигнем какой-нибудь точки американской земли.

Подвинуть парус, не порвав его, не сломав рея, можно лишь одним способом: подать вперед верхушку мачты, потравив бакштаги (!) и натянув переднюю ванту.

Норман никого к этой операции не допустил, сказал, что справится сам. Весь день лазил по кораблю, осторожно и равномерно отвязывал и перевязывал концы, а к вечеру Норман, Тур и Карло, используя тали, потянули ванту и мачта подалась на добрый метр. Опять парус царапал нижней своей шкаториной нос «Ра», и опять Тур и Карло орудовали пилой. Форштевень еще укоротился, на корме прибавилось «плавучести», а мы стали более устойчиво держаться к ветру.

Следующий день — тридцать девятый день плавания — сплошь состоял из радиоконтактов.

Ровно в 9.00 Норман вышел в эфир, Барбадос тотчас ответил. Ивон, умница, поняла, что требовалось, и проявила максимум энергии.

Каковы же новости?

Штиль. Мертвая зыбь.
Радуга после дождя.

Зрители...
... и актеры.

На вахте Тур Хейердал

В зоне, где зарождаются знаменитые ураганы. Огромные волны поднимают нас до высоты шестизэтажного здания.

Кей — поистине мастер на все руки. Его трудолюбие и оптимизм неиссякаемы и заразительны. Фото К. Маури.

Покинув Марокко, мы спустили на воду модель «Ра», в надежде, что она вслед за нами придет к американскому побережью.

Ночью огонь виден издали.
Быть может, нас заметят?

Ночная вахта.

Не проскочить бы мимо Барбадоса. Фото Ж. Сориала.

Новичок Мадани быстро приспособился к морской жизни.

Ужин. Фото Ж. Сориала.

Из летописи «Ра-1».
Мы ободрали корабль как липку,
взяв с него все, что могло при-
годиться для музея в Осло.

Наш поквинутый «Ра».

На борту «Шенандоа». Тогда мы
еще не знали, что спустя год
успешно повторим свой марш-
рут. Фото Д. Харбор.

Вспоминая встречу с физалией.
Фото К. Маури.

Так рождалась эта книга. Фото
Ж. Соррала.

Единоборство с парусом всегда опасно: человек за бортом здесь — навсегда за бортом.

Так выглядит «Ра-2» с верхушки мачты. Платформа над хижинной — очень удобный багажник.

Первая операция на папирусном судне. Врач и пациент обмениваются комплиментами. Фото К. Маури.

В бамбуковой хижине тесно, но уютно. Фото К. Маури.

Обрезаны и нос, и корма.
Таким «Ра-2» сохранился лишь
в наших воспоминаниях.

Для кино- и фотосъемок мы
пользовались маленькой резино-
вой лодкой «Зодиак» с подвес-
ным мотором

Приближаемся к Барбадосу. На-
готове фотоаппараты — и ма-
ленькая рация «воки-токи» для
связи с буксиром.

Последнее купанье селезня Синд-
бада.

«Ринг Андерсен» — судно тихоходное и мало пригодное для открытого океана (так, по крайней мере, считает капитан). Капитан не хочет удаляться от берега более чем на 300—400 миль, поэтому он склонен подождать, пока мы приблизимся к Барбадосу, и тогда идти навстречу.

Есть, однако, счастливая оказия. На Барбадосе сейчас находится научно-исследовательское судно ООН «Каламар», оно изучает фауну океана и может выйти к нам послезавтра, а еще через четыре дня быть возле нас. Но для этого рейса «Каламару» нужен резон. Нас просят ответить на ряд вопросов, касающихся рыбы, которая вокруг нас плавает, и птиц, которые вокруг нас летают. Если ответы удовлетворят, то судно выйдет.

Договорились, что для размышлений нам нужен час. Весь этот час команда «Ра» словно решала сообща зоологический кроссворд. «Кит!» — кричал Жорж с мостика. «Макрель», — отзывался Сантьяго. «Не макрель, а корифена». — «А эти, с плавниками, летучие, — как их по-латыни обзывают?»

Мы вспомнили нашего Нельсона, каменного групера, не были вредной фазалии; перечислили всех акул и китов, встреченных или виденных нами хотя бы издалека. Даже голубь Юби, явно нетипичный обитатель океана, попал в список: нам так важно было показать, какое здесь для биологов раздолье, так хотелось, чтобы они не заартачились, чтобы «Каламар» пришел!

Ровно через час Норман запустил движок.

Приняв информацию, Барбадос медлил. Похоже, там сомневались: им требовалась отсрочка, они просили возобновить связь в семнадцать часов.

Задолго до семнадцати мы уселись у входа в хижину в нетерпеливом ожидании. Тур надел наушники, взял микрофон и начал обстоятельную беседу с Ивон по-норвежски. Мы, естественно, ни бельмеса не понимали и ерзали на скамейке, пытаюсь угадать хоть что-нибудь по выражению Турова лица, но он хранил крайнюю серьезность, смотрел прямо перед собой, будто нас и не было. Наконец как бы случайно заметил нас — и заулыбался. Мы поняли, что все в порядке.

«Каламар» выйдет послезавтра пополудни, и «Ринг Андерсен» тоже вдруг расшевелился и решил выходить не через неделю, а через пять дней. На нем будут Ивон с дочками, на «Каламаре» — киногруппа и репортеры.

Атмосфера на корабле резко изменилась. Куда девались усталость и нервозность? Послышались шутки, раздались веселые голоса. Мы засыпали Тура вопросами насчет размеров судов, экипажей их и так далее. В нашем календаре появилась новая точка отсчета: за день до выхода «Каламара», в день выхода «Каламара», в первый день пути «Каламара». Очень приятное

имя — «Каламар» (оно значит, между прочим, по-испански «каракатица»)

Норман и Кей совершенствовали правое весло. Они срезали долотом внутреннюю поверхность вилки, чтобы весло не терлось о нее, и сооружали кустарную уключину, продолбив паз в сосновой доске. Пусть сосна трется о сосну — может, поменьше будет стачиваться.

Сантьяго занимался пустыми кувшинами — их требуется разместить под хужиной ближе к корме. Сперва кувшины нужно закупорить, превратить в поплавки. Сантьяго разогрел парафин и залил пробки, потом кликнул меня — и началось сызнова то, чем мы с ним же занимались неделю назад. В чреве корабля, когда оно открылось нам, плескалась вода и гуляли волны. Мы должны были их вытеснить, выгнать — работа кропотливая и неприятная. Хорошо, Тур помогал, подавал веревки.

В конце концов мы завершили это грязное дело. Тур был доволен. Каждый день он придумывал новые и новые уловки, дабы заставить все, что плавает, плавать в нашу пользу. Категорически запрещено выбрасывать за борт папирус, даже крохотные кусточки, не говоря уже о деревяшках и — страшно подумать! — амфорах.

Итак, в день выхода «Каламара» у пас опять был радиоконтакт, условленный. Я стоял на вахте, вдруг слышу — зовут, попросил Мадани, чтобы подменил, тот согласился с готовностью, весь — улыбка, встал к рулю, а я кубарем скатился в каюту. На связи ждал Ленинград, говорил Алексей Старков.

Наконец-то удалось передать репортаж для «Известий». Он порядком устарел, но я его перелицевал и подновил тут же, у микрофона.

Подиктовал всласть и вернулся — сперва на мостик, а потом куда? Правильно, к брезентовой стенке.

Тур разговаривал с Барбадосом, с Ивон; он со смехом сообщил нам, что Ивон предлагает привезти телеграфный столб, чтобы заменить им сломанное весло. Тур долго не мог понять, что она хочет притащить, покуда Ивон не передала по буквам: с-т-о-л-б. Кстати, оказывается, «столб» и по-русски, и по-норвежски значит одно и то же.

Ивон известила, что «Каламар» выходит после полудня. Жорж вскричал: «О'кей!» — и закинул удочку насчет того, что экономии воды теперь можно бы и отменить. Но остальные активно воспротивились, и Жорж взял предложение обратно.

Кей и Норман продолжали маяться с правым веслом, стесывая твердую поверхность вилки. Привязывались, усаживались на поперечину, сидеть там неудобно и опасно, со временем пересташь обращать внимание на волны — и тут-то является

огромный вал, который норовит либо утащить тебя с корабля, либо расплющить о лопасть весла.

Они обтесали вилку так, что весло стало свободно болтаться в гнезде, и тогда на помощь был вызван Карло, веревочных дел мастер. Он быстро подзатянул петли, укрепив весло в должном положении.

После обеда решил вздремнуть часок, а потом заняться писаниной, наверстать пропущенное, поскольку мой дневник отстал от жизни уже на три дня. Попросил Жоржа разбудить, но проснулся сам, с тяжелой головой, глянул на часы — ничего себе, ужинать скоро. Жорж мурлыкал на камбузе и гремел посудой. Тур сидел у входа в хижину и посматривал иронически:

- Ты что-то разоспался сегодня?
- Да, как видишь! Если бы Жорж...
- Что такое? — тотчас отозвался Жорж.
- Почему ты не разбудил меня?
- Но ведь ты спал!
- ???!

Странная логика. Вроде анекдота про медсестру, которая подняла больного среди ночи, чтобы дать снотворное. Мы с Туром посмеялись, но в результате я уже не мог заснуть почти до утра и на завтра ходил разбитый.

Обрезанный нос нашего корабля все-таки слишком высок. Парус трется о панирус и по кромке разлохматился. Жорж и Карло отпилили еще метр с лишним. Теперь у нас вообще нет носа, торчит безобразно толстый и тупой пень.

Погода сносная, но переменчивая, иногда накрапывает дождь, несильный и недолгий.

Ночная вахта — вновь полуторачасовая. Управлять легко, океан лениво плещет о борта. Небо чистое, удивительно звездное, луна еще не появилась, и поэтому звезды особенно сочны. Я зажег «летучую мышь» и уселся на камбузе за дневник, но расслабился и задумался, глядя в небо.

В такие моменты особенно приятно сидеть, развалившись, вытянув ноги, и думать — ни о чем конкретно, просто просеивать всякое разное сквозь дремлющий мозг — и вдруг вспомнить удивленно, что помимо этого твоего мира, сжатого со всех сторон океаном, есть еще и другой, огромный, там живут твои друзья и враги, —

Мы — дети того мира, менее натурального, более сложного, и не можем жить без него. Тоскуем. Тянет.

Утро встретило нас отличным солнцем, теплым ветерком и спокойным океаном. Ветер дул с востока. И мы шли бейдевинд, не испытывая никаких хлопот с управлением.

После завтрака Тур опять затеял беседу о плавучести и объявил, что, пожалуй, необходимо сконцентрировать весь лишний папирус под капитанским мостиком. Надо так надо — мы с Сантьяго собрали с крыши беспризорные стебельки, запаслись веревками и полезли под мостик, туда, где вода урчала и плескалась, переваливала через деревянные поперечины и со свистом просачивалась сквозь бамбуковую шторку.

Впридачу к папирусу зачихнули туда же большую пустую канистру и с облегчением выбрались наружу.

Чего-то мне с утра не хватало, никак не мог сообразить чего. И внезапно осенило: голубь. Исчез голубь. Мы искали его по всему кораблю, но тщетно. Как, когда и зачем он покинул нас, куда увлек его непонятный инстинкт? Сможет ли он преодолеть девять сотен миль и добраться до суши?

Это навсегда останется тайной.

Не знаю, как для кого, а для меня исчезновение Юби означало, что путешествие вступает в финальную фазу...

Следующий день, вернее, ночь, надолго врежется в память.

Было воскресенье, светило солнышко, мы занимались личными делами. Я помылся, побрился, потом мы с Сантьяго вдоволь фотографировали друг друга, облазили весь корабль и снялись, где только могли, отщелкали три пленки. Тур поощрял нас подходящими к случаю цитатами из корана — эта книжица как раз лежала у него на коленях, и он с наслаждением ее изучал.

К вечеру погода начала портиться. Мы пошли спать, я задремал, но слышал, как Жорж разбудил Тура на вахту, а когда Жорж стал устраивать себе постель, я проснулся совсем и лежал с открытыми глазами.

Тур справлялся с веслами с трудом, корабль шел зигзагами — я чувствовал это по тому, как периодически в хижину задувал ветер, а так бывает, когда «Ра» слишком отворачивается влево.

Захлопал парус. Я не выдержал, выбрался на палубу спросить, в чем дело.

— Ветер изменился, трудно удерживаться на курсе.

— Может, парус привести к ветру?

Для этого надо перебраться на правую сторону кормы, где бушуют волны, в темноте отвязать и вновь закрепить брас — мне совершенно не хотелось туда спускаться, и, видимо, Тур это понимал.

— Не стоит, подождем.

Я вернулся в хижину, улегся. Ветер был очень сильный. Вновь захлопал парус, раз, два, три — нет, не спалось, не лежалось. Вылез и опять предложил свои услуги.

— Хорошо, давай.

Взял страховочный линь, опутался им и ощупью полез в преисподнюю. Волны клекотали сначала у щиколотки, потом у колен, потом у пупка. Море флюоресцировало и пенилось. Подумал было об акулах, но некогда о них думать, парус полощет — где здесь конец правого браса? Кто изобрел эту систему?! Я чертыхался, хлелал соленую воду и проклинал свою инициативность. Все же удалось отвязать и подтянуть то, что надо, и Тур обрадовался: стало легче. Я посидел на крыше, пытаюсь просохнуть, но забрызгал дождик, и вообще давно пора спать.

Однако не суждено мне было ни заснуть, ни отогреться. Парус хлопнул, как бы примериваясь, и забарабанил канонадно. Ветра в хижине не было, значит, на сей раз мы отклонились вправо к северу. Это еще хуже, так как почему-то корабль поворачивает с юга на север послушней, чем наоборот. Снова вылез на палубу и взялся теперь уже за левый брас.

После нескольких минут борьбы понял, что одному не совладать, и позвал Карло. Но и вдвоем мы не могли помочь делу. На палубе появились заспанные Кей, Норман, Сантьяго. Парус бился бешено, рей стучал о мачту. Брас обрывал руки, а прочие концы, свисавшие с паруса, хлестали так, что в любой миг можно было остаться без глаз.

— Давайте сбросим якорь! — прокричал Тур.

Вскоре якорь-парашют был за бортом. Сперва он не желал раскрываться, но, раскрывшись, потянул лихо, так, что едва успевали травить линь. Все сто метров были моментально размотаны, натянулись, и мало-помалу «Ра» лег на курс.

Теперь надо было якорь извлекать.

Мы тянули его с Карло вдвоем, выбились из сил, упустили линь, он, свистя, скользнул за борт — начинай сначала. Кликнули Сантьяго, впряглись втроем — никак. Линь, стервец, натягивается и пружинит, норовит стащить в океан, ладони горят, и мышцы рук становятся деревянными.

Через четверть часа я сдался: не могу больше, нет сил, и все тут.

Позвали Жоржа и Мадани, потом пришел Кей, потом Норман. Нам было тесно на корме, где, к тому же, бушевали волны и порывами налетали крупные брызги дождя. Выбирали якорь все семеро по очереди, тянули, фиксируя веревку, отдыхали, вновь тянули. Битва продолжалась часа полтора. Победив, мы валились с ног от усталости.

Едва все уснули, вахтенный Карло растолкал Жоржа. Он сказал, что на крючок спиннинга, заброшенного еще вчера, поймалась огромная рыба.

Жорж смертельно хотел спать, но все же поплелся с Карло на мостик. Там бился спиннинг. Жорж взял его, дернул — тяжело, но тяга какая-то странная, постоянная.

В конце концов они вытащили на палубу зацепленный крюком буй.

Тем и кончился наш Главный Аврал, Генеральный Аврал, Аврал Сорок Третьего Дня.

В прошлом году мы тоже пережили подобное. В ночь с 19 на 20 июня, во время вахты Сантьяго и Тура, по носу показался корабль. Он шел навстречу и сигналил светом. Тур разобрал только:

— Эй, на «Ра»!

Тур ответил фонариком:

— «Ра» о'кей!

Они сигналили еще что-то, чего Тур не мог понять: возможно, они говорили по-испански, а Тур читал по-английски. Корабль описал круг, напутствовал: «Бон вояж!» — и удалился. К тому, что произошло дальше, это имеет самое прямое отношение, а какое, сейчас станет ясно.

Я проснулся без пятнадцати два и, сообразив, что до начала моей вахты еще пять минут, нацелился вздремнуть напоследок. Вдруг слышу голос Тура:

— Юрий!

— Сейчас иду.

— Юрий!

— Иду.

— Юрий!

Сантьяго зашевелился и пробормотал:

— Тур зовет, иди скорее.

— Да иду же! — и начал одеваться.

— Юрий, Норман, сломалось весло, все наверх! — уже кричал

Тур.

Нас как ветром сдуло. Выскочили кто в чем был, в основном голышом. Тьма была кромешная. «Ра» ходил ходуном. Кинулись к шкотам и брасам, стали выбирать. Тур с мостика выкрикивал курс:

— Двести сорок, двести тридцать, двести десять, сто девяносто, сто семьдесят, сто пятьдесят!

150°! Невероятно! Нас развернуло к югу! Выбросили, распутав веревки, плавучий якорь, но не помог и он. Парус хлопал. «Ра» шатался как пьяный. Положение спас Жорж. Рискуя свалиться за борт, так как не был привязан, пробрался на нос, подлез под бьющийся парус и в темноте нащупал и отвязал запасной обломок весла, ринулся с ним на корму, спустил в воду слева и принялся загребать против хода. Курс медленно менялся.

— Сто девяносто, двести, двести десять, двести тридцать, двести пятьдесят, двести семьдесят! — вещал Тур с мостика. Слава богу, выровнялись. Но нас тут же поволокло вправо:

— Триста, триста десять, триста тридцать, триста пятьдесят!

Жорж вытащил весло и кинулся на правый борт! Парус вновь метался, как ошалелый, опять Жорж загребал. Через час-полтора обстановка разрядилась настолько, что на вахте остались Жорж и я, прочие ушли спать.

А встреченный нами корабль вот при чем. После того как Тур сообщил, что на «Ра» все «о'кей», ему обязательно надо было постучать по дереву, чтоб не сглазить, это старинная морская примета.

— Да, моя ошибка, — согласился Тур...

Утренние часы после всех авралов, что на «Ра-1», что на «Ра-2», одинаковы: не до еды, не до погоды, спать, спать, ежели ты не вахтенный, а я не был вахтенным и проснулся около полудня, от тарактенья движка. Норман и Тур разговаривали с «Каламаром», речь шла о вероятном месте нашего randevu, о координатах. Им останалось до места встречи около ста пятидесяти миль, нам — около пятидесяти, — это вроде школьной задачки о двух поездах, экспрессе и почтовом: когда они встретятся? Задача простая, но мы решили ее не сразу. Назавтра Норман три часа торчал на верхушке мачты, пускал ракеты и жег аммонитовые пашки, «Каламар» делал то же самое, но никто никого не видел, хотя связь была постоянная. «Каламар» потерялся. И с координатами творилось нечто странное. Выяснилось, что за сутки пройдено всего двадцать три мили. Совершенно непостижимо, но — истинно: мы попали в зону какого-то ненормального течения, и оно волокло нас против ветра.

К вечеру вдруг расчеты показали, что «Ра» и «Каламар» находятся в одной и той же точке. Безусловно, штурманские погрешности неизбежны, однако плюс-минус две мили не играют роли, это в пределах прямой видимости, — но мы все глаза проглядели, дежурили на крыше хижины, на мачте, а «Каламара» не было.

У них барахлил радиопеленг. Но мы все-таки попробовали дать им возможность нас запеленговать. Извлекли свою маленькую вспомогательную радию и долго крутили ручку: «Каламар», «Каламар», я «Ра»... Потом связались по основной радиации: «Ну, как?» — «Засекли, скоро догоним». Через час опять принялись крутить шарманку, пока не услышали в наушниках: «Хватит, ребята, мы вас видим».

Теперь и мы видели их. Они шли за нами с востока. Сказать, что мы обрадовались, значит ничего не сказать.

О, первые мгновения встреч!

Помню, в прошлом году, в день, когда мы уже изнемогали от возни с веслами, от борьбы с ветром и волной, из-за горизонта вырос огромный корабль. Он шел нам наперерез. Мы заорали: «Шип, шип!», замахали руками. Судно изменило курс, удалилось, снова приблизилось и застопорило машины. Оно было примерно в трехстах метрах от нас, на его палубе суетились матросы, ходили (мой бог!) натуральные живые женщины! С судна сбросили за борт предмет красного цвета. Предмет медленно дрейфовал в нашем направлении, течение слегка относило его вправо и собиралось пронести мимо нас. Жорж, испросив разрешения у Тура, облачился в гидрокостюм, обвязался лямками, концы которых Сантьяго и я взяли в руки, и прыгнул в море.

Он проплыл метров сорок и загоготал, извещая, что посылка в его руках.

К двум спасательным поясам был привязан мешок, а под него подсунута связка журналов. В мешке оказались яблоки, апельсины, грейпфруты, лимоны, всего понемногу. Мы тут же расхватали яблоки и накинулись на журналы, которые довольно солидно пострадали от воды и вообще не отличались свежестью, так как, видимо, корабль покинул порт недели две назад, — но все равно, мы листали их с жадностью, и радовались, и пялили глаза на обнаженных фотокрасавиц, а «Африканский Нептун» (приписка Нью-Йорк) скромно уходил, таял в дымке, провожаемый нашими благодарными возгласами.

Скоро так же уйдет и «Каламар», но сейчас мы предпочитали не думать об этом. Двое суток — это же вечность, еще все впереди. Спущен на воду «Зодиак», поставлен мотор, и Тур отправился на «Каламар» с официальным визитом, а заодно и для хозяйственных заготовок. Вскоре Жорж принялся снова на «Зодиаке», как челнок, доставляя на «Ра» овощи и фрукты. Воду мы все-таки решили не брать.

Зато Жорж привез изрядную грудку мороженого, и оно исчезло мгновенно.

Кей вежливо склонился ко мне:

— Юрий, прошу прощения, на корме справа совсем развалился брезент.

Я взглянул на него удивленно: какой еще брезент? В эти минуты совсем забылось, что поход «Ра-2» продолжается и океану нет дела до наших свиданий. А брезентовую стенку действительно надо менять, теперь же, не откладывая. Только где взять материал для заплат? Придется раздеть хижину, обкорнать ее покрытие — другого выхода нет.

Уселась с Норманом на корме и принялись вшивать в отрезанный кусок брезента веревку, для прочности. Портняжничали долго,

закончили, можно устанавливать. Но деловитый обычно Норман медлил:

— Подождем, выкурим по сигарете.

— Да уж сделаем, потом покурим!

Он признался, что ждет инструкций от Тура, не знает, будут ли с «Каламара» снимать па пленку нашу работу, велись об этом разговоры, по конкретной команды нет, а Тур задерживается.

В очередной раз подшвартовался «Зодиак», Тур опять не приехал, что-то он в гостях засиделся. Норман нервничал. Однако в руках Жоржа оказалось миниатюрное радиоустройство, вроде игрушечного телефона, беспроводного, — воки-токи. Воки-токи, примитивная рация, действовала неважно, несмотря на очень близкое расстояние; все же удалось расслышать Тура, он разрешил ставить брезент, не дожидаясь съемок, к моему и Норманову удовольствию.

Съемки состоялись позднее, после ленча. Карло, Тур и Норман пилили ахтерштевень, делая его столь же коротким и безобразным, как и нос. Отпиленные пучки папируса перетаскивали на крышу хижины и расстилали, как стелют сено для просушки, с тем чтобы потом уложить их на корме. В занятии этом не было ничего внепланового, но сегодня, в окружении зрителей, под журчанье кинокамер, наш будничный труд выглядел немного театрально и «Ра» казался чуть-чуть декорацией, а океан — гигантским рир-экраном.

Подумалось: вот и последние съемки. А давно ли были первые, не вчера ли? Обед с вином, финиками и арбузом; Карло достал камеру, протер ее, и Тур, увидев приготовления, сказал: «Минуту!» — и сменил свою металлическую ложку на сувенирную, русскую, деревянную... Не вчера ли начиналось путешествие на «Ра»?..

Вечность промелькнула мгновением. «Каламар» выполнил программу, погудел и исчез, мачты скрылись за горизонтом и на воде не осталось следов.

Спасибо ему, но очень он нас растрожил.

Поужинали и уселись на камбузе посудачить, и вдруг — будто каждого прорвало — заговорили на темы заведомо запрещенные: о любви, о супружестве, о темпераментах, о сексуальной свободе и т. д., и т. п., — разгорячились, заспорили. И — спохватились. Пряча глаза, принялись обсуждать возможные варианты близкого финиша. Будет ли это Барбадос, либо Тринидад, или берега Венесуэлы?

Тут явился Жорж (он не ужинал с нами, так как устал после двухдневной работы перевозчиком и сразу после ухода «Каламара» завалился спать). Жорж был всклокочен и зол. Он не дослушал монолога Сантьяго и вмешался:

— Все эти разговоры о Венесуэле — бред. Мы должны идти на Барбадос и остановиться на этом — если будем пытаться достичь большего, то потеряем, что имеем!

В его речи была определенная логика. Но выражения! Но тон! Какой бес в Жоржа вселился?

Нам всем одинаково достается, все устали, парус обнаглед, брезентовые стенки требуют ежедневного ремонта, вахта двойная, стоим парами по три часа, не имеем выходных — в этих условиях надо особенно друг друга беречь.

Помню, в прошлом году закуромесила обезьяна, стала огрызаться, покусала Нормана — мы долго гадали, чего ей нужно, и додумались: смастерили бамбуковую площадку с навесом, домик, и подарили его Сафи, она сразу притихла, немножко одиночества и уюта — вот в чем она нуждалась. Но для себя мы же не можем здесь понастроить одноместных кают!

Первое, что я заметил следующим утром, была снесенная напроць брезентовая стенка на корме справа. Я позвал Карло, он посмотрел, покачал головой и сказал, что сомневается, можно ли ее восстановить. За последние дни корма здорово осела и волны хлещут через борт двумя водопадами. Какой брезент выдержит?

Карло посоветовал: лучше будет, если снимем остатки стенки и окружим ими мостик. Отступим, так сказать, за внутренний пояс баррикад, отдав врагу предмостные укрепления.

Так и поступили.

Привычная работка: волны налетают, швыряют из стороны в сторону, вокруг дьявольский водоворот. Наощупь находишь веревку, наугад просовываешь под нее другую, ищешь дырку в брезенте, в горле першит, голова болит, ушибленные места ноют. Вначале волны меня еще щадили, а потом пришла одна, хорошо, что я был привязан, — приподняла, повернула и опустила поясницей на поперечину, да так, что я крикнул от боли и злости, — удар классический, такой долго не позабудешь.

Затем меняли стенку на носу. Сняли старую, прохудившуюся, и поставили свежий брезент, подаренный «Каламаром». Вернулись на корму — она продолжала оседать и крениться, уже мостик ощутимо наклонился вправо. И возник разговор о надувной лодке. Она подвешена к хижине и бездельничает, а из нее можно бы соорудить на корме дополнительную стенку от волн.

Все были согласны, однако Жорж категорически воспротивился. Он не приводил сколько-нибудь веских аргументов, разглагольствовал о том, что лодку нельзя помещать на корму, что до финиша всего несколько дней, что кораблю ничего не грозит. Он был упрям, как носорог, наговорил кучу резкостей, и никто не мог взять в толк, в чем дело, почему он заупрямился.

Все же абсолютным большинством голосов, семью против одного, постановили «Зодиак» использовать. Норман провел обмеры и заготовил такелаж. Жорж, видя, что плетью обуха не перешибешь, сдался, смягчился и отправился крепить веревки.

Он болтался за кормой, как поплавок на леске. И тут волна бросила его прямо на острую грань лопасти несла. Он вовремя успел подставить руку, и удар пришелся по ней. Стальной браслет «Ролекса» лопнул, часы скользнули на дно. Хорошо хоть кости оказались целыми, и я ограничился наложением жесткой повязки и анальгином. А Жорж громогласно тужило «Ролексе» — еще бы, это был специальный презент Тура каждому участнику «Ра-1», с надписью на крышке: «Экспедиция «Ра», май, 1969 г.».

Жорж охал, бранился и клял себя, что вовремя не прислушался к предчувствию.

Нервы натянуты у всех, не у одного Жоржа, это проявляется поминутно.

Стою на вахте, и вдруг ко мне поднимаются Кей и Сантьяго. Кей плачет, Сантьяго его успокаивает.

Оказывается, Сантьяго толкнул Кея ногой, в шутку, а это для японца крайне оскорбительно. Ну, Кей, Кей, кто же знал? Прости, пожалуйста, не обижайся! А Кей всхлипывает, и сам извиняется, и улыбается сквозь слезы: «Прекрасно понимаю, что глупость, а ничего не могу с собой сделать». И рассказывает печальную историю, которая произошла с ним в юности. Он влюбился в девушку, а эту же девушку любил его школьный учитель. Учитель однажды увидел ее с Кеем в обнимку, назавтра он избил Кея ногами так, что парнишка четыре дня не являлся домой: «Если бы мой отец узнал, он должен был бы учителя убить».

И вот теперь, спустя столько лет, прошлое ожило, голос прерывается, и никак не взять себя в руки.

Славный Кей, воспитанный, сдержанный, деликатный!

Ни разу за все плаванье он не повысил ни на кого голоса, всем помогал, ко всем ровно относился, всегда был занят, стремился служить экспедиции максимально. И беспощадно, оберегая товарищей, загонял внутрь себя собственные отрицательные эмоции — копились они, копились и отомстили.

Пора прекращать путешествие. Хватит. Цель в принципе достигнута, задача выполнена. С того мига, как вдали показался «Каламар», психологически мы уже как бы приплыли. Тем труднее дотягивать последние дни.

Был очередной радиоконтакт, и Ивон «обрадовала»: «Ринг Андерсен» сломался, есть другое судно, которое предлагает свои услуги за тысячу долларов в сутки, но это неприемлемо, — она попробует предпринять еще что-нибудь. Мальчишки, не горюйте — до послезавтра!

До послезавтра мы успели уложить поперек кормы «Зодиак», разминуться с норвежским танкером «Титусом» — и распрощаться с хорошей погодой. Небо обложили зловещие черные тучи, стал накрапывать дождь, дождь сменился ливнем, ливень — опять дождем. Все стало мокрым, скользким и холодным, постель и белье пропитались влагой. Ветер то палетал шквалами, то исчезал совершенно, и мокрый парус переваливался с боку на бок в такт крену корабля.

Под стать погоде и наше настроение. Сидим в хижине, опустив брезентовый полог. Душно, влажно и тоскливо.

Развлекаюсь тем, что перечитываю свой прошлогодний дневник, последние записи. Тогда нам приходилось гораздо хуже:

«13 июля. «Солнце красно поутру — моряку не поутру». И точно. Хоть небо чистое и голубое, океан беснуется сильнее прежнего. Мы уже забыли веселые времена, когда можно было свободно разгуливать по кораблю. Вся корма и весь правый борт практически целиком в воде. Вода почти полностью покрывает носовую палубу, и готовить пищу все труднее, кроме того, «Ра» деформировался. Срединная его часть выгнулась, борта опустились, корпус вывернулся спиралью. Сухими (сравнительно!) остаются кусочек на самом носу да часть левой палубы вдоль кабины.

Внутри хижины тоже несладко. Ящики плавают, на них плавают наши постели. Временами, когда приходят особенно большие волны, постели встают на дыбы. Крыша прогнулась, а пол выпятился, и передвигаться по хижине возможно лишь на четвереньках.

Безусловно, наше плаванье не идет ни в какое сравнение с «Жон-Тики». Там — морская прогулка с хорошей рыбалкой, здесь — пятьдесят дней борьбы за курс, за корабль, за жизнь».

«Наш корабль почти весь в воде, и напор волн сдерживает только хижина».

«14 июля. Потолок хижины еще более прогнулся, ящики плавают и скрипят, плещет вода, постели извиваются, как какие-то доисторические чудовища. Порезал палец, полез за бинтом в свой ящик и увидел, что он еле-еле держится, чемодан с медикаментами весь в воде, — и где-то мне предстоит спать сегодня?..»

Б-р-р! Вспомнить страшно. Теперь у нас по сравнению с прошлым годом все-таки благодать. Вот и Ивон появилась в эфире с прекрасными новостями: правительство Барбадоса распорядилось выслать небольшое судно, оно отбуксирует нас к острову в случае нужды. Проблема в том, что мы значительно уклонились к северу, нас может пронести мимо. Нужно постараться спуститься

южнее Барбадоса, взять упреждение, как при стрельбе по движущейся цели, — удастся ли выполнить этот маневр? По словам Ивон, моряки единодушно утверждают, что, находясь в нашей позиции, попасть на остров невозможно. Норман берется за лодку: есть, кроме Барбадоса, и другие острова. Но попытка не пытка — круто меняем курс...

Идем наперерез волнам, и заливаает нас теперь уже слева, со стороны двери в хижину, радости в этом — никакой. Дождь добро бы лил не переставая, так нет, то кончится, то начнется, а когда приходит дождь, обязательно меняется ветер, тут только смотри, — за парус боимся жутко, всякий раз, как заполаскивает, жмуримся даже: вдруг не выдержит, он уже два месяца в работе, а запасного нет, извели на брезентовые стенки.

Стенка па носу вновь нуждается в ремонте, и на корме тоже, — но неохота, лень, апатия, доберемся как-нибудь.

Барбадосское судно вышло, оно уже не так и далеко, сигналы в наушниках Нормана все слышнее. Рация привязана к мачте, Норман, промокший, крутит рукоятки, переключает тумблеры: «Наши координаты такие-то, сообщите ваши».

Оттуда отвечают: ладно, примерно через час будьте на связи, позовем.

Н о р м а н: Послушайте, капитан, у меня ручная рация, дежурить не могу, скажите точно время вызова!

К а п и т а н: Олл райт, через два часа.

За два часа, естественно, координаты и там, и тут немного меняются.

Н о р м а н: Алло, я «Ра», жду сведений, прием!

К а п и т а н: Подождите, будьте на связи.

Н о р м а н: Капитан, у меня руч-на-я рация, я так не могу, назначьте время!

Огромное самообладание у нашего Нормана. Я бы не выдержал, взвился бы: то они нас слышат, то они нас не слышат, координаты толком сказать не могут, придут, не придут, ничего не ясно, а у нас каждую минуту готов лопнуть парус, а лопнет — крах, конец экспедиции, идти больше не на чем, и тогда все наши двухмесячные старания к чертям.

В три часа пополуночи они вовсе пропали. Не вызывают и не отвечают. А погода, как назло, совсем плохая, брезентовые стенки разрушаются в прах, волны со всех сторон — здесь, видимо, сходятся Южное Экваториальное и Северное Экваториальное течения, мы в самом завихрении, в сердцевине. Единственное средство — бросать плавучий якорь, он дает парусу передышку, но зато нас сразу же начинает сносить на север.

Раньше мы выбрасывали якорь на момент, только лишь чтобы развернуться, — теперь он волочится за нами почти постоянно.

Всю минувшую ночь мы дрейфовали с ним п, конечно, сильно уклонились от курса. Надо якорь вытащить. Тянем на последнем издыхании, руки болят, ноги болят, глаза болят. Карло, верный себе, придумал новую веревочную систему: накинуд на якорный линь скользящую петлю, чуть-чуть выберем — и фиксируем слабинку к мостику, так хоть нет опасности, что канат вырвется из рук и вернется в исходное положение.

Этого еще не хватало — волны принялись атаковать нас и спереди. Они бьют в переднюю стену хижинки, как раз туда, где я сплю. Утешаюсь тем, что все же я под крышей, — на «Ра-1» к этому времени дела обстояли иначе.

«16 июля. Перед нами встала проблема ночлега. Спать в хижине могут Тур и Абдулла, остальные места разрушены. Днем мы пытались как-то собрать ящики и укрепить их, используя куски дерева и пустые канистры, но ничего не вышло, только внутри хижины скопилось множество деревянного и металлического барахла, все это плавает и бьется о стенки.»

Жорж и Сантьяго устроились на носу на корзинах, но смогли поспать лишь несколько часов, их стало заливать. Я нашел кусочек места на палубе слева, ближе к носу, на канистрах с водой. Накинул на себя брезент, который покрывал хижину, и получилось довольно сносное гнездышко. Правда, я согнулся в три погибели, в бока впивались ручки канистр, шея неестественно вывернута, но хоть сухо. Однако среди ночи проснулся от боли во всех членах и решил посмотреть, нельзя ли прилечь рядом с Жоржем и Сантьяго. Пошел на нос — и застал там бесприютного Карло, который маялся вообще без ложа. Жорж и Сантьяго лежали в совершенно мокрых спальных мешках. Лучшее уж рожиться на железе, чем подмокать. Отправился обратно, но, увы, на канистрах уже храпел Карло. Норман мучился на плавающих ящиках в хижине, Тур спал, наполовину высунувшись из двери, закутавшись в брезент, —»

Вот была ночка! Последняя ночка на «Ра-1»!

Сегодня нам неизмеримо лучше. Но все относительно: мы уже настроились на окончание, на финиш, и то, что с нами происходит теперь, воспринимаем как незапланированную добавку — человек собрался в отпуск, и вдруг ему объявляют, что отпуск откладывается, а предстает сверхурочный штурм.

Днем торчим на мачте, ночью жжем сигнальные огни — ничего, ничего.

А между тем они где-то уже совсем рядом, может быть, уже в радиусе действия игрушечной воки-токи.

Тур достал воки-токи и сразу услышал близкий голос Ивон. Связь возобновилась. Но встреча никак не получалась, на судне опять, как и на «Каламаре», не работал пеленгатор, мы шли бок

о бок, возможно, уже параллельными курсами, и не могли друг друга отыскать.

Нашла нас Ивон. Она попросила Тура быть на связи и что-нибудь говорить, а сама принялась водить туда-сюда антенной, и воки-токи выручила, нас приблизительно запеленговали. Ивон показала рукой: «Они, видимо, в этом направлении» — и судно повернуло и вышло прямо на нас.

Это случилось на пятьдесят пятый день нашего пути, 10 июля 1970 года, в девятнадцать ноль-ноль.

И уже не оставалось ни сил, ни времени, ни желания подробно записать об этом в дневник — вот запись от 10 июля, полностью:

«Судно пришло, погода ничего, все счастливы. Полно еды, фруктов. Жорж хочет прыгнуть в воду, ночует не дома!»

Весь остаток дня чужая металлическая лодочка, оснащенная нашим подвесным мотором, курсировала от борта к борту. Перевозчиком, разумеется, был Жорж. Устал он зверски, но зато нарадовался вдосталь.

Ездил он ездил, а финальный, перед ночью, рейс сделать не успел. Стемнело, на лодке уже не переправишься. На судне запустили двигатель, оно надвинулось на нас, чуть не раздавило, на его палубе метался Жорж, как тот муравьишка, который опаздывал в муравейник к заходу солнца. Он решил прыгнуть прямо к нам, но кто-то из гостей закричал: «Акула!» — вроде бы из воды показался плавник. И Жорж остался до утра в отлучке. Снова я позаимствовал его матрац, но спать было неудобно: все всегда в сборе, и вдруг одного нет.

Ночью опять бросали плавучий якорь. Опять мы с Сантьяго воевали с проклятым парусом. Только вздохнешь спокойно — приходит тучка, р-раз! — ветер меняется, сильный ветер, сильный дождь, вокруг грохочет, хлопает, с курса сбились — провожал нас океан по первому разряду.

Назавтра открылось, что мы переборщили, слишком уклонились к югу и проходим мимо острова. Нужно поворачивать на север. Мнение барбадосских радиосоветчиков опять единодушно: уж теперь-то нам к цели никак не попасть.

...Ее увидел первым, кажется, Норман. До того как это произошло, мы заметили самолет, затем другой, третий — они кружили над нами стаяй, на одном из них, как мы узнали, находился сам президент Барбадоса. Потом появились катера. Нас предлагали взять на буксир, но мы отказались, хотели подойти как можно ближе, а там поглядим. На горизонте, в дымке, маячила темная полоска...

И были крики «Земля!» на восьми языках, и маханья руками, и прыганья по палубе, и объятия, и команда «К парусу», и раз-

вязыванье, распусканье, растягиванье бесчисленных переплетений и узлов.

Был труд, привычный, тяжелый и долгий, но мы не замечали времени, нас не трогало, что спины ноют и руки болят, наоборот, пусть будет еще труднее, мы справимся, потому что мы молодцы, черт возьми, потому что мы доплыли, да здравствует гипотеза Тура, слава нашему «Ра»!

Мы работали, радостные и влюбленные, осыпая друг друга комплиментами: «Я счастлив, парень, что был эти месяцы с тобой!» — «О'кей, приятель, ты великолепно справлялся!» — «Ну, дружок, навалимся в последний раз!» — Мадани хохотал, Карло распевал по-итальянски, Жорж хлопал меня по плечу ручищей, на запястье которой была незагоревшая полоска, память о «Ролексе», — Жорж не знал еще, что мы уже сговорились подарить ему новые часы с той же надписью на крышке, — глаза Кея лучились, и Тур подозрительно покашливал, и Сантьяго умудрялся, воюя с канатами, отбивать чечетку... И гортанный голос Абдуллы тоже, клянусь, слышался в нашем неумолчном хоре. Парус лег наконец на палубу, блестяще, по всем правилам спущенный и уложенный, и мы встали над ним, оглушенные, и поняли: «Все!»

Все! Кончено! Ничего не надо больше делать!

Тихо-тихо было в те минуты на «Ра»...

Только чайки кричали, да умиротворенно повизгивала на плече Жоржа обезьяна, да пустые амфоры погромыхивали, перекатываясь у мачты.

— Смотрите! Это так поддержит нашу плавучесть! — воскликнул Норман, подхватил амфору, понес ее на корму — и не донес, отбросил и рассмеялся.

РАССУЖДЕНИЕ ПЯТОЕ

заключительное

Свежий вечерний ветер карабкается по кручам, принося прохладу и звуки поселка, расположенного внизу, в долине, в самом сердце Тянь-Шаньских гор.

Я сижу в небольшом домике, прицепившемся к уступу скалы, смотрю на мигающие в глубине огни, и мне кажется, что это сон: откуда взялись горы и куда исчезли волны?

Почему под ногами твердые камни, а не шаткая упругая па-луба?

Исподволь возникает перед глазами другая картина. Высокие валы прибоя набегают на барбадосский берег. Восемь человек из восьми стран расположились в тени кокосовых пальм, густые кроны которых шевелит пассат. Известняковые скалы вокруг нас образуют юго-восточный конец Карибских островов, неправильно названных в свое время Вест-Индией.

Сейчас мы только зрители. Мы глядим на прибой, на белые облака, гонимые трансатлантическим воздушным течением, а всего несколько дней назад сами были участниками этого гигантского естественного процесса.

Зачем нам это понадобилось?

Недавно одна не в меру экспансивная дама сочувственно воскликнула: «Юра, вы так рисковали — а во имя чего? Гора родила мышь!»

Вероятно, она имела в виду, что результаты нашего плаванья нельзя надеть на себя или скушать с кашей.

Ну что ж! Молочные реки действительно не потекли, и булки не стали расти на деревьях оттого, что «Ра» пересек океан.

Этнографическая задача экспедиции имела значение для многих знатоков. Правда, и опыты на синхрофазотроне — тоже для непосвященных звук пустой, умозрительная игра в бирюльки. Тут можно было бы кстати вспомнить, что вся современная электроэнергетика возникла из якобы баловства с пустяковыми лейденскими банками, — но какое глобальное «электричество» может в принципе вырасти из нашего скромного вояжа, гадать не к чему. Вынесем эту проблему за скобки.

Подойдем к вопросу с другой стороны.

Альпинисты рискуют жизнью, чтобы взобраться на ту или иную горку той или иной высоты, и мы говорим: «Посмотрите,

какая прекрасная, великолепная демонстрация человеческих возможностей!»

Фрэнсис Чичестер отправляется кругом света на своем «Цыгане-Мотыльке» — не открывать новые земли, не за пряностями и драгоценностями, нет, — он жаждет одержать победу над собственным возрастом, над старческими недугами, над кораблем, которым так трудно управлять в одиночку, — и мир рукоплещет, мир вновь восклицает: «Сколько беспредельны возможности человеческие!» Разве это недостаточное основание для многодневного риска — показать, на что способен человек, умножить веру людей в свои силы, поставить планку на рекорд — и не сбить ее, и тем самым позвать в дорогу завтрашних, для кого рекорд уже станет привычной нормой?

Но даже и не в этом одном дело.

На страницах, прочитанных вами, не раз упоминался Ален Бомбар. Теперь настала пора сказать о нем подробнее.

Доктор Бомбар восемнадцать лет назад пересек Атлантику почти точно нашим маршрутом. В его дневниковых записях названия «Канары», «Зеленый Мыс», «Барбадос» встречаются не реже, чем в нашем вахтенном журнале.

Так же, как мы, он изнывал от безветрия и молил всех святых поскорее дотащить его до зоны пассатов; так же, как мы, он мучился, выбирая плавучий якорь, и физалия, которую он встретил, была, быть может, родственницей той, что обстрекала меня.

Но, конечно, Бомбару приходилось неизмеримо труднее, чем нам.

Во-первых, он плыл один (предполагалось путешествие вдвоем, но спутник Бомбара в последний момент передумал); во-вторых, его резиновая лодочка была раз в шесть меньше нашего «Ра»; в-третьих, он странствовал без рации; и, наконец, в-четвертых, на борту «Еретика» отсутствовали еда и питье.

То есть они были, малой толикой, в опломбированных мешках. Но Бомбар скорее умер бы, чем решился сорвать пломбы, потому что тогда его предприятие потерпело бы крах.

Ибо Ален Бомбар взялся доказать: человеку волевого и осведомленному не страшно кораблекрушение, многие-многие одинокие дни среди волн.

Бомбар собирал дождевую воду, а когда дождя не было, выжимал сок из пойманных рыб. Не боялся хлебнуть и забортной соленой водицы. Ел не только рыбу, ел еще и планктонную кашичу.

У него сошли ногти на руках и ногах, его мучили авитаминозные язвы, долго потом он не мог нормально есть и спать — но он выжил, это было главное, он доплыл до суши и подал отличный, обнадеживающий пример тем, кто отныне, терпя бедствие,

окажется за бортом не по своей воле, — как знать, сколько жизней он таким образом спас?

А ведь он мог, казалось бы, на берегу, в лаборатории все расчислить, поработать соковыжималкой на планово отловленном материале, составить таблицы содержания в планктоне питательных веществ — что, между прочим, он и проделал предварительно, — и на том успокоиться. Кто бы его осудил? Наш век, оснащенный самой разнообразной и совершенной техникой, вообще располагает к экстраполированию. Пациент приходит к врачу не иначе как с целым ворохом справок об анализах, и это закономерно: чем полнее исследование, тем точнее будет диагноз...

И все же не сдана в архив трубочка стетоскопа! Все же иногда — пусть и крайне-крайне редко — настает необходимость, несмотря на обилие приборов, реактивов и инструментов, по-дедовски поднести к губам пробирку, в которой — опасный вибрион, подлежащий изучению!

Приручение плазмы, борьба с лейкемией и раком, космонавтика, наконец, — в той или иной степени это обязательно эксперименты на самом себе.

Везде рано или поздно исследователь остается один на один, лицом к лицу с Неведомым.

«Ра» в этом смысле не исключение, говорю без ложной скромности — и при этом имею в виду отнюдь не только ветер и воду, волны и штормы...

Кто-то из первых читателей этой книги, просмотрев рукопись, заметил:

— Что у тебя всюду «корабль» да «корабль»? Корабли в военном флоте, а «Ра» — лодка, судно, ладья, называй как хочешь, только не корабль! Не вводи читателей в заблуждение!

Пожалуй, если не учитывать недавнего терминологического сдвига (на космическом корабле, к примеру, нет ни пушек, ни пулеметов), мой приятель прав. И все же настаиваю: «Ра» — корабль, так как плавания его были воинствующими.

Мы воевали за дружбу и взаимопомощь, за чувство локтя, которое должно объединять народы не такой уж, честно говоря, огромной Земли.

Против зла в нас самих — за добро в нас самих; и добро победило!

Да, мы проверили мореходные качества древних папирусных судов, пересекли Атлантику доколумбовым путем, уточнили в меру сил степень загрязненности океана и сделали многое другое, о чем сообщается и еще будет сообщено в специальных статьях, докладах, отчетах, диссертациях, — но есть аспект, который касается решительно всех, этнографов и не этнографов, специалистов и неспециалистов.

Экспедиция «Ра» показала наглядно, не на теоретических выкладках, а на практике: самые грозные препятствия преодолимы, если люди солидарны в главном, если вопреки всему, что их разделяет, они верны общей разумной цели.

Ради одного этого уже стоило выходить в океан кораблику «Ра»!..

Турист, пожелавший осмотреть в тот осенний день пирамиду Хеопса, был бы немало удивлен, взгляни он вниз, в лощину, которой начинается Сахара.

Восемь человек, одетых будто для дипломатического приема, в белоснежные рубашки и строгие костюмы, восемь солидных взрослых мужчин бегали по небольшой площадке, нагибались, рылись в песке и вскрикивали от радости, выудив очередную коротенькую желтую палочку.

Каирское солнце безжалостно палило, лбы и спины взмокли, пыль медленно поднималась вверх по брюкам, как ртутный столбик термометра. И кинооператор в нешуточном ужасе кричал: «Ребята, как я вас буду снимать?! Вы перемазались, словно черти!»

Это мы искали кусочки папируса, которые должны были остаться на месте бывшего стапеля, там, где несколькими месяцами раньше строился «Ра».

С невероятным тщанием, с непомерным азартом — ах, еще сувенир, еще, для дома, для семьи, для друга, для знакомого, для сослуживца, —

Полно, в сувенирах ли была суть? Просто мы неосознанно старались растянуть минуты, когда в последний раз хоть что-то делаем вместе.

Хрупкие желтые палочки — казалось, пока они в твоих руках, ничто не кончилось и продолжается путь. Мы хватались за эти палочки, как за волшебные. Нам не хотелось прекращать быть экипажем, терять свою выстраданную общность. Нам не хотелось прощаться.

Словно мы боялись, что, расставшись, тут же что-то в себе утратим, чего-то нужного и уже привычного в себе лишимся, — снова превратимся в обыкновенных, в будничных, во вчерашних себя, —

Но — увы! — нельзя же весь свой век провести на папирусной палубе.

Мы разъехались. Стали обыкновенными. Раздарили магические чурбачки. И «Ра», наш добрый «Ра», скоро станет в музее Осло на вечный прикол.

И все-таки, если вслушаться, по-прежнему журчит вода у его форштевня.

До сих пор, когда мне в моей повседневной жизни приходится трудно, я слышу зов Тура: «Все паверх!» И сразу будто все они со мной рядом: Норман верхом на рее («Осторожно! Большая волна!»), Кей с кинокамерой, Мадани с сачком, великан Жорж с обломком весла...

Абдулла белозубо смеется, Сантьяго полон идей, Карло задумчиво насвистывает: «Белла, чао, белла, чао, бела, чао, чао, чао...»

— Есть «все паверх»! Мы не прощаемся, «Ра».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Не так-то просто было написать эту книгу: о плаваниях «Ра» и написано, и наговорено уже предостаточно, в том числе и самим Туром Хейердалом.

Чтобы добиться успеха, Ю. Сенкевичу надо было в событиях, всем и во всем, казалось бы, уже известных, найти сторону, еще неизвестную, и в меру сил, но, конечно, увлекательно о том рассказать.

Что ж, задача эта оказалась автору вполне по плечу. Книга Ю. Сенкевича читается с живейшим интересом. Причину этого интереса я бы определил так: на ее страницах изложена, причем с массой любопытнейших подробностей, анатомия подвига.

Как действует человек, попав в экстремальные условия? Как в этих условиях складываются его отношения с товарищами по экипажу, отряду, группе, поисковой партии? Как формируется, а затем функционирует сложная сеть неформальных взаимоотношений в небольшом изолированном коллективе еще недавно не знавших ничего друг о друге людей? Как видится каждому цель, к достижению которой стремится весь коллектив? Как в черед многоотрудных будней реализуется роль руководителя и каким видится руководитель тем, кто за ним идет?

Таковы лишь немногие из вопросов, которые — в большей или в меньшей степени — затрагивает в своей книге Ю. Сенкевич, стремясь показать читателю, как из пестрого множества поступков, действий, а порою и противодействий отдельных членов коллектива складывается равнодействующая подвига, этим коллективом совершенного.

Такое должно быть интересным каждому. И не только потому, что нас всегда волнует и сам акт всякого выдающегося по своим последствиям деяния, и внутренний мир тех, кто его совершил. Нет, этим дело не ограничивается. Может быть, даже еще важнее другое: плывя с Юрием Сенкевичем на папирусной ладье «Ра» через суровую Атлантику, пробиваясь вместе с Робертом Скоттом сквозь пургу и торосы Антарктиды, взбираясь в одной из связок экспедиции Ханта на высочайшую вершину мира, читатель не просто сопереживает давно свершившемуся, но каждый раз как бы примеривает себя к нему, снова и снова оценивая свои возможности тоже-совершить-подвиг.

И ведь мы живем в эпоху крутого перелома, в эпоху, когда необходимость подвига может в любую минуту стать необходимостью для каждого. И чем больше среди нас будет внутренне готовых к тому, что они могут, что им по силам, тем лучше и для них самих, и для всех людей на Земле. И в Космосе.

Среди тысяч и тысяч подвигов, которые людям еще предстоит свершить, немалое место будут по-прежнему занимать подвиги, совершенные в борьбе со стихиями. Ибо наше время, помимо прочего, это и время бурной экспансии человечества в неотвоетованное еще у природы пространство.

Подземные толщи и высочайшие горные хребты, величайшие пустыни и льды полярных шапок Земли, глубины и дно Мирового океана, околосолнечное пространство — все это ныне усиленно и в нарастающем темпе штурмуется передовыми отрядами землян.

Отряды пионеров всегда немногочисленны. Но потребность в них возрастает с каждым днем. И чем больше тех, кто стремится стать пионером, смелоду постоянно поддерживает в себе «готовность № 1», тем успешнее будет протекать борьба человека с природой.

В этом мне видится особое нравственное значение таких книг, как книга Ю. Сенкевича. В обществе, где воспитание высоких нравственных качеств возведено в ранг задачи общегосударственной, воспитующее значение такого рода книг, на мой взгляд, особенно велико. Ибо быть в числе первопроходцев — все равно где: в океане, в космосе или в теоретических дебрях науки — не только почетно, увлекательно, но и — о чем нередко как бы забывают — в высшей степени ответственно! И не только, и не столько даже перед товарищами по подвигу, сколько перед лицом всего общества. И — опять же — не только перед лицом общества современников, но также и перед теми, кто был, и теми, кто будет.

Во главе экспедиций, о которых повествует автор настоящей книги, стоял человек, которому это чувство Ответственности с большой буквы (т. е. ответственности перед настоящим, прошлым и будущим) присуще в высокой степени. Туру Хейердалу свойственно чувство одновременной причастности к деяниям древних, свершениям современников, делам и заботам потомков. Вот почему, всеми силами стремясь проникнуть в тайны истории древнейших цивилизаций, Хейердал с наименьшим рвением исследует степень загрязненности вод Атлантики и намеренно осложняет будущую ситуацию на борту «Ра», формируя экипаж из людей, заведомо разных по расовой принадлежности, языку, культуре и образу жизни, уровню материального благосостояния и идеологии, т. е. людей, которые «в мире» практически никогда или почти никогда не могли быть вместе сколь-нибудь продолжительное время.

Я уже не говорю о том, что в числе членов экипажа не было ни одного профессионального моряка. Да и кто, впрочем, за последние две тысячи лет уходил в океан на ладьях, связанных из снопов папируса?!

В эксперименте с подбором экипажа Хейердал сознательно шел на заведомый риск. Сколько трагедий произошло в пионерских партиях и экипажах только из-за так называемой психологической несовместимости! Достаточно вспомнить хотя бы события и обстановку на плоту Эрика Бишопа «Таити-Нуи».

Но капитан «Кон-Тики» и «Ра» яростно, даже фанатически убежден: «то, что объединяет человечество, является естественным и должно поощряться, и, наоборот, то, что разъединяет людей, является искусственным и должно быть преодолено». И отсюда следует, что, сколь бы ни были велики объективные и субъективные различия между людьми, они могут работать вместе над достижением единой цели, как бы тяжело им не приходилось.

Разумеется, цель должна быть достаточно вдохновляющей и масштабной.

Эксперимент Хейердала удался. Интернациональный экипаж «Ра» успешно справился с возложенной на него задачей. Кратковечный мирок семи-восьми человек, ограниченный площадью папирусного судна и отделенный (но не огражденный!) бортами последнего от социальных конфликтов семидесятых годов XX века, оказался, как и верил Тур Хейердал, жизнеспособным.

Нам, строителям общества, в котором коллективизм — один из основополагающих принципов социальной связи, не могут не импонировать и сам эксперимент, и убежденность Хейердала в необходимости и плодотворности единства действий всех прогрессивно мыслящих людей Земли. Хотя мы, конечно же, понимаем, что эксперимент этот ничего не доказал, но только еще раз привлек внимание сотен тысяч, может быть, даже миллионов людей к одной из самых животрепещущих проблем человечества — к проблеме интернационализма, к проблеме дружбы, братства и сотрудничества всех народов Земли.

В мире, потрясаемом грохотом рвущихся бомб и криками гибнущих в пламени войны детей, полезно каждое конструктивное усилие в защиту идей межрасового и интернационального единства человечества. Мы все — люди — живем на одной, очень небольшой по величине планете. И если мы, вопреки всему, что нас разъединяет и сталкивает друг с другом, все-таки век за веком, тысячелетие за тысячелетием неуклонно движемся, пусть нередко отступаясь и падая, вперед по пути прогресса, то этому мы обязаны прежде всего совместности наших материальных и духовных усилий, совместности, преодолевающей неизменно разнь.

Во все предшествовавшие исторические эпохи силы общечеловеческой солидарности и прогресса в конечном счете преодолевали силы зла, реакции, классового и этнического эгоизма. С этой точки зрения, история мировой культуры учит нас историческому оптимизму. И Тур Хейердал сделал очень многое для того, чтобы убедить нас в том, что конструктивные усилия древних были гораздо большими и более результативными, чем мы это обычно до сих пор себе представляли.

В частности, именно Тур Хейердал доказал — теперь мы уже вправе так говорить: **доказал**, — что океан и в далеком прошлом не только разъединял и обособлял области интенсивной исторической жизни, но нередко, наоборот, способствовал установлению между ними длительных и катализирующих развитие культуры связей, ускоряя тем самым поступательное движение мирового культурно-исторического процесса.

Здесь уместно, видимо, остановиться хотя бы в двух словах на тех взглядах Тура Хейердала, которые привели его и его спутников, в том числе и Юрия Александровича Сенкевича, на борт «Ра», а затем — и «Ра-2». Это тем более уместно, что и по сей день нет-нет да и попадают книги и журналы, на страницах которых Хейердалу — этнологу и исто-

рику культуры — предъявляются обвинения, ни много ни мало, в расизме (!).

Критики-обвинители отправляются обычно от утверждения, будто Тур Хейердал злонамеренно приписывает создание древних цивилизаций Центральной и Южной Америки представителям «высшей расы», неким «белокожим, рыжеволосым» пришельцам из далекого Средиземноморья, тогда как самих американских индейцев он якобы считает на это неспособными.

Трудно сказать, что движет пером обвинителей: недостаточная осведомленность, непонимание или злой умысел. Однако в любом случае критики такого рода весьма далеки от истины.

Прежде всего, о фактах, наукой уже твердо установленных. Первая группа фактов свидетельствует о том, что у майя, ацтеков, чибча, инков и многих других народов Центральной и Южной Америки действительно были распространены в не столь уж далеком прошлом легенды и предания, согласно которым творцами и хранителями наивысших достижений индейской культуры были пришлые немногочисленные группы людей, резко отличных по своему физическому типу от основной массы монголоидного населения. В числе важнейших отличительных признаков во внешнем облике этих людей легенды согласно указывают светлый (белый) цвет кожи и рыжую бороду. Нередко эти же признаки приписывались индейцами местным богам. К слову сказать, схожие представления о людях и богах европеоидного облика есть и в полинезийских преданиях и мифах.

Но, может быть, мотив светлокожих рыжебородых пришельцев был привнесен в индейские предания и легенды полинезийцев уже в Новое время, в оде вторжения в Америку и Тихий океан европейских колонизаторов, христианских проповедников? Этот весомый, на первый взгляд, аргумент, однако, нетрудно отвести. В самом деле. Не случайно же инки приняли войско завоевателя Перу, испанского конкистадора Франсиско Писарро за вернувшихся к ним богов, а полинезийцы Гавайских островов равным образом усмотрели в известном английском мореплавателе Джемсе Куке своего бога Лоно.

Но есть и иные, пожалуй, более доказательные факты присутствия европеоидо-подобных бородачей в древней Америке. Существует еще одна достаточно широкая группа фактов, содержащих ценнейшую информацию о бородачах европеоидо-подобного вида в ту эпоху. Это — памятники изобразительного искусства Центральной и Южной Америки. Многие из фактов этого рода названы в известной, но, к сожалению, не переведенной у нас книге Тура Хейердала «Американские индейцы в Тихом океане».

Наконец, есть и еще одна, третья группа фактов, очевидно, наиболее убедительно свидетельствующая о реальности светлокожих бородачей европеоидо-подобного облика. Это — факты, добытые археологами и антропологами при раскопках древних погребений в высокогорных областях южноамериканских Анд.

Среди хорошо сохранившихся в условиях высокогорья мумий погребенных четко выделяются мумии рыжеволосых европеоидо-подобных

людей, чьи антропологические показатели разительно отличаются от показателей основной массы монголоидного населения древней Америки.

Видимо, более прав Тур Хейердал, который попытался найти единое научное объяснение всем трем перечисленным группам фактов, нежели его оппоненты, оставившие эти факты без должного внимания и предъявившие Хейердалу нелепое обвинение в расизме. В действительности Хейердал лишь предложил одно из возможных толкований фактов, давно уже установленных, но тем не менее еще не объясненных сколько-нибудь удовлетворительно.

Однако назвавшемуся груздем — один путь: в кузов. Откуда могли прийти европеоидо-подобные пришельцы древности на Американский континент? Один из возможных (может быть, даже наиболее возможных) районов их «исхода» — Средиземноморье, где с глубочайшей древности развивалось интенсивное каботажное, а затем и по волнам океана плавание.

Стоило проверить вероятность этой возможности более основательно. И Хейердал, как и прежде, не ограничивая себя теоретическими изысканиями, решил сам испытать мореходные качества древнейших средиземноморских судов, к тому предназначенных. Так родилась, а затем энергией Тура Хейердала и усилиями его интернационального экипажа была воплощена в жизнь еще одна «сумасшедшая» идея викинга XX века: пересечь Атлантику на судне, построенном по образцам древнеегипетских папирусных мореходных ладей.

И что же? Оказалось, вопреки единодушному и громкогласному хору скептиков, что связанные из снопов папируса по древнеегипетским — очень условным! — изображениям обе «Ра» прекрасно держались на волнах океана. Справедливости ради, следует напомнить, что одна из ладей — «Ра-1» — потерпела кораблекрушение: драматизм этого события хорошо передан Юрием Сенкевичем. Но сколько и во сто крат более совершенных судов легло хотя бы за последние сто лет на дно Атлантики! Можно ли на основании этого утверждать, что Христофор Колумб не мог (!) доплыть до Америки?

Основной вывод из результатов двух плаваний «Ра» заключается в том, что Хейердалу удалось доказать навигационную и технологическую возможность пересечения Атлантики на папирусных судах древних обитателей Средиземноморья, создателей одного из древнейших, если не самого древнего очага цивилизованных форм культуры и общества.

Была ли эта возможность — пока только возможность! — реализована древними средиземноморцами и если «да», то когда и как и с какими последствиями для судеб древнеамериканских культур? Ответы на эти вопросы смогут дать только дальнейшие, очень и очень нелегкие совместные исследования многих ученых — представителей самых различных наук: археологов, антропологов, этнографов, социологов, ботаников, лингвистов, искусствоведов, корабелов, архитекторов и т. д. Во всяком случае,

путь для такого рода исследований расчищен, вопросы поставлены и доказана, что чрезвычайно важно для движения научной мысли, правомерность самой постановки этих вопросов.

Подтвердят или нет дальнейшие изыскания, что древние жители Средиземноморья причастны к возникновению и развитию древнейших цивилизаций Американского континента, — так или иначе, мы узнаем о реальном ходе культурно-исторического процесса много больше, чем знали до сих пор.

Но для того чтобы эти дальнейшие изыскания были плодотворными, совершенно необходимо освободиться от широко распространенного предрассудка, суть которого вот в чем. С детских лет нас приучают к мысли о непохожести мира древних цивилизаций на наш современный мир. Еще на школьной скамье мы заучиваем, что это были рабовладельческие общества, что в этих обществах усилия сравнительно немногочисленного господствующего класса рабовладельцев были направлены прежде всего на то, чтобы удержать в повиновении рабов и крестьянские массы, что войны, междоусобицы и восстания заполняли конкретную историю древнейших цивилизаций, наконец, что раб и рабовладелец равным образом верили в полную зависимость своих судеб от безграничной и абсолютной воли жестоких и кровожадных богов, деспотичных, утопавших в неге и роскоши властителей, мудрых и всемогущих жрецов.

Также с детства нас знакомят с поражающими воображение результатами многогранной деятельности древних: их дворцовой, храмовой и фортификационной архитектурой, их скульптурой, их фресками, их философскими трактатами и научными знаниями, сплетенными воедино с фантастическим миром богов и духов, бесчисленными изделиями их разнообразных ремесел — короче, со всем тем, что так разительно отличает мир, в котором они жили и умирали, от мира нашего времени.

Мир древних цивилизаций для нас — это прежде всего удивительный, особенный мир, мир непохожего. И мы сами, не замечая этого (и ученые обычно в том числе), отказываем этому миру в том, что связывает нас и древних в единое человечество: в мужестве и дерзании, в вечной неудовлетворенности и стремлении к лучшему, в извечном всегда и везде и во веки веков приоритете мысли, дерзания и дела над суевериями, страхом и довольством животного благополучия. Мы попросту забываем порой о том, что человек только потому и стал человеком, что всегда им был. Частное, особенное заслонило от нас общечеловеческое.

И ведь каждый человек — сперва человек, а уже потом египтянин, ахеец, ольмек, ирокез, франк или вятич, не правда ли?

Думается, что вот такой, человеческий взгляд на людей и общество седой древности присущ Туру Хейердалу. И именно здесь ключ к его, хейердаловскому, видению истории древнего человечества. С точки зрения Хейердала, человек самых отдаленных от нас времен был в главном таким же, как мы, человеком, т. е. он мог и должен был знать, дерзать и побеждать.

Не раб, а хозяин мира, в котором он жил, — вот кем он был, древний землепроходец и мореплаватель.

Путем длительного и тяжелого опыта древние познали окружающую их природу, ее закономерные изменения и ее капризы в равной степени и научились преодолевать горы и пустыни, моря и даже океаны с помощью средств, которые необоснованно кажутся нам, оценивающим их с высоты научно-технической революции XX века, примитивными и непригодными. Вполне возможно, что наши далекие потомки совершенно подобным же образом будут приходить в ужас, рассматривая в музее «консервную банку», на которой первый землянин достиг поверхности нашего спутника.

Тем и мудр Хейердал, что он поверил в общечеловеческие возможности и способности людей древнего мира. Вот почему модели исторических процессов, создаваемые мыслью Хейердала то для одной, то для другой части древнего мира, со временем подтверждаются фактами.

И удивительнее всего то, что Тур Хейердал моделирует древние страсти человеческой истории на волнах океана. Потомку скандинавских викингов океан видится столь же уместной ареной исторических свершений, как пустыня бедуину или бушмену, как льды и снега эскимосу и чукче. И Тур Хейердал, конечно, прав. Как иначе объяснить находки японских сосудов эпохи IV—III тысячелетий до н. э. на берегах нынешнего Эквадора или глубоко зарытого у побережья Венесуэлы клада римских монет IV века н. э.? Такие факты ставят в тупик сухопутные умы, но для того, кому водная стихия — дом родной, это лишь новые доказательства того, что океан был освоен человеком уже в глубокой древности.

Историческая модель древнего мира, согласно которой океан не разъединял, не изолировал на долгие тысячелетия заселявшие разные материк группы человечества, а наоборот, соединял их друг с другом, такая модель конечно же, не могла быть создана ученым, обладавшим вышеназванным предрассудком.

Создание такой принципиально новой исторической модели древнего мира удалось Туру Хейердалу именно потому, что он видит в прошлом прежде всего не руины, не погребения, не загадочные письмена и изваяния, а самих творцов истории и культуры, дерзких, деятельных и думающих, несмотря на тысячи предрассудков и суеверий, которые сдерживали их мозг и руки, несмотря на сравнительную простоту и даже примитивность их материальных средств воздействия на природный мир.

Таким образом, плавание двух «Ра» — это не только эксперимент-проверка мореходных качеств средиземноморских судов древности. Это также проверка, если хотите, определенной, в известной степени новаторской, безусловно прогрессивной теоретической установки при реконструкции реальных культурно-исторического процесса в эпоху становления древнейших цивилизаций.

Материалистическая концепция исторического единства человечества, впервые выдвинутая и научно обоснованная в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, непрерывно развивается и обогащается, вбирая в себя все лучшее,

что накапливает современная мировая наука. Думается, что конкретно-исторические исследования Тура Хейердала не только нисколько не противостоят сложившемуся у марксистов взгляду на конкретный ход мирового культурно-исторического процесса, но, напротив, вводят в научный оборот ценнейший материал, свидетельствующий в пользу названной концепции.

Таков теоретический подтекст тех событий, счастливым участником которых стал Юрий Александрович Сенкевич. И к участию в которых он привлек теперь своих читателей. Не берусь судить, как это получилось у Ю. Сенкевича — вольно и неволью, но книга у него вышла несомненно романтическая. Особенно хорошо удался автору образ Тура Хейердала, ученого-романтика наших дней: «его Хейердал» обаятелен и в то же время неизменно целеустремлен, как стрелка компаса.

И второе, за что мы, на мой взгляд, особенно должны быть благодарны автору этой книги, — это «его океан». На страницах книги Ю. Сенкевича океан нередко строптив, полон угроз, а порою даже смертельно опасен, но никогда он не выступает как враг человека. И закрывая книгу, ты чувствуешь, что с океаном жить можно. Мне, когда я читал еще рукопись, почему-то, по какой-то ассоциации вспомнился «Солярис» Станислава Лема. Случайно ли?

Во всяком случае, книга Ю. Сенкевича — призыв к дружбе с океаном. Призыв, весьма симптоматичный для наших дней, когда интенсивное проникновение человека в океан вступило в качественно новую фазу. И в этом смысле книга Ю. Сенкевича — полезный и нужный подарок советскому читателю, жителю страны, берега которой омывают моря трех величайших океанов нашей планеты.

В. М. БАХТА,
кандидат исторических наук

О Г Л А В Л Е Н И Е

Вместо предисловия	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ	7
Как кончалось прошлогоднее плавание. — На борту «Шенандоа». — Что нам делать с кораблем! — «Там полно акул!» — Печальное расставание. — Тур трижды говорит «да». — И все таки... — Приватный обед в Каире. — Храним тайну. — Опять Сафи. — Хвала Ивон. — Тур хватается за голову. — «А плавать ты умеешь!» — Нас провожают. — Сорвало парус! — Операция «Грот». — Как трудно его поднимать. — Шторм. — Зачем, зачем!..	
РАССУЖДЕНИЕ ПЕРВОЕ, о диффузионизме и изоляционизме и проблемах древних трансокеанских связей	18
ГЛАВА ВТОРАЯ	35
Шторм третьи сутки. — Ветераны бодрятся. — По-знакомимся, наконец! — «Не слишком ли быстро мы идем!» — Пошли медленнее. — Утро на «Ра-2». — От носа до мачты. — Папирус и примус. — Кстати о фараоновом действе. — От мачты до хижины. — Как на «Ра-1» все извивалось и скрипело. — Не только смена цифры. — От хижины до кормы. — Кто полезет в воду! — Нельсон под лодкой. — Юби и Синдбад. — Кто чем занят в эту минуту.	
РАССУЖДЕНИЕ ВТОРОЕ, главным героем которого является Океан	50
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	58
Приручили «Зодиак». — Жорж и Сантьяго пляшут канкан. — Хирургия. — Кого и как я лечил. — Госпиталь «Ра-1». — Плюсы и минусы безветрия. — Год назад мы стартовали. — Ужасный мыс Юби. — Ночной аврал. — Набухаем. — Как понемногу тонул наш незабвенный «Ра-1». — Не зайти ли на Канары! — Разгружаем трюм. — Что едят на «Ра». — График Уровня Аппетита. — Социалистический сухарь и капиталистический зуб. — Дискусии. — Как я засыпаю и как просыпаюсь. — Ода ночным вахтам. — Где вода! — Воспоминание об источнике месье Шанеля. — «А на чем мы будем есть!» — После нас хоть потоп. — Карло или Жорж! — Ночной вопль.	
РАССУЖДЕНИЕ ТРЕТЬЕ, касающееся эксперимента психологического, участниками которого все мы вольно или невольно являемся	89

«Маньяна!» — Укрепляем брезент. — Противовес из мачты!! — Как поднимали корму на «Ра-1». — Вертки-веревочки. — Вечера на завалинке. — Мы все интересные люди! — Коротышка Кнют. — «Белла, чао, чао, чао!» — Закон Архимеда и друзья «Ра». — Пятеро мужичков с Титикаки. — «У меня есть хорошая идея». — Чистим трюм. — Жорж сплеховал. — Вариант «каркади». — Какой противовес! Волнорез! — Человек за бортом. — Длинная цитата из «Кон-Тики». — Абдулле позволо. — Норман крутит головой. — Ждем шторма. — Изменился питьевой режим. — Папирус пахнет не тем. — Наш зоопарк. — Все о Сафи. — Куда на «Ра» уходит время. — Ветер и волны. — Минус еще кувшина. — Минус еще два кувшина. — За кормой полпути. — Праздник, на котором сначала окончательно ссорятся, а потом окончательно мирятся.

РАССУЖДЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ, которое следует считать продолжением третьего, предыдущего 130

Появились физалии. — Интернациональное снабдье. — Настал-таки этот час! — Эпитафия веслам «Ра-1». — С первого до последнего дня. — Железное дерево съело сосну. — Берем рифы. — Руль из обломков. — Кошмар. — Трещина. — «Сломался мостик!» — Вместо грота — спинакер. — Физалия и Жорж. — Яхта еще в порту! — Прошлогоднее «SOS». — Норман травит бакштаги! — «Каламар» и его вопросник. — Говорю с Ленинградом. — С-т-о-л-б. — Ремонт уключины. — Дети огромного мира. — Исчез Юби. — Генеральный Аврал Сорок Третьего Дня. — Тур не вспомнил приметы. — Встреча с «Каламаром». — Посылка. — Режем корму. — Кольцо сжимается. — Жертвуем «Зодиаком». — Часы Жоржа. — Воспоминания о последних днях «Ра-1». — Меняем курс. — «У меня ручная рация!» — Ветер, волны, дождь... — Ну и качка! — Ивон и воки-токи. — Все счастливы. — Муравышка-Жорж. — Попадем ли на Барбадос! — Норман борется за плавучесть.

РАССУЖДЕНИЕ ПЯТОЕ, заключительное 177

СЕНКЕВИЧ ЮРИИ АЛЕКСАНДРОВИЧ

НА «РА» ЧЕРЕЗ АТЛАНТИКУ

Редактор Л. А. Зельманова

Художник В. А. Каралкин

Худож. редактор И. Н. Кошаровский

Технический редактор А. Г. Алексеев

Корректоры В. И. Гинцбург и Н. И. Оршер

Сдано в набор 19/IV 1972 г. Подписано к печати 2/XI 1972 г. М-08424. Бумага 60×84¹/₈, тип. № 1 и мелованная. Усл. печ. л. 13,02 с вкл. Уч.-изд. л. 14,15. Тираж 200 000 экз. Индекс ПЛ-295. Заказ № 180. Цена 98 коп. Гидрометеозидат, Ленинград, В-53, 2-я линия, д. 23 Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Ленинград, Гатчинская ул., 26

98 коп.

ГИДРОМЕТЕОИЗДАТ 1973